

коснуться въ различныхъ литературныхъ формахъ народностей славянскаго племени. Мнѣ на долю выпала, въ этомъ отношеніи, народность малорусская.

Малорусскій народъ принадлежитъ къ русской вѣтви словянскаго племени. Всѣхъ говорящихъ малорусскимъ нарѣчіемъ, на пространствѣ отъ береговъ Дона до Карпатскихъ горъ, считаютъ до пятнадцати милліоновъ. Трудно рѣшить съ котораго времени существуетъ малорусское нарѣчіе съ своей особой фізіономіей. Кромѣ нѣкоторыхъ признаковъ въ Галицкой лѣтописи и въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка, вообще недостаточно ясныхъ, мы видимъ отдѣльную фізіономію малорусскаго нарѣчія только съ XV вѣка, а еще яснѣе эти признаки показываются въ рѣчи XVI и XVII-го. По здравому смыслу мы конечно не можемъ предполагать, чтобы малорусское нарѣчіе не существовало въ прежніе вѣка: не явилось же оно внезапно, какъ лошадь отъ удара Нептунова трезубца. Но мы оставимъ въ сторонѣ тотъ западно-русскій книжный языкъ, который долгое время былъ въ употребленіи въ литературныхъ памятникахъ малорусскаго края и которымъ собственно народъ никогда не говорилъ. Только собственно-народные, или простонародные памятники творчества массы могутъ служить несомнѣнными признаками народной рѣчи. Малороссія очень богата этими памятниками; особенно пѣснями такъ богата, что едвали какой другой словянскій народъ можетъ похвалиться болѣшимъ противъ нея богатствомъ; но такъ какъ эти народные памятники дошли до насъ въ изустномъ видѣ, а не на письмѣ, то являются новыя недоразумѣнія и вопросы: точно ли эти памятники принадлежатъ старымъ временамъ. Тутъ намъ могутъ помогать только признаки содержанія памятниковъ и черты, указывающія на прошедшія событія, или на прошедшій бытъ. Большая часть малорусскихъ пѣсень принадлежитъ къ XVII вѣку, но есть значительное число гораздо старѣйшихъ—вѣка XVI-го, а иныя, особенно обрядныя, переходятъ въ сѣдую древность, по крайней мѣрѣ по ихъ содержанію. Пѣсни, сказки и преданія—безцѣнные памятники народной литературы, живое выраженіе былого народнаго творчества. За исключеніемъ пѣсень, какъ мы сказали, болѣею частію обрядныхъ, указывающихъ на слѣды древности, народная малорусская поэзія минувшихъ временъ сосредоточивается на томъ періодѣ народной жизни, который слѣдуетъ назвать козацкимъ. Періодъ этотъ охватываетъ XVI и XVII вѣка и мало-по-малу исчезаетъ въ XVIII-мъ. Одною изъ характеристическихъ чертъ козацкой жизни, отразившихся въ народной поэзіи, была борьба козаковъ съ мусульманскимъ

міромъ, именно съ турками и находившимися подъ ленною властію Турціи крымскими татарами. Въ этомъ отношеніи малорусскій народъ и его поэзія представляютъ большое подобіе съ сербскимъ народомъ и созданными имъ пѣснопѣніями. У обоихъ народовъ была подобная историческая задача, одинакія стремленія и сходныя впечатлѣнія, вліявшія на ихъ чувство и воображеніе. Разницу составляетъ только различное поле дѣйствія, обуславливаемое географическими особенностями краевъ, гдѣ обитали и дѣйствовали эти два словянскіе народа. Сербы воевали среди холмовъ и горъ, — малоруссы были жители степей и полей, за то отправлялись на Чорное море и оно-то было главнѣйшимъ свидѣтелемъ козацкихъ подвиговъ. Сербы почти нигдѣ не являлись на морѣ и оно мало вошло въ ихъ поэзію; сербы защищали свое отечество и ихъ борьба съ невѣрными была оборонительною; малоруссы, напротивъ, защищая свое отечество отъ хищническихъ нападеній, сами пускались въ страну своихъ враговъ, и потому войны ихъ съ мусульманами имѣли съ ихъ стороны болѣе наступательный характеръ. Подвиги сербскихъ юнаковъ представляли болѣе опредѣленныхъ послѣдствій, были плодотворнѣе козацкихъ набѣговъ, потому что черезъ нихъ сербскій народъ завоевывалъ шагъ за шагомъ свободу своей родины. И нынѣшнее возстаніе Герцеговины сразу показываетъ характеръ стремленія народа къ расширенію свободной области своего отечества. У малоруссовъ этого не видно. Мусульмане не владѣли Малороссією, если только не переносится въ далекія времена владычества Батыевыхъ потомковъ, когда еще не начинался козацкій періодъ народной южно-русской исторіи. Мусульмане нападали на Малороссію; крымскіе татары дѣлали частые набѣги и уводили толпы плѣнниковъ, но не овладѣвали въ ней городами, не строили крѣпостей, не ставили намѣстниковъ, не заводи́ли гарнизоновъ и поселеній. За то и малоруссы заносили свою народность въ мусульманскія страны только по-неволѣ, въ образѣ плѣнниковъ; земля турецкая и татарская была для нихъ всегда враждебная, проклятая, хотя и доставляла богатства чрезъ набѣги и разоренія, причиняемые козаками. Въ малорусской народной поэзіи нельзя найти ничего похожаго, напримѣръ, на прекрасныя сербскія пѣсни о Косовской битвѣ и о паденіи Сербскаго царства, какъ равно и на пѣсни, въ которыхъ описывается о воскресеніи сербскаго духа и возстаніе противъ турокъ. За то едвали въ сербской народной поэзіи возможна была бы такая дума, какъ малорусская, изображающая побѣгъ трехъ азовскихъ братьевъ чрезъ безлюдныя степи и грустную смерть въ степи козака, по-

раженного безхлѣбьемъ и безводьемъ: для сербскаго юнака не возможно было слѣдовать нѣсколько дней по необитаемой степи. Также точно трудно вообразить себѣ между сербскими пѣснями такое событіе какъ, напримѣръ, буря на Черномъ морѣ, застигшая козаковъ. Въ сербской народной поэзіи можно найти много пѣсенъ, гдѣ представляются близкія отношенія сербовъ съ турками, не только враждебныя, но и дружественныя. Это естественно въ той странѣ, гдѣ долгое время христіанскіе народы жили подъ одною властію съ мусульманскими; но такая черта дѣлается почти невозможною въ пѣсняхъ малорусскихъ; хотя малоруссы и входили иногда въ союзъ съ невѣрными, но все-таки какъ съ людьми особой націи, а не съ соотчичами по государственной связи. Наконецъ, пѣсенный языкъ сербской поэзіи сильно изобилуетъ турецкими словами и выраженіями, чего нѣтъ и быть не могло въ поэзіи малорусской. Эти отличія не уничтожаютъ глубокаго внутренняго сродства между героическою сербскою поэзіею и козацкими думами и пѣснями, воспѣвающими борьбу малоруссовъ съ турками и татарами. Все таки видно, что судьба этихъ народовъ заключала въ себѣ слишкомъ много подобнаго и сербскій юнакъ все-таки сродни малорусскому козаку. Да и дѣйствительно между этими народами, несмотря на пространство, раздѣлявшее ихъ, существовало не только сродство, но даже взаимная симпатія. Есть свѣденія, что въ Запорожской Сичи, въ числѣ пришлыхъ удалцовъ съ разныхъ сторонъ—сербы занимали видное мѣсто; сербы были въ рядахъ Хмельницкаго; мы встрѣчаемъ между козацкими чиновниками сербскихъ выходцевъ; сербинъ—названіе очень знакомое для малоруссовъ; оно попадаетъ и притомъ нерѣдко въ пѣсняхъ, почти также, какъ имя чернаго болгарина въ сербской поэзіи. Наконецъ въ жизни и домашнемъ бытѣ двухъ этихъ словянскихъ народовъ существуетъ такое большое сходство, что если вы поѣдете по Сербіи, попадающійся сербскій поселянинъ и въ своей одеждѣ и въ своихъ приемахъ рѣзко напомнитъ вамъ малорусса, а когда войдете въ его жилище, то вся обстановка его напомнитъ вамъ малорусскую хату. Не-даромъ въ то время, когда разразилась печальная вражда между козаками и поляками, польскій историкъ Твардовскій, соболѣзнуя о плачевной враждѣ братскихъ народовъ, замѣчалъ, что лучше было бы имъ, соединясь вмѣстѣ, идти на турковъ и освободить своихъ родичей сербовъ и болгаръ.

Изъ пѣсенъ и думъ, относящихся къ борьбѣ козаковъ съ турками и татарами, самую старѣйшую можно считать пѣсню о Байдѣ, подъ именемъ котораго помнился въ народѣ князь Ди-

митрій Вишневецкій, одинъ изъ раннихъ козацкихъ героевъ, первый виновникъ козацкой славы. Польскій историкъ Старовольскій рассказываетъ, что взятый въ плѣнъ турками Вишневецкій былъ преданъ въ Царьградъ мучительной казни: повѣшенъ на крюкъ за ребро и, вися въ такомъ положеніи, славилъ Бога и проклиналъ Мухамеда. Пѣсня изображаетъ его въ народно-эпическомъ образѣ: онъ съ козаками въ Царьградъ на рынокъ пьетъ горилку, — увидѣлъ его султанъ, плѣнился его красотою и статностию и предлагаетъ ему дочь свою въ супружество; Байда отвергаетъ эту честь, называетъ дочь султана поганою и вѣру его — проклятою; султанъ приказываетъ прицѣпить его ребромъ за крюкъ; Байда, вися на крюкѣ, проситъ дать ему лукъ и стрѣль, обѣщая застрѣлить голубку на ужинъ султану; ему даютъ стрѣлы и лукъ; Байда убиваетъ султана и дочь его. Замѣчательно, что эта пѣсня до того привилась въ народѣ, что поется даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вообще исчезли всѣ историческія пѣсни, напримѣръ, у малороссіянъ-переселенцевъ въ Саратовской губерніи. Быть можетъ также къ старымъ пѣснямъ еще XVI вѣка слѣдуетъ отнести пѣсни о татарскихъ набѣгахъ, а равно и пѣсни о страданіи христіанскихъ невольниковъ на турецкихъ галерахъ. Впрочемъ, тѣ и другія невозможно приурочить не только къ извѣстнымъ событіямъ, но даже приблизительно ни къ какому періоду времени, потому что черты, изображаемыя въ нихъ, являлись въ народной жизни безпрестанно въ продолженіе двухъ вѣковъ. Въ пѣсняхъ перваго рода изображается толпа малорусскихъ женщинъ и дѣвицъ, которыхъ гонятъ татары въ плѣнъ. Вотъ одна дѣвица ведется на арканѣ босая, подгоняемая бичемъ татарина. „Моя бѣдная русая коса! — восклицаетъ она: — не матушка тебя расчесываетъ, татаринъ бичемъ растрепываетъ; мои бѣдныя ножки! не матушка васъ моетъ, камень пробиваетъ васъ до крови“ и т. д. Въ одной пѣснѣ описывается, какъ татаринъ, взявши прежде малороссіянку и женившись на ней, сдѣлавши снова набѣгъ на русскую землю, беретъ въ плѣнъ ея мать и опредѣляетъ въ служанки къ своей женѣ; дочь, не узнавши матери, наноситъ ей оскорбленіе; тогда мать открывается дочери и обѣ собираются бѣжать въ отечество. Эта пѣсня, по своему мотиву, очень старая; подобная есть у великоруссовъ и очевидно принадлежитъ еще древнѣйшимъ временамъ. Степныя битвы съ татарами, происходившія безпрерывно на широкомъ безлюдномъ пространствѣ, отдѣлявшемъ Украину отъ крымскихъ предѣловъ, оставили въ народной поэзіи нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ съ живыми чертами прошедшаго воинственнаго быта.

Такова дума о козака́х Голотѣ. Татаринъ отправляется на ловлю людей, добывать живой товаръ, чтобы приобрѣсть себѣ выгоду; онъ надѣется поймать козака въ богатомъ кармазинномъ жупанѣ, на цѣнномъ конѣ, украшеннаго оружіемъ, и самъ выѣзжаетъ нарядившись какъ на праздникъ; но вмѣсто желанной добычи встрѣчаетъ козака-голоту, т.-е. голь-козака, у котораго на головѣ драная шапка, подбитая вѣтромъ; онъ готовится ловить его арканомъ, а козака-голота стрѣляетъ, сваливаетъ татарина на землю, обдираетъ съ него нарядъ, беретъ коня и приводитъ съ торжествомъ въ Сичу, насмѣхаясь надъ неудачею своего врага, думавшаго поживиться на козацкій счетъ. Къ этому же разряду пѣсень относится прекрасная дума объ Ивасѣ Коновченкѣ — дума длинная и богатая поэтическими образами, одна изъ любимыхъ думъ нашихъ бандуристовъ. Сюда же отнести слѣдуетъ пѣсни о подвигахъ и трагической смерти Морозенка — любимаго героя народной поэзіи, о которомъ поютъ не одни бандуристы, специально посвятившіе себя сохраненію старинныхъ памятниковъ поэзіи, но весь народъ, и мужчины, и женщины на всемъ пространствѣ, гдѣ говорятъ малорусскимъ нарѣчіемъ. Кто такой этотъ Морозенко, когда жилъ онъ, гдѣ положилъ голову — по письменнымъ историческимъ матеріаламъ неизвѣстно, также точно, какъ трудно было бы отыскать по лѣтописямъ многихъ изъ тѣхъ юнаковъ, которые составляютъ любимый предметъ сербской народной поэзіи. У народа, какъ малорусскаго, такъ и сербскаго — свои великіе люди, свои воспоминанія, своя собственная исторія; для народа важно бываетъ то, на что не обратитъ вниманія историкъ и, напротивъ, народъ не пойметъ важности того, надъ чѣмъ остановится наука. — Вотъ еще прекрасная дума о братьяхъ, умирающихъ отъ ранъ на берегахъ рѣки Самары; вотъ другая о „Федорѣ безродномъ, безплемянномъ“, находимомъ при смерти отъ ранъ козаками гдѣ-то на берегу днѣпровской саги; вотъ великолѣпная дума, цѣлая поэма о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ азовскаго плѣна и о печальной смерти одного изъ нихъ среди дикой степи на Савурь-могилѣ. Все это — дивныя, неоцѣненныя произведенія поэзіи тѣхъ вѣковъ, когда на южнорусскихъ степяхъ кипѣла бурная жизнь, совершались блестящія, хотя мало замѣченныя современною исторіею подвиги народа, отстаивавшаго своею кровью европейскую цивилизацію и христіанство отъ разрушительнаго напора дикихъ кочевниковъ, точно также какъ въ другомъ углу Европы тотъ же подвигъ выпалъ на долю сербскаго народа.

Пѣсни о морскихъ походахъ козаковъ еще болѣе замѣча-

тельны по своимъ поэтическимъ достоинствамъ и вѣрности историческихъ чертъ. Вообще въ нихъ, сколько намъ извѣстно, не воспѣваются морскія битвы, хотя, по историческимъ памятникамъ, ихъ происходило много и часто; но что въ нихъ особенно плѣняло народное чувство и воображеніе—это судьба невольниковъ, попавшихся въ плѣнъ и осужденныхъ на галерныя работы. Какъ извѣстно, такихъ невольниковъ—чрезвычайное множество; состояніе ихъ въ неволѣ было такъ плачевно, что, по свидѣтельству современниковъ, самая желѣзная натура не могла вынести и десяти лѣтъ мучительной неволи. Пѣсни живо и трогательно описываютъ страданія этихъ невольниковъ. Они скованы цѣпью, сидятъ на галерѣ и должны работать веслами, а суровый турецкій паша приказываетъ бить ихъ таволгою такъ безжалостно, что кровь съ нихъ льется потоками и тѣло отпадаетъ кусками до „желтыхъ костей“, какъ говоритъ пѣсня. Несчастный невольникъ видитъ летающаго надъ галерою сокола, называетъ его роднымъ братомъ, проситъ полетѣть въ христіанскую землю къ его родителямъ и сказать имъ, чтобы они продавали свои грунты, все имущество и выкупали сыновей своихъ изъ тяжелой неволи; слышитъ эту мольбу его братъ и товарищъ рабства и говоритъ ему: „зачѣмъ задавать тоски нашимъ родителямъ! Хотя бы они продали все свое имущество и собрали большія деньги, не узнаютъ они гдѣ насъ искать, въ пристани ли Козловской, въ городѣ ли Царьградѣ, а можетъ быть турки запродадутъ насъ за Красное море, въ Арабскую землю, куда не зайдетъ, не зайдетъ душа крещеная!“ Только и отрады несчастнымъ невольникамъ, что они проклинали турецкую землю, бусурманскую вѣру и молятъ Бога, чтобы послалъ Господь на море бурю, чтобы буря вырвала якорь съ турецкой каторги и волны потопили бы ихъ и прекратили разомъ ихъ страданія. Но не всѣхъ ожидалъ такой конецъ. Бывали хотя и рѣдкіе случаи спасенія галерныхъ невольниковъ, и такіе случаи воспѣваются въ украинскихъ думахъ. Такова прекрасная, очень длинная дума о Самойлѣ Кишкѣ, запорожскомъ гетманѣ, который, по описанію думы, находился съ козаками 24 года въ неволѣ и освободился, воспользовавшись безпечною турецкаго паши, начальствовавшего надъ галерами и неосторожностію его ключника Иліяша Бутурлака, козака, принявшаго исламъ. Козаки, освободившись отъ своихъ цѣпей, перебили и перетопили въ морѣ всѣхъ турковъ и ушли на отнятой галерѣ въ устьѣ Днѣпра. Они счастливо добрались до Сичи, гдѣ освобожденный гетманъ не помиловалъ взятаго въ плѣнъ отщепенца Бутурлака и отдалъ на судъ и на

казнь козаковъ. Ему же, дряхлому старику, ничего не оставалось дѣлать среди запорожцевъ, у которыхъ былъ уже другой гетманъ. Кишка постригается въ монастырѣ и черезъ два мѣсяца разстается со свѣтомъ, но, по крайней мѣрѣ, умираетъ на свободѣ въ кругу близкихъ, по христіански. — Вотъ другая дума объ Иванѣ Богуславцѣ. Этотъ запорожскій богатырь также попался въ плѣнъ туркамъ, но сидитъ не на галерѣ, а въ душной тюрьмѣ, безъ свѣта, безъ воздуха, съ толпою товарищей. Его красота плѣняетъ турецкую госпожу, вдову паши; она предлагаетъ ему свободу съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ мугамеданство и остался съ нею. Иванъ Богуславецъ соглашается съ тѣмъ, если его товарищей отпустить въ отечество. Турчанка освобождаетъ всѣхъ козаковъ и они уплываютъ въ отечество. Иванъ Богуславецъ дѣлается турецкимъ паномъ; но черезъ нѣсколько дней его жена, развеселившись въ бесѣдѣ съ соотечественниками, подсмѣялась надъ своимъ мужемъ, замѣтивши, что онъ, ради лакомого житья, отрекся отъ своей вѣры. Огорченный и раздраженный козацкій атаманъ пускается въ лодкѣ по морю, догоняетъ отпущенныхъ братій, вмѣстѣ съ ними возвращается къ турецкому городу; козаки нападаютъ на турковъ и всѣхъ изрубиваютъ, а самъ Иванъ Богуславецъ расправляется со своею женою; наконецъ всѣ уплываютъ домой, нагружа лодки турецкою добычею. Есть еще пѣсня, гдѣ нѣсколько сотъ плѣнныхъ козаковъ освобождаетъ женщина украинка, жена турецкаго паши, принявшая чужую вѣру, но не потерявшая состраданія къ своимъ землякамъ. Она выпускаетъ ихъ въ день Свѣтлаго Воскресенія, вспомнивши, что на ея родинѣ въ это время совершается великое религіозное торжество. „Какъ увидите, — говоритъ она имъ на прощаньи, — моихъ родителей, скажите имъ, чтобы они не беспокоились, не сбывали свое имущество, не выкупали меня изъ неволи; я уже потуречилась, побусурманилась, ради барства великаго, ради лакомства злосчастнаго“.

Такихъ пѣсень, относящихся къ періоду борьбы малоруссовъ съ мусульманскимъ міромъ очень много, даже есть нѣсколько въ томъ же родѣ, но только уже съ меньшими поэтическими достоинствами пѣсни, относящіяся къ войнѣ съ турками при Екатеринѣ II, когда еще малорусскіе козаки доживали свое существованіе и участвовали въ рядахъ русскихъ войскъ, какъ его отдѣлъ. Вѣроятно есть въ народѣ пѣсни не попавшія въ печать; еще вѣроятнѣе было прежде много такихъ, которыя испарились, не доживши до эпохи, когда образованный свѣтъ сталъ цѣнить ихъ и предавать печати.

Въ настоящее время пѣсни о борьбѣ съ турками уже не творятся народомъ, потому что настала иная жизнь народа; но этотъ же народъ, вспоминая славныя дѣянія предковъ, заявляетъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ готовность, если бы нужно было, не отстать отъ отцовъ и дѣдовъ въ тѣхъ чувствахъ, которыя влекли на борьбу съ невѣрными:

Та вже шабли заржавели,
Мушкеты безъ куркивъ,
А ще сердце козацкее
Не боится туркивъ.

И если не боится, то значить въ этомъ сердцѣ не угасло и сочувствіе къ тѣмъ, которыхъ судьба поставила въ необходимость доканчивать великую брань, которую уже много вѣковъ вело христіанство и европейская цивилизація противъ мусульманства и азіатскаго варварства.

Дек. 5. 1875 г.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТЪ

въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго
пѣсеннаго творчества.

Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-рус- скаго народнаго пѣсеннаго творчества *).

Семейный бытъ народа въ его пѣсняхъ выражается въ изображеніи любви, какъ между молодыми людьми обоого пола до брака, такъ и послѣ брака, со всѣми послѣдствіями и условіями домашняго быта и семейныхъ связей.

Пѣсни этого рода раздѣляются на два отдѣла: любовныя и собственно семейныя, но строгой грани между тѣми и другими провести невозможно, во-первыхъ оттого, что народныя пѣсни въ текущемъ своемъ обращеніи часто смѣшиваются, во-вторыхъ не всегда можно отличить — говорится ли о находящихся въ положеніи до брака или уже состоящихъ въ брачной связи. Замѣтимъ, что пѣсни свадебныя, по своему содержанію, одинаково принадлежать и къ любовнымъ и къ семейнымъ пѣснямъ. Южно-русскія пѣсни, изображающія любовь между обоими полами, преимущественно поются женскимъ поломъ и потому носятъ на себѣ отпечатокъ женственности. Это особенно надлежитъ замѣтить относительно настоящаго времени, когда мужчины перенимаютъ и поютъ великорусскія пѣсни, искажая ихъ самымъ безобразнымъ способомъ.

*) Въ 1872 году, въ журналѣ „Бесѣда“, печаталось сочиненіе: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Продолженіе этого сочиненія печаталось въ журналѣ „Русская Мысль“ въ 1880 и 1883 годахъ подъ заглавіемъ: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Печатаемое нынѣ изслѣдованіе авторъ считалъ продолженіемъ означеннаго сочиненія.

(Примѣч. издат.).

ГЛАВА I.

Народное понятіе о любви. — Весна.

Жизнь поселянъ протекаетъ въ постоянной близости съ природою, и эта близость отражается на ихъ пѣснопѣніяхъ. Какъ въ природѣ въ поляхъ, рощахъ, садахъ можно прослѣдить періоды прозябанія, роста, цвѣтенія, оплодотворенія растений, такъ и въ народной поэзій—прослѣдить исторію любви, ея зарожденіе, развитіе, можно видѣть, что по внутреннимъ душевнымъ проявленіямъ и по внѣшнимъ житейскимъ условіямъ способствовало этому развитію или задерживало его и—конецъ, завершающійся или бракомъ, или разлукою.

Всего вѣрнѣе и удобнѣе изучать любовный элементъ въ пѣсняхъ сообразно сопоставленію народной пѣсенности съ годовымъ теченіемъ природы. Вотъ начинается весна. Сходятъ снѣгъ. Текутъ воды. Появляется травка. Потомъ начинаютъ развиваться и цвѣсти деревья. Въ пѣсняхъ, начало весны выражается символическимъ изображеніемъ жаворонка, прилетѣвшаго изъ теплыхъ странъ, — народнаго вырья; — еще видѣются снѣжные останки и льдины, онъ будетъ разгонять ихъ крылышками и топтать ножками ¹⁾.

Весна приноситъ тепло и доброе лѣто ²⁾; каждому возрасту свое — дѣткамъ игры, старикамъ совѣты объ общественныхъ дѣлахъ, старымъ бабамъ праздное сидѣнье, хозяевамъ полевая работа, хозяйкамъ домашнее тканье, а дѣвицамъ — гулянье ³⁾.

- ¹⁾ — Чомъ ты, жаворонку,
— Рано зъ вырья вылитавъ?
— Ише по горонькахъ снѣженьки лежали,
— Ой ще по долинахъ крыженьки стоили.
„Ой коли лора прійшла,
„Неволенька вийшла.
„Ой я тыи крыженьки крыльцями розжену,
„Ой я тыи снѣженьки ніжками потопчу.

(Чубинскій: „Труды Этнографическо-Статистической Экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ“. Томъ III, стр. 110).

²⁾ Ой выпесла тепло и доброе лѣтечко. (Чуб. III, 109).

³⁾ Малымъ дѣткамъ—ручечки бити,
А старымъ дѣдамъ—раду радити,

Воскресла весна, принесла съ собой дѣвичью и молодецкую красу: дѣвичья краса—коса до пояса, а молодецкая—платокъ за поясомъ, шапка съ пучкомъ цвѣтовъ, а въ правой рукѣ—дѣвица ⁴⁾).

Дѣвицамъ гулянье—ихъ стихія. Пусть замужняя женщина ведетъ бесѣды съ своимъ мужемъ, пусть бѣдная одинокая вдова сидитъ въ раздумьи, — дѣвицѣ всѣхъ лучше на свѣтѣ; она до поры до времени гуляетъ, цѣлую недѣлю ходитъ въ вѣнѣхъ, а придетъ воскресный день—идетъ въ хороводъ ⁵⁾).

Сами родители подсказываютъ это дѣвицамъ. Спрашиваетъ дочь матери: гулять ли ей? Мать отвѣчаетъ: Гуляй, доченька, сколько хочешь! Дважды молодою не будешь. Когда замужъ пойдешь—позабудешь, а когда постарѣешь—вспомнишь про молодость ⁶⁾. Спрашиваютъ дѣвицы птицу—чижа или воробья—кому на свѣтѣ воля, и кому нѣтъ воли ⁷⁾, и получаютъ такой отвѣтъ:

А старымъ бабамъ—посѣдѣньячко,
А господарямъ—поле орати,
А молодымъ господынямъ—бросенья ткати,
А молодымъ дѣвонькамъ—тай погуляти (ibidem).

⁴⁾ А вже весна воскресла,
Що то намъ принесла?

Принесла вамъ росу,

Дѣвоцькую красу.

Парубоцькую красу.

Дѣвоцькая краса

Коса до пояса,

Парубоцька краса

Хустина до пояса,

За шапкою квітка,

Въ правій рудѣ дѣвка (Чуб. III, 109—110).

⁵⁾ Мужина жона зъ мужемъ розмовляє,

Бѣдная вдова десять думокъ має,

А дѣвичиницѣ—на свѣтѣ не має,—

Дѣвичина молодая до поры гуляє,

Цѣлий тыждень у вѣночку,

Прійде недѣля—въ таночку! (ср. Чуб. V, 487).

⁶⁾ Гуляй, доненько, сколько хочь,

Двѣчѣ молодою не будешь!

Якъ замужъ пойдешь—забудешь,

Якъ стара становишь—згадаешь!

⁷⁾ Ой чижичку, воробейчику, скажи менѣ всю правдочку:

Кому воля, кому нема? (Максимовичъ, „Малороссійскія пѣсни“, изд. 1827 г., стр. 130).

Дѣвочкамъ во всемъ воля: схвати мовисто — да на рынокъ, вѣнокъ — да въ хороводъ, ленту — да на игрище ⁸⁾). А замужнимъ нѣтъ воли; все ихъ стережетъ ⁹⁾: и кушанье въ печи, и поросянокъ подъ лавкою, и ребенокъ въ колыбели ¹⁰⁾; все къ ней съ требованіями ¹¹⁾, а тутъ еще мужъ или свекоръ-воркунъ съ своими желаніями ¹²⁾. — Наступаетъ веселая пора игръ весеннихъ и пѣнія веснянокъ или гайвокъ, какъ этого рода пѣсни называются въ Червоной Руси. Игры и пѣсни специально посвящаются веснѣ. Все здѣсь отзывается отрочествомъ, невинностію. Любовь еще не коснулась сердца дѣвического, голова дѣвическая еще не заволакивалась думами. Изъ весеннихъ игръ нѣкоторыя выказываютъ въ себѣ мифологическій смыслъ, теперь уже совершенно или почти утраченный; это остатки глубокой старославянской языческой старины. Таковы: Кострубонько съ воспроизведеніемъ дѣйства погребенія мифическаго существа (Чуб. III, 77), Воротарь (Володаръ), гдѣ поется о ребенкѣ, котораго подвозятъ въ золотомъ креслѣ къ дому и отдають хозяйкѣ (Чуб. III, 38) — должно быть символическое изображеніе наступающаго лѣта, Шумъ (тамъ же, 50), Бѣлоданчикъ (Голов. IV, 175), Рожа и Рожина мать (Чуб. III, 100) — игра, показывающая какъ бы на существованіе легенды, похожей на греческій мифъ о Прозерпинѣ, Пылающая дуброва ¹³⁾ (Голов. IV, 160). Другія игры прямо

⁸⁾ А дѣвочкамъ — уся волечка,
За намнестечко да на мѣстечко,
За вѣночекъ да и у таночокъ,
За стричечку да на улочку,

⁹⁾ А жиночкамъ вся певолечка:

¹⁰⁾ Що въ печи огонь горить,
На припѣчку горшокъ кипить,
Подъ порогомъ да пороса кричить,
А въ колысцѣ дитя плаче.

¹¹⁾ Огонь каже: „загреби мене!“
Горшокъ каже: „помѣшай мене!“
Свини каже: „нагодуй мене!“

¹²⁾ Воркунъ каже: „поцѣлуй мене!“
Дитя каже: „розповій мене!“ (Чуб. III, 59. Максимов, 131).

¹³⁾ Варіантъ, слышанный мною на Волынѣ:
Ишла дѣвочка черезъ дворъ, черезъ дворъ,
На тѣй суконька въ девять полъ, въ девять полъ,
Стала суконька саяти,
Стала дуброва палати.

заимствованы изъ природы. Таковы: Ласочка (Чуб. III, 103), Котъ (тамъ же, 105), Перепелка (тамъ же, 63), Коза (тамъ же, 84), Галка (тамъ же, 71), Воронъ (тамъ же, 73), Зозуля (Голов. IV, 181), Зайныка (Чуб. III, 60), Горобейко (тамъ же, 56), Козликъ (тамъ же, 89), Жукъ (Голов. IV, 157), Макъ (Чуб. III, 47), Просо (тамъ же, 65), Ленъ. Есть, наконецъ, игры, изображающія сцены изъ семейной жизни. Напримѣръ, мать собирается отдавать дочь замужъ и рекомендуетъ ей нѣсколькихъ жениховъ, описывая при этомъ ихъ хорошія и худыя качества; отъ однихъ дочь прямо отказывается, а къ другимъ относится съ благорасположеніемъ (Голов. IV, 168, 179, 182, 183). Жельманъ, гдѣ представляется, что дѣвицу предлагаютъ отдать за одного изъ нѣсколькихъ жениховъ, называя ихъ одного за другимъ по ихъ занятіямъ (за шевця, за кравця, за коваля, за кушнера) и въ заключеніе даютъ такой отвѣтъ представляющему лицо свата, что дѣвица еще не подросла (Чуб. III, 53; Голов. IV, 183). Кривый Танецъ, гдѣ представляется, что дѣвицъ рекомендуютъ жениховъ, о которыхъ говорятъ, что они съ разными физическими недостатками (одинъ слѣпой, другой кривоногій, третій горбатый, четвертый заикватый и т. п.). Дѣвица не хочетъ выходить ни за одного изъ нихъ, наконецъ, ей предлагаютъ парубка степеннаго, работающаго и она соглашается (Голов. IV, 168—169).

Въ это время дѣвицы подтруниваютъ надъ молодыми. Есть цѣлый рядъ пѣсень, гдѣ парубки изображаются въ видѣ смѣшномъ или униженномъ въ сравненіи съ дѣвицами. Напримѣръ, парубковъ гонять возить навозъ, а дѣвицъ къ нарядамъ, парубковъ молотить, а дѣвицъ ѣсть хлѣбъ; парубковъ рубить лѣсъ, а дѣвицъ на площадь гулять¹⁴⁾. Сопоставляется краса дѣвическая съ парубоцкою и первая сравнивается съ лѣтнею,

¹⁴⁾ А вы, парубоньки, до гною,
А вы, паняноньки, до строю;
А вы, парубоньки, до цѣна,
А вы, паняноньки, до хлѣба;
А вы, парубоньки, до лѣса рубати,
А вы, паняноньки, до мѣста гуляти! (Голов. II. 183—184).

а послѣдняя съ зимнею росою ¹⁵); дѣвицы представляются одѣтыми въ хорошій нарядъ, а парубки въ отрепьяхъ ¹⁶). Приглашаются парубки ѣсть мякину вмѣстѣ съ свиньями ¹⁷) или приготовленныхъ для нихъ лягушекъ; рассказывается, какъ парубки блудили многіе годы въ хатѣ за печью и на припечкѣ, наконецъ заблудились до угольнаго оконца и просили хлѣба у дѣвицъ ¹⁸), — какъ ѣздили на охоту и затравили комара, а потомъ дѣлили между собою эту добычу ¹⁹). Чуждою такихъ веселыхъ юношескихъ игръ представляется въ пѣснѣ дѣвица-сиротка. Она, бѣднаяжка, беретъ лѣнь и, припадая къ сырой землѣ, умоляетъ принять ее къ себѣ, какъ уже приняла отца и мать ²⁰), или съ такою же мыслью о скорой смерти своей обращается къ Богу ²¹), или наконецъ, пришедши къ родительской могилѣ,

¹⁵) Та дѣвоцкая краса
Якъ лѣтняя роса,
Парубоцкая краса
Якъ зимняя роса (Чуб. III. 31).

¹⁶) На дѣвочкахъ добре платяты,
— А на парубочкахъ усе шматяты,
То мѣхъ, то риднина
То драна кожушина.

¹⁷) Часъ вамъ, дѣвочки, до дому,
Мѣшати свинямъ полову.
А вы, хлопцѣ, за нами
Ѣйте полову зъ свинями.

¹⁸) Блудили хлопьята, блудили
Сѣмъ лѣтъ да по запѣчку.
А чотыри да по припѣчку.
Приблудились до польного вокна
Дѣвчаточки, голубочки!
Дайте хлѣба хочъ скирочку.

¹⁹) Поѣхали на ловы
Да вловили комаря,
Стали его дѣлити:
Сему-тому по стегну,
А Ивасю тулубецъ,
А Василю голова,
Що великій безъ ума, и пр.

²⁰) Земля-жъ моя, земля сыренькая,
Мати-жъ моя ридненькая,
Приняла-жъ ты отца й нееньку
Прійми й мене молоденьку (Чуб. V. 359).

²¹) Ой, Боже, взявъ есь витця и матенку,
Возьми и мене бѣдную сиритку! (Голов. I. 295).

просить отца встать и дать ей добрый совѣтъ, но отецъ изъ могилы отвѣчаетъ, что не пускають подняться дубовыя гробовыя доски, притиснувшія ему руки ²²). Кромѣ сироты, еще существо дѣвическое чуждо бываетъ забавъ: это дѣва, не успѣвшая выйти замужъ и уже начинающая увядать. Ей не досталась добрая доля. Другія дѣвки расхватили добрыя доли, а ее, видно, мать не разбудила во время, она опоздала и ее встрѣтила доля лихая и проходятъ напрасно ея лѣта какъ маковъ цвѣтъ, что днемъ подвѣтаетъ, а къ ночи опадаетъ ²³). Не гуляла она у родителей, не пришлось ей быть замужемъ. Не почемъ вспомнить протекшіе годы ²⁴). Видитъ она, какъ чужой человѣкъ пашетъ, а его подруга помогаетъ ему, и заплачетъ она, потому что ей не дано жить въ парѣ. Въ церковь ли войдетъ она, въ корчму ли пойдетъ—вездѣ людей много, все для нея—чужіе, а милого друга нѣтъ у ней ²⁵). Люди не знаютъ, какъ она заливается слезами, и даже думаютъ, что она счастлива. Уже половина лѣтъ ея исходитъ, а ей все нѣтъ счастья: не съ

²²) Ой радъ бы я встати, тобѣ правду сказати,
Ой сырая земли а все тѣло приняла;
Дубовыя дощечки притиснули рученьки (Чуб. V. 324).

²³) Чужи дивки рано встали,
Счастья-долю розобрали,
Да моя матка, що ты учинила,
Чому рано не збудила?
Я молода, спизнилася,
Лиха доля зустрѣлася:
Прошли лѣта, якъ маковъ цвѣтъ,
Що въ день цвите, въ ночи пада (Чуб. V. 360).

²⁴) Отця-матки не зазнала, а мужа не маю,
По чимъ же васъ, лита моя, споминати маю!
Лѣта мои молодни, жалъ мени за вами,
Що я васъ не вгуляла у ридної мамы (Чуб. V. 488—489).

²⁵) Ажъ тамъ оре мильнй плугомъ,
Чужа мила помогае,
Мое серце омгѣває.
Ой винъ оре, а я плачу,
Лѣта свои марну трачу.
А въ церковцѣ людей много:
Нема мени миленького!
А въ корчомцѣ людей бильше:
Мому серцю жалъ ще гиршій (ibid. 492).

кѣмъ ни пить, ни ѣсть, не съ кѣмъ гулять; все только дума за думою идутъ объ одномъ и томъ же, какъ ей на свѣтѣ жить ²⁶). Такая увядшая красота, само собою разумѣется, не причастна дѣвическимъ забавамъ; впрочемъ, и то сказать надобно, что такихъ женскихъ личностей въ сельскомъ быту встрѣчается рѣдко, такъ какъ въ этомъ быту почти всѣ соединяются бракомъ въ молодости.

Кромѣ сироты—безродной и устарѣвшей дѣвки, всѣ родительскія дочери дѣвицы спѣшаютъ участвовать въ великомъ всеобщемъ праздникѣ природы. Съ весеннимъ временемъ начинаются вечернія и ночныя сборища молодежи обоего пола, называемыя «улицами». Участники въ нихъ—парубки и дѣвчата—носятъ собирательное названіе—челядь, въ старину корогодъ или хороводъ, названіе и до сихъ поръ еще не вездѣ и не совсѣмъ испарившееся изъ народной поэзіи.

Въ древности несомнѣнно существовали священные обряды составленія такихъ хороводовъ: на это указываютъ сохранившіеся до сихъ поръ пѣсни съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ пріемовъ, показывающихся остатками какихъ-то дѣйствъ. Такова пѣсня: А мы просо сѣяли, сѣяли! съ припѣвомъ: Ой дѣду-ладо! Пѣсня эта употребительна и у малоруссовъ, и у великоруссовъ и одинакова почти дословно. Смыслъ ея таковъ: образуется двѣ группы, одна противъ другой. Одна сторона грозитъ выпустить коней и потоптать посѣянное другою просо. Другая угрожаетъ захватить коней. Первая хочетъ выкупить ихъ и общается сначала сто рублей, потомъ тысячу, на придачу бабу, потомъ молодца; отъ всего другая сторона отказывается, наконецъ, предлагаютъ дѣвицу и дѣвица принимается ²⁷). Другая подобная весенняя пѣсня представляетъ хороводъ дѣвицъ въ видѣ войска, порывающагося на войну. Ихъ не пускаютъ, не допуская ло-

²⁶) Кажуть люди щомъ счастлива, я съ того тѣшуся,

Най не знаютъ, якъ я не разъ слезами заллюся.

Половина литъ минае, я счастья не маю.

Нѣ съ кимъ ѣсти, нѣ съ кимъ пити, нѣ съ кимъ погуляти.

А иде думка за думкою, якъ на свѣтѣ жити (Чуб. V. 360—361).

²⁷) Намъ дѣвицѣ надобно (Ср. Чуб. III. 67. Голов. Метл. 296).

мать мосты ²⁸⁾, предлагают за пропускъ деньги, наконецъ, дѣвицу—и на этомъ состоитъ сдѣлка ²⁹⁾. Эти пѣсни съ остатками дѣйства, хотя и сохранились, но прежній смыслъ ихъ уже утраченъ. «Улица» въ наше время складывается сама собою изъ произвольно набравшейся челяди изъ односельчанъ. «Что ты улица не зелена?» спрашивается въ одной пѣснѣ. — Какъ мнѣ зеленою быть—отвѣчаетъ улица:—меня дѣвицы топчутъ желтыми сапожками, золотыми подковками, а молодцы своею неуклюжею обувью ³⁰⁾!—Вотъ открывается роскошное весеннее торжество, брачное пиршество природы: разливаются на всѣ стороны воды ³¹⁾, кукуетъ кукушечка, чуя наступленіе лѣта ³²⁾, щебечетъ соловей въ развивающихся садахъ ³³⁾, играетъ сопѣлка, скликая молодежь на игрище ³⁴⁾, приглашаются дѣвицы гулять, потому что зазеленѣли травы, наступила красная весна ³⁵⁾. Но тутъ уже даетъ о себѣ знать будущее, неизбежное для многихъ, житейское горе. Дѣвицу отдадутъ замужъ за немилгаго ей челоуѣка, она плачетъ, предчувствуя свою горькую судьбу ³⁶⁾. Ея нелюбъ—пьяница, онъ пропьетъ ея приданое, а когда она при-

²⁸⁾ „Пустѣте насъ, пустѣте насъ сей свѣтъ воювати!“

— Не пустимо, не пустимо мосты поламати (Голов. II. 191).

или:

„Пустѣте насъ, пустѣте насъ до Угорської земли!“

— Не пустимо, не пустимо, поламати мосты! (Голов. IV. 178).

²⁹⁾ „Заплатимо, заплатимо тымъ бытымъ таларомъ“.

— Не хочемо, не хочемо тыхъ бытыхъ таларивъ.

— Но хочемо, но хочемо хорошей пани,

— Въ зеленѣмъ барвѣночку

— Въ рутанѣмъ вѣночку (Голов. IV. 179. ср. Чуб. III. 43).

³⁰⁾ Якъ мени зеленою бути,

Коли мене дѣвчата зтопчати

Жовтими чобітьками, золотими підковками.

Якъ мени зеленою бути.

Коли мене парубки зтопчати

Постолами-постолицами, волоками-волочищами (Чуб. III. 158).

³¹⁾ Розлилися води на чотыри броды. (Чуб. III. 142).

³²⁾ Зозуденька куде, бо лѣтечко чуде (ibid. 143).

³³⁾ Соловейко щебече—садки розвивае (ibid.).

³⁴⁾ Сонилочка грає въ улицю скликає (ibid.).

³⁵⁾ Гей дѣвки! Весна красна! Зѣлля зелененьке (ibid.).

³⁶⁾ Дѣвчинонька плаче за нелюба идучи,

Гей мати лихо знати—за нелюбомъ жити! (ibid.).

детъ въ гости къ своей матушкѣ, станетъ мать ее спрашивать: гдѣ твои дорогіе кораллы? Гдѣ твои волы и коровы?—Все пошло къ шинкаркамъ ³⁷⁾).

Неизвѣстность неизбѣжнаго брака тревожитъ дѣвическое сердце. Дѣвица боится, какъ бы съ нею не было того, что она уже видѣла съ другими. Ее беспокоитъ незнаніе, за кого-то ее отдадутъ родители. Вотъ она плететъ себѣ вѣнокъ изъ барвинка, повѣсила его на золотомъ колѣѣ и говоритъ къ нему: еслибъ она знала, что пойдетъ за милого, то сплела бы лучше, а если за немилаго—она бы заранѣе порвала и потоптала его ³⁸⁾). Между весенними пѣснями можно отмѣтить цѣлый отдѣлъ такихъ пѣсень, гдѣ дѣвушка мечтаетъ, какъ ей будетъ нехорошо, когда ее отдадутъ замужъ въ чужой домъ, межъ чужихъ людей; она ожидаетъ худого себѣ особенно отъ будущей свекрови. Эти пѣсни есть выраженіе того состоянія, когда дѣвица еще не познакомилась съ любовнымъ чувствомъ, отодвигающимъ на задній планъ всякія подобныя опасенія. Но пока сердце дѣвицы еще свободно отъ любви, на нее кладетъ отпечатокъ подмѣченное съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ... Теперь она у родителей, какъ калина красная, а когда будетъ замужемъ, станетъ какъ береза бѣлая ³⁹⁾). Теперь у нея всего изобильно, а тогда отрѣжется ей свекоръ хлѣба тонкій кусокъ, не съѣстъ она его въ хатѣ, а съѣстъ за дверьми, обливши слезами ⁴⁰⁾).

³⁷⁾ „Дежъ твои, доню, дороги коралли?“

Въ шинкарки въ Парани.

„А дежъ твои, доню, воли та коровы?“

Гей, мати, лихо знати—въ шинкаря въ обори (Чуб. III. 144).

³⁸⁾ Ой вѣнку мій вѣнку, хрещатый барвинку,

Якъ тебе звала вчора зъ вечора,

Дай повѣсила въ теремѣ да на деревѣ,

На шовковимъ шнурку, на золотимъ килку.

Ой якъ бы жъ я знала, що за милимъ буду,

Я бъ ще красчій звала!

Ой якъ бы жъ я знала що за нелюбомъ буду—

Я бъ его порвала руками,

Потоптала ногами.

³⁹⁾ Я у батька була червона калина,

Якъ до свекра пійшла—бѣлая береза (Чуб. III. 121).

⁴⁰⁾ Вкрий свекоръ дусту, якъ кленового листу.

Чи зѣси, невѣстко? Не зѣмъ я у хати,

Въ другой веснянкѣ дѣвица воображаетъ себѣ, какъ ее отдадутъ въ многочисленную семью и тамъ станутъ помыкать ею, заставляя исполнять разныя домашнія работы ⁴¹⁾. Она все сдѣлаетъ, потомъ подойдетъ къ окну и услышитъ, какъ мужу ея станутъ говорить: зачѣмъ ты не бьешь своей жены? Зачѣмъ не караешь ее? А мужъ отвѣтитъ такъ: нельзя бить ее, когда надобно съ нею жить! Если она сонлива—разбужайте ее. Если она лѣнива—научайте ее ⁴²⁾. Болѣе всего боится дѣвическое воображеніе свекрови, и въ народной поэзіи есть цѣлая группа веснянокъ, гдѣ выражается опасеніе дѣвицы испытывать непріятности отъ будущей свекрови. Въ одной повсемѣстно распространенной пѣснѣ, дѣвица обращается къ дубровной кукушечкѣ, проситъ не будить ее рано, когда она спитъ въ родительскомъ гнѣздѣ. Придетъ время, станутъ будить ее еще раньше; свекровь не родная мать, станетъ укорять ее за лѣнь и долгое спанье, упрекая тѣмъ, что она въ семьѣ своего мужа не трудящаяся, не скопидомка ⁴³⁾. Во всякомъ случаѣ, еслибъ ее не ожидали упреки и непріятности суроваго обращенія отъ свекрови, свекра и всей мужниной родни, все-таки минулось тогда

Та зѣмъ за дверима.

Не зѣмъ я сухого—обилью слизами (Чуб. III. 121).

⁴¹⁾ Мене замужъ отдала, а въ великую семью.

Семья следе вечеряти, я по воду пойду (ibid. 156).

⁴²⁾ Покиль воду принесла, той вечера одійшла.

Я ложки помью, бѣду постель постелю,

Сама спати шйшла, цидь виконце пидійшла.

Ой щось мени говорють, мене молоду судать.

„Чомъ ты ѣи не бьешь, чомъ не караешь?“

— Ой якъ же менѣ ѣи бить, коли треба зъ нею жить?

— Коли вона сонливая—то збудите ѣи,

— Коли вона лѣнивая—научате ѣи (Чуб. III. 156).

⁴³⁾ Ой дибривно да зовуленько, да не куй рано у диброви,

Не буди мене да молодой,

Избудять мене да раннѣй тебе...

У мене свекруха не матонька:

„Уставай невестко, неробитниця,

Та свому роду не кукибниця.

Уже свыи да й у долини,

Молода невестка спить у перини;

Уже вивци на крутій гирци—

Молода невестка спить у комирци“ (Чуб. III. 145—146).

для нея прежнее время дѣвичьяго гулянья: дитя малое не пустить ее ⁴⁴).

Но какъ бы ни беспокоила своего воображенія дѣвица пугливыми образами ожидающихъ ее непріятностей въ замужествѣ, а прирожденная потребность любви беретъ свое. «То мнѣ печаль» — говоритъ дѣвица, — что я молода, а у меня милого друга нѣтъ ⁴⁵). Вонъ, видитъ она, играютъ въ рѣкѣ рыбы — у каждой своя пара, а у меня только пара черныхъ глазъ и черныхъ бровей ⁴⁶). Томительно дѣйствуетъ на дѣвицу видъ постели, на которой ей надобно спать. Бѣла постель, нѣма стѣна, у которой постель поставлена. «О сжался, Боже, — восклицаетъ дѣвица, — сжался надо мною, милосердый, вѣдь я молоденькая! Дала бы я свою бѣлую руку, да не знаю кому дать ее» ⁴⁷). Боятся она, чтобъ не отдали ее за вдовца: онъ вспомнить прежнюю жену и станетъ съ нею сурово обращаться ⁴⁸). Не

⁴⁴) Мѣсяцъ надъ водою, дѣвки на улицѣ,
А я молода крозь тынъ выглядаю.
Свекорко батенько! Пусти на улицу.
Хочъ свекорко пустить, свекруха не пустить,
Хочъ свекруха пустить, дѣверко не пустить,
Хочъ дѣверко пустить, зовица не пустить,
Хочъ зовица пустить, милый не пустить,
Хочъ милый пустить, дитя не пустить.

⁴⁵) Една туга — сама молодая,
Друга туга — милого не маю!

⁴⁶) Щука рыба въ морѣ гуляе до волѣ,
Щука рыба грае, собѣ пару мае,
А я стою да думаю, що пары не маю.
Тильки менѣ пары, що оченьки кары,
Тилька всеи любви, що чорныи брови.

⁴⁷) Постѣлька бѣленька, а стѣна нѣменька —
Сжался, сжался, милый Боже, що я молоденька!
Постѣлька бѣленька, да все не по тому,
Дала бъ же я бѣлу ручку, да не знаю кому!

⁴⁸) Ой не пійду за вдици, буде менѣ лихо!
А вдовецъ не молодець всѣ поровы знаѣ,
И згадае першу жинку — нагайкою вкрае.

или:

За удивцемъ хлѣбъ готовый, сердце засмучено,
За удивцемъ хлѣбъ готовый, лишень бы го ѣсти,
Передъ бы ся наплакати, нижъ до него сѣсти (Голов. II. 391).

хочетъ выходить она за стараго, хочетъ за молодого ⁴⁹⁾. Не хочетъ за рыжаго, а хочетъ за черноволосаго ⁵⁰⁾.

Если сильно волнуется сердце у дѣвицы, то еще сильнѣе волнуется оно у молодца. Онъ чувствуетъ грусть одиночества ⁵¹⁾, отгадываетъ, чего ему нужно, и просить Бога послать ему въ подруги жизни хорошую дѣвицу ⁵²⁾. Всего у него вдоволь, и въ хатѣ, и въ комнатѣ полно всякой благодати: богатые образа, размалеванныя стѣны, куда ни глянетъ, все у него такъ какъ слѣдуетъ быть, недостаетъ только подруги. Слышимое дѣвическое пѣніе нагоняетъ на него тоску ⁵³⁾. Гдѣ она, эта невѣдомая его суженая? Онъ пошлетъ на всѣ стороны пословъ искать гдѣ живетъ она ⁵⁴⁾. Пусть летятъ ласточки и галки въ чужую сторону, пусть прилетятъ къ нему и принесутъ вѣсть о ней ⁵⁵⁾. Тогда и онъ осѣдлаетъ коня, поѣдетъ на край Дуная, найдетъ ту, которая ему по сердцу, и скажетъ ей—добрый день, а она

⁴⁹⁾ Ой не ходи, старый, коло мой хаты,
Ой не топчи, старый, кудрявой мяты.
Я того старого одъ роду не любила,
По его слѣдочку каменемъ покотила.
Ой походи, молоденькій, коло моеи хаты,
Ой потопчи, молоденькій, кудрявой мяты,
Я того да молодого одъ роду да полюбила,
По его слѣдочку перстникомъ да покотила (Чуб. III. 141).

⁵⁰⁾ Мати моя хорошая, мати моя мила,
Не дай мене за рудого, бо я чорнобрива.
У рудого грошей много, буде мене бити;
Я безъ того чорнявого не могу прожити.

⁵¹⁾ Жаль сердцю моему такъ жити самому.

⁵²⁾ Боже зъ неба високого!
Глянь на мене молодого;
Дай мѣ що я въ тебе прошу:
Дай мѣ дѣвчину хорошу.

⁵³⁾ А въ тій хати и кимнатъ усякой благодати:
Боги въ мене дорогіи, малеваны стипи,
Куды не глянь—все якъ треба, да нема дружины.
У дибровѣ зелененькій дивчина спивае;
Вона жъ мени молодому тугу наганяе (Чуб. V. 22).

⁵⁴⁾ На всѣ свѣта стороньки пошлю послоньки,
Где вона живе, где проживае?
Нехай буду знати, где ѣи шукати!

⁵⁵⁾ Пошлю жъ бо я ластивочку на чужую стороночку.
Нехай пролітають, дружины шукають (Чуб. V. 35).

дасть ему свою руку ⁵⁶). Вотъ прилетаетъ къ нему галка и приноситъ вѣсть: его суженая сидитъ гдѣ-то на берегу моря, умывается морскою водою, утирается своею русою косою ⁵⁷). Въ какой очарованный міръ заноситъ молодца воображеніе! Какой огонь пылаетъ у него въ сердцѣ ⁵⁸)! Не знаетъ онъ, какая судьба ожидаетъ его въ грядущемъ, проситъ рыбаковъ закинуть въ море сѣть и поймать его долю. Рыбаки исполняли его желаніе, но вытащили не его долю, а рыбу. Онъ видитъ, что рыба живетъ въ парѣ, а у него нѣтъ пары, и становится ему еще досаднѣе ⁵⁹).

Что ему въ красотѣ его, когда онъ не можетъ жениться! Лучше ему броситься въ воду и утониться ⁶⁰). Но тутъ воображенію его представляется образъ дѣвицы, которая удерживаетъ его отъ самоубійства и обѣщаетъ ему любовь свою ⁶¹). Въ темную ночь не спится молодцу: ему все мерещится буду-

⁵⁶) Самъ я кони осидлаю, поѣду край Дунаю,
Буду проѣзжаты, дружины шукати,
Пріѣзжаю край Дунаю, на день-добрій милій даю,
Милая витае, билу ручку дае (Чуб. V. 35).

⁵⁷) Галочко моя, галочка чорненька!
Ты скажи, галочко, где моя миленька?
А твоя миленька въ лузѣ надъ водою,
Умывается морскою водою,
Утирается русою косою.

⁵⁸) Ой чи не найдеться такого чоловічка,
Щобъ розрѣзавъ парубкови білыя груди!
Поглядѣвъ бы подивився на своє серденько,
Якъ изъ жару серце молодецьке розотѣлось,
Якъ изъ поломья воно серце молодецьке розгорѣлось.

⁵⁹) Хлопци рыбаковци, удали молодци!
Вы закиньте сѣтку черезъ синє море,
Та вытягнѣть долю мени молодому!
Не вытягли доли, та вытягли рыбу,
Рыба шука грає, соби пару має,
Мени молодому пароньки не має. (Чуб. V. 28).

⁶⁰) Чорны брови маю тай не оженися,
Пійду до рѣченьки зъ жалю утоплюся. (Ibid.).

⁶¹) Не топись, козаче, не топись, орле:
Хто жъ мене дивчину сей вечирь пригорне! (Чуб. V. 28).

или:

Не топись, милый, марне душу згубишь,
Ой ходимо звичаймося, коли вирно любишь. (Чуб. V. 357).

шая подруга ⁶²⁾. Онъ бѣжить въ рощу. Онъ просить у нея совѣта: жениться ли ему и какую подругу взять себѣ. Онъ перебираетъ всякихъ: богатую-бы взять—такъ не захочетъ трудиться, умную взять—станетъ умничать, глупую возьму—съ нею будетъ горе, станутъ судить люди и не будетъ намъ житья ⁶³⁾. Родители посылаютъ его косить, а онъ бросилъ косу и сталъ плакать ⁶⁴⁾. На синемъ морѣ мраморный камень, на немъ сидитъ молодецъ и наигрываетъ на сопѣлкѣ. Что мнѣ богатство: есть-ли оно, нѣтъ-ли его—все для меня едино, говорить онъ, а съ доброю подругою мнѣ было-бы легче ⁶⁵⁾. Вотъ онъ возвращается домой, кланяется въ ноги своей матери и говоритъ ей: если-бъ ты звала, матушка, какая мнѣ досада, ты-бы меня женила, чтобы мнѣ было съ кѣмъ совѣтъ держать! Мать отвѣчаетъ ему: женись, мой сыночекъ, возьми любимую свою и цѣлуй ее да милуй какъ голубку ⁶⁶⁾. Мать не совѣтуетъ сыну жениться на вдовѣ ⁶⁷⁾, а совѣтуетъ взять себѣ въ жену сироту ⁶⁸⁾. По нравственному народному возрѣнію, при бракѣ не должно

⁶²⁾ Темна ничка невеличка, и чого-сь не спиться,
Чого съ моя головонька та й морочиться.
Треба мени, моя мати, оженилися,
Перестане головонька морочитися (Чуб. V. 31).

⁶³⁾ Порадь мене, гаю, що маю робити.
Чи мени женитися, чи такъ волочитися?
Порадь мене, гаю, яку милу брати!
Узявъ бы багату—не схоче робити,
Узявъ бы розумну—буде замышляти,
Узявъ бы дурную, горе жъ мени буде,
Судитимуть люде: намъ життя не буде! (Чуб. V. 495—496).

⁶⁴⁾ Якъ думала, мій сыночку, що будешъ косити,
Ажъ ты косу приклавъ до покосу да й ставъ голосити (Чуб. V. 32)

⁶⁵⁾ На синѣму морѣ стоить камень мармуровый;
На немъ сидитъ хлопечъ чорнобровый,
Сидить собі та й въ сопилочку грає,
Гирко ему на серденьку, що дружини не має.
А що мени по худоби, а вже буде чи не буде,
Съ хорошою дружиною легче буде (Чуб. V. 31).

⁶⁶⁾ Ой коли бъ ты, мати, знала, яка то досада,
То-бъ ты мене оженила, щобъ була порада.
Оженися, мій сыночку, возьми собі любку,
Цилуй їи, милуй їи якъ голубъ голубку (Чуб. V. 32).

⁶⁷⁾ Не бери вдовоньки, не буде доленьки.

⁶⁸⁾ Возьми собі сиритоньку, будешъ мавъ долейку.

расчитывать на богатство. Погибель постигнетъ того,—говорить пѣсня,—кто ищетъ въ имуществѣ сердца ⁶⁹⁾). Жена станетъ говорить ему: ты убогъ, а я богата, моя хата, моя правда! Бѣднякъ станетъ проклинать себя за то, что изъ-за денегъ нажилъ себѣ хлопотъ ⁷⁰⁾). Вотъ я, говоритъ кто-то въ поученіе молодежи—взялъ себѣ жену убогую, но живу съ нею, слава Богу, и милъ мнѣ кусокъ хлѣба, заработанный ея руками. Въ погоду-ли, въ непогоду—иду съ нею на работу, и въ полѣ мило мнѣ съ нею трудиться ⁷¹⁾). Если дѣвица, въ чаяніи будущаго брака, пугается непріятностей, которыя могутъ ее ожидать въ новой жизни, то и молодецъ также останавливается передъ опасеніемъ, что его жизнь съ женою станетъ для него тяжелымъ камнемъ и станетъ онъ плакать о своей судьбѣ, да не воротитъ разъ потерянной свободы ⁷²⁾). Но и молодца, какъ дѣвицу, такіе страхи не удержать отъ того, къ чему влечетъ всѣхъ природа и что указано человѣку самимъ Богомъ ⁷³⁾).

Первая встрѣча молодца съ дѣвицею, то время, съ котораго завязывается между ними любовь, иногда представляется

⁶⁹⁾ Но погибель прійде тому,
Хто бѣду веде до дому,
Въ жѣнцѣ зарібку шукає,
За маєтокъ сердце має!

⁷⁰⁾ Ты убогій, я богата,
Моя правда, моя хата.
Тільки бѣдний проклинає,
Що за гроши клопотъ має!

⁷¹⁾ Я собѣ взявъ жінку вбогу,
Жію съ нею хвала Богу!
Менѣ хлѣба кусокъ милій,
Що ей руки заробили.
Чи въ погоду, чи то въ слоту,
Иду съ нею на роботу,
Иду въ поле съ нею жати,
Мило разомъ працювати (Голов. III. 383).

⁷²⁾ Хлопче молодче зъ карыми очима!
На що тобѣ жѣнка, камѣнь за плечима?
Будешъ нолисъ долю свою проклинати,
Будешъ кулаками слезы утирати,
Выплачешъ очи, да не вернешъ долѣ...

⁷³⁾ Видѣвъ Богъ небо створивъ и свѣти повстали,
Богъ написавъ на камѣнѣ, що бы ея вохали.

какъ-бы случайнымъ событіемъ, хотя, разумѣется, въ сельскомъ быту дѣти обоого пола знаютъ другъ друга съ малыхъ лѣтъ. Вотъ изображается двѣ горы; между ними въ долину всходитъ заря: то не заря—говоритъ пѣсня—то молодая дѣвица шла по воду. Молодецъ за нею на сѣромъ конѣ верхомъ по надъ Дунаемъ (т. е. по берегу большой рѣки). Онъ догоняетъ дѣвицу и проситъ напоить его коня ⁷⁴). Дѣвица, понимая, какъ видно, символическій смыслъ такой просьбы, отказываетъ ему, потому что еще не принадлежитъ ему; она говоритъ, что ей надобно спѣшить, потому что у нея дома лежитъ больной отецъ ⁷⁵), а молодецъ научаетъ ее, какъ отговориться передъ матерью, зачѣмъ она замѣшкалась; налетѣли де гуси и взмутили воду, а она подождала, пока вода устоялась ⁷⁶). Въ пѣсняхъ стараго козакаго быта встрѣчаются такіе образы: козакъ, ѣдучи, встрѣчаетъ дѣвицу, спрашиваетъ у нея дорогу, она ему показываетъ три дороги—въ Польшу, на Донъ и къ славному Запорожью, и отсюда завязывается между ними любовь; пѣсня кончается словами козака къ дѣвицѣ: пока живъ—тебя не забуду и по веснѣ стану тебя сватать ⁷⁷). Или—козакъ заснулъ въ степи подъ могилою; вдругъ является неизвѣстно откуда дѣвица, будитъ козака, потому что идутъ бусурманы, возьмутъ у него коня, а его изрубятъ. Дѣвица прибавляетъ, что конь можетъ

⁷⁴) И видтиль гора, и видсиль гора;
Помпѣжь тими крутими горами сходила ясная зоря;
Я-жъ думавъ що зоря вѣйшла,
Ажъ то моя дивчинонька по водицю йшла.
А я за нею, якъ за зорею,
Чистымъ полемъ, сивымъ конемъ по надъ Дунаемъ.
Дивчино-жъ моя, вапій мого коня
Зъ рубленою та криниченьки, зъ повного ведра (Чуб. V. 120).

⁷⁵) Пусти мене молодую:
Въ мене батько слабій лежить,
Холоднои води бажить.

⁷⁶) Надлетѣли гуси зъ броду,
Сколотили зъ пѣскомъ воду,
А я стала, постояла,
Нимъ ся вода устояла. (Чуб. V. 138).

⁷⁷) Якъ живъ буду, до я тебе не забуду,
И на весни сватать буду (Чуб. V. 113).

быть и другой, а если козака убьютъ, то ей жаль станетъ ⁷⁸⁾.

Изъ быта болѣе поздняго встрѣчаемъ въ пѣсняхъ такіе образы: ходила дѣвица по грибы и заблудила въ лѣсной чащѣ. Тамъ встрѣчаетъ она молодца, котораго принимаетъ за лѣсничаго, и проситъ вывести ее на дорогу ⁷⁹⁾. Молодецъ говоритъ, что его слѣдуетъ назвать не лѣсничимъ, а своимъ «серденькомъ» ⁸⁰⁾. Или—молодецъ пасъ козъ и, заснувши, потерялъ козу; онъ сталъ искать ее и натѣнулся на спящую дѣвицу; онъ не будилъ ее, а сталъ цѣловать ее сонную, пока она не проснулась, не начала кричать, браниться, а онъ таки нацѣловался вдоволь ⁸¹⁾. Въ распространенной повсюду пѣснѣ первое сближеніе изображено такъ: дѣвица пахла и не умѣла кричать на воловъ ⁸²⁾, а потому пригласила молодца—по однимъ вариантамъ—погонять воловъ ⁸³⁾, по другимъ—играть на дудочкѣ ⁸⁴⁾, а тотъ, исполняя свою обязанность, сталъ въ то же время моргать, неизвѣстно на что: на воловъ-ли и коровъ или на бѣлое лицо и черныя брови дѣвицы ⁸⁵⁾. Въ другой пѣснѣ,

⁷⁸⁾ Коня возьмутъ, конь другій буде,
Тебе зарубаютъ—другого не буде,
Менѣ жаль буде. (Ср. Малор. и червонорус. народ. думы и пѣсни изд. 1836. 123 и Чуб. V. 19).

⁷⁹⁾ Ой гайдаю, гайдаю, выведи мене зъ гаю!
Бо справдѣ дороги не знаю!

⁸⁰⁾ Коли-бъ же ты дороги не знала,
То ты-бъ мене гайдаемъ не звала,
То ты-бъ мене серденькомъ назвала (Малор. и черв. думы и пѣсни. 81).

⁸¹⁾ Бѣгаю по лѣсѣ, собою нуджу.
Щось лежить пидъ садомъ зъ далека виджу,
Обачу и зъ близка дивчину спячу,
Не смѣю збудити, тильки не плачу,
И стисну дивчинѣ бѣли ручоньки,
Оглянеться, отворить чорни очоньки;
Кричала, лаяла, я не лякався,
Най же мѣ, оченька, нацѣловався (Голов. III. 343).

⁸²⁾ Тамъ орала дивчинонька воликомъ чорненькимъ,
Орала, орала, не умѣла гукати.

⁸³⁾ Да наняла козаченька воливъ поганяти.

⁸⁴⁾ Да наняла дударика у дудочку грати.

⁸⁵⁾ Дударикъ играе, бровами моргае
Врагъ же ёго батька знае, на що вінъ моргае:

безъ всякихъ предварительныхъ чертъ, изображается, что дѣвица въ полѣ жала хлѣбъ, мимо проѣхалъ молодецъ и сказалъ ей: здравствуй, жница, а она отвѣчала: здравствуй, душа моя! И съ той поры всѣ узнали, что дѣвица козака назвала такимъ нѣжнымъ словомъ ⁸⁶⁾).

Но прямѣе, естественнѣе и чаще первая встрѣча любви бываетъ на улицахъ. Такія сходбища на тотъ конецъ и составились въ сельскомъ быту, чтобъ молодые люди обонхъ половъ сходились между собой и приготовляли себя къ супружеству. Не даромъ въ весеннихъ пѣсняхъ молодцы, участвующіе на улицѣ или въ хороводѣ, символически представляются въ образѣ мѣсяцевъ ⁸⁷⁾, а дѣвицы въ образѣ звѣздочекъ ⁸⁸⁾ и каждому мѣсяцу ⁸⁹⁾ и звѣздочкѣ ⁹⁰⁾ придаются имена, какія носятъ молодцы и дѣвицы. Собирается улица гдѣ-нибудь на выгонѣ, близъ села въ долинѣ или на холмѣ; туда изъ родительскихъ домовъ выступаютъ дѣвицы гулять, словно лебеди на тихомъ Дунаѣ, и пускаютъ голоса, чтобъ ихъ услышали тѣ, кому это нужно. Весело дѣвицѣ на улицѣ, а ея сердце порывается туда, гдѣ тотъ, которому она полюбилась ⁹¹⁾. Вотъ на такую-то улицу сталъ ухажать молодецъ и всѣ стали замѣчать, что онъ чего-то вздыхаетъ, догадываются, что онъ уже полюбилъ ⁹²⁾. Не можетъ

Чи на мои воли, а чи на коровы,
Чи на мое лице бѣле да на чорнѣ брови.

⁸⁶⁾ Ъхавъ козакъ дорогою: помогай Бигъ женче!

Вона ему видновѣла: бувай здоровъ, серце!

А вже тая слава по всѣмъ свѣтѣ стала,

Що дѣвичина козаченька серденькомъ назвала (Ср. малор. и черв. думы и пѣсни 120).

⁸⁷⁾ Три мѣсяцѣ ясныхъ, три молодцѣ красныхъ.

⁸⁸⁾ Три зирочки ясныхъ, три дѣвочки красныхъ.

⁸⁹⁾ Первый мѣсяченько—молодой (имя-рекѣ).

⁹⁰⁾ Першая зирка—молода (имя-рекѣ).

⁹¹⁾ Ой выйду я за ворота, гуляю, гуляю,

Якъ билая лебедочка по тихимъ Дунаю.

Ой выйду я на ярочокъ та цуцу голосочокъ:

Нехай мене той заче, що въ поли ночуе...

И се село и те село, мени не весело,

Тильки мени веселенько, де мое серденько (Чуб. III. 166—167).

⁹²⁾ Молодици и дивчата стали говорити:

Що такъ часто на вулицю почавъ я ходити.

онъ насмотрѣться и налюбоваться на нее, когда пойдетъ она въ танецъ подъ звуки скрипки и кажется ему—благоухаетъ она розою ⁹³). И дѣвица, которой онъ полюбитъ, втайнѣ говорить, что нѣтъ на той улицѣ, куда она ходитъ, красивѣе молодца, какъ тотъ, кого она удостоиваетъ звать нашимъ ⁹⁴). Она имъ любитъ, когда увидитъ, что онъ проѣхалъ верхомъ ⁹⁵), она ради него идетъ въ гости ⁹⁶). Если случится ей во снѣ увидѣть его—ей дѣлается весело, но, когда, пробудившись, она пойметъ, что его нѣтъ при ней, ей станетъ грустно ⁹⁷). Гдѣ только увидитъ, что онъ идетъ, ей показывается, что солнышко всходитъ ⁹⁸). Онъ, съ своей стороны, полюбивши дѣвицу, воображаетъ себѣ, какъ-бы онъ ее ласкалъ, берегъ и баловалъ, еслибы она стала его подругою ⁹⁹).

Цѣлую ночь гуляетъ на улицѣ челядь и расходится уже свѣтомъ ¹⁰⁰), когда проснутся работающіе люди и въ селѣ нач-

Уся челядь догадалась, чого я зитхаю,
И тепера уси знають, котру я кохаю (Чуб. V, 25).

⁹³) Якъ піде підъ скрипочку то й не надивлюся...
Нема красочн дивчини, якъ моя Маруся!
Якъ піде підъ скрипочку ще й платочкомъ махне,
Такижъ моя Маруся ажъ рожою пахне (Чуб. V. 37).

⁹⁴) На нашій на вулиці
Все купали молодці,
Ой нема, нема найкупавшого
Надъ Івана надъ нашого. (Чуб. III. 201).

⁹⁵) Ой Василю, Василю, любая дитино!
Якъ ты їдешъ сивымъ конемъ, дивитися мило.

⁹⁶) Ой Василю, Василечку, хорошій стане,
Съ кимъ я въ гости піду, якъ тебе не стане! (Чуб. V. 14).

⁹⁷) Ой я сплю, мильї сниться,
Душа-жъ моя веселиться.
Прокинуся—ажъ не мае,
Ажъ серденько замирає (Чуб. V. 13).

⁹⁸) Я-жъ думала, що сонечко сходитъ,
Ажъ то мильї по рыночку ходитъ (Чуб. V. 40).

⁹⁹) То-бъ я їи цюлавъ, миловавъ,
И до печі куховарочку ваннавъ,
И самъ-бы я по водицю ходивъ,
А Одарю та за ручечку водивъ (Чуб. V. 34).

¹⁰⁰) Цвіли лозы при дорозі сивенькимъ цвѣтомъ,
Іде козакъ изъ улиці блесенькимъ свѣтомъ . .

нется доеніе коровъ ¹⁰¹). Молодецъ, залюбезничавшись съ дѣвицею, не въ силахъ отъ ней оторваться, какъ и она отъ него ¹⁰²), пѣтухи ночные поютъ одни за другими, а онъ все продолжаетъ стоять съ нею и только тогда, когда наступитъ ясный день, пожелаетъ ей доброй ночи ¹⁰³), а удалившись домой, никакъ не можетъ удалить отъ себя ночныхъ воспоминаній и самъ себя не слышитъ ¹⁰⁴). Пока еще онъ не успѣлъ отдать свое чувство исключительно одной, его сердце, по выраженію пѣсни, разбивается на двѣ половины. Двѣ дѣвицы разомъ ему нравятся. Одна—дальше, другая—поближе. У молодца происходитъ внутреннее бореніе, а потомъ и рѣшимость: ту, которая отъ него подальше онъ подаритъ людямъ, а къ другой, которая поближе, пойдетъ самъ ¹⁰⁵). Если одна изъ этихъ дѣвицъ богата, другая убога—предпочтеніе отдается послѣдней ¹⁰⁶). Если же молодецъ начнетъ ухаживать за дѣвицею только ради опыта и станетъ хорохориться передъ нею, то подвергается непріятности быть разгаданнымъ и дѣвица скажетъ ему, что коли онъ ее любитъ такъ какъ увѣряетъ, то можетъ сватать ее ¹⁰⁷), а иначе долженъ отцѣпиться отъ нея, и если онъ станетъ передъ нею говорить, что радъ бы жениться, да не велятъ родители ¹⁰⁸), то

¹⁰¹) Нова церква, нова церква, а стари пороги,
Тогди козакъ видѣ дивки йде якъ доятъ коровы (Чуб. V. 93).

¹⁰²) Ой якъ менѣ, козаченьку, раненько ходити
Бо якъ визмешъ за рученьку—не мусишь пустити!
Таку-жъ бо я дѣвчиненьку натуреньку маю,
Якъ зійдуся изъ тобою—про все забуваю.

¹⁰³) Куроньки піють, а зъ дивчиною стою,
На день займає, на добраничъ даю (Чуб. V. 36).

¹⁰⁴) Люблю дивчину, та й трудно їй забути,
Прійду до дому—самъ себе не чути! (ibid.).

¹⁰⁵) Одна гора высокая, а другая низька,
Одна мила далекая, а другая близька.
А я тую далекую людямъ подарую,
А до сеи близьенькои самъ помандрую (Чуб. V. 38).

¹⁰⁶) Багата губатая, та ще й къ тому пышна,
Убогая хорошая якъ у саду вишня...
Великая худоба то серденьку досада,
А хорошая дружина то серцю одрада (Чуб. V. 496—497).

¹⁰⁷) Не когерись, парубоньку, и не копыль губу;
Коли любишь такъ якъ кажешъ, то веди до шлюбу (Чуб. III. 178).

¹⁰⁸) Ой радъ бы я шлюбъ узяти
Та не велить мати (ibid.).

она скажетъ: коли не велать, такъ и не таскайся на нашъ край на улицу ¹⁰⁹). Она еще пригрозить ему, что расскажетъ о его ухаживаніи около ней всей челяди, чтобы про него сложили веснянку и приложили бы ему какое нибудь прозвище ¹¹⁰). Не то отрѣжетъ ему и почище ¹¹¹). Даже мать молодца станетъ корить его, если узнаетъ, что онъ ради шутки ухаживаетъ за дѣвушкою ¹¹²). Любовныя свиданія и взаимныя нѣжности молодца и дѣвицы изображаются въ народныхъ пѣсняхъ съ усвоенными въ народной поэзіи приемами, часто повторяющимися, хотя и съ нѣкоторымъ разнообразіемъ. Вотъ молодець бродить около хаты, гдѣ живетъ дѣвица и дожидается, пока у ней въ хатѣ погаснетъ свѣча и улягутся ея родители: тогда она выйдетъ къ нему ¹¹³). Вотъ онъ стоитъ подъ окномъ, окутавшись свитою съ капюшономъ, согнулся, ожидаетъ, пока выйдетъ его Маруся ¹¹⁴). Онъ проситъ выйти скорѣе, поговорить съ нимъ, пусть сойдутся они какъ мѣсяцъ съ звѣздою ¹¹⁵). Постой, милый, говоритъ она: вотъ я матушкѣ старой изготавлю ужинать, постелю бѣлую постель, тогда выйду и развеселю тебя ¹¹⁶). Вотъ

¹⁰⁹) Якъ не велить, то й не ходи
На нашъ край гуляти (ibid.).

¹¹⁰) Ой скажу всѣмъ, щобъ про тебе
Веснянки спивали,
Що бъ призвища та прикладки
Тоби прикладали! (Чуб. III. 179).

¹¹¹) Ще я такихъ дурнивъ зъ роду не видала,
Я такими дурнями тыны пидпирала.
У городъ бузина, на йй листу нема;
Не ходи, не люби, коли хисту нема! (Чуб. V. 176).

¹¹²) Ой грихъ, сыночку, въ недиленьку сидати
А ще гирий грѣхъ зъ сироты ся сміяти (Чуб. V. 390).

¹¹³) Ходить сорока коло потока тай крыче! тай криче!
Ходить Микола коло виконця та й плаче! та й плаче!
Вийди, Наталко, вийди серденько, та й вийди! та й вийди!
Свѣчечка горить, то батенько не спить,—не вийду! не вийду!
Свѣчечка згасне, батенько засне, то й вийду! то й вийду! (Чуб.
V. 139).

¹¹⁴) Чи не цей-то Микитка, що по локти свитка?
Пидъ виконцемъ зигнувся, чи не вийде Маруся (Чуб. V. 67).

¹¹⁵) Вийди, вийди, молода дѣвчино, поговору зъ тобою
Якъ мисяцъ зъ зорою (Чуб. V. 18).

¹¹⁶) Чекай, парень, годичу,
Нехай свой, веньци старій вечероньку зготую,

она вышла, наконецъ; какъ звѣзда вечерняя освѣтила все поле, такъ она взвеселила сердце молодецкое ¹¹⁷). Впрочемъ трудно бываетъ матери удержать дочь, когда она искренно полюбитъ молодца. Хоть построй мать для ней особую комнату, хоть запирай ее замками, хоть поставь она караульныхъ наблюдать за дочерью... дочь все таки найдетъ способъ выскочить и провести ночь съ милымъ своимъ въ вишневомъ садикѣ ¹¹⁸), или въ темной рощѣ ¹¹⁹), либо же украдетъ у матери ключи и выпуститъ къ себѣ молодца ¹²⁰). Дѣвица блаженствуетъ съ милымъ, сравниваетъ себя съ кукушкою, а его съ соловьемъ ¹²¹). Дорожа своимъ счастьемъ, молодецъ допрашиваетъ ее: любить ли она его, не разлюбитъ ли? Дѣвица увѣряетъ его въ своей любви, сознаетъ, что у ней нѣтъ ни серебра, ни золота, ничего кромѣ любви къ молодцу. Молодецъ отвѣчаетъ, что ему и не нужно золота: онъ прибрѣтетъ его, а нужно ему любимую дѣвицу ¹²²). Молодецъ толкуетъ ей какъ будетъ хорошо, когда она станетъ

Билу постель постелю.

Тоди я, молоденька, на всю ниченьку выйду (Чуб. V. 18).

¹¹⁷) А зиронька зійшла, усе поле освитила,

А дивчина вийшла, козаченька звеселила (Чуб. V. 76, 134).

¹¹⁸) Збудуй мени, мати, комнату новую,

Та замикай мене, молодую,

Комора новая, сторожа стояла,

А я молодая въ саду ночувала.

Ночувала ничку въ вишневимъ садочку

А съ тобою сивий годубочку (Чуб. V. 341).

¹¹⁹) Ночувала другу въ темненькимъ луку,

Я съ тобою не звинчана буду (ibid).

¹²⁰) Вкрала ключи дѣвчинонька, мати не почувала,

Вона жъ свого миленького до себе кликнула (Чуб. V. 136).

¹²¹) Ой прилетивъ соловейко, щебече гарненько,

Якъ приѣхавъ мій миленькій—гулять веселенько!

Нехай тобі возуленька, мени соловейко,

Нехай тобі тамъ легенько, где мое серденько.

Мени буде соловейко рано щебетати,

Тобі буде возуленька раненько кувати (Чуб. V. 73).

¹²²) „Не маю я срибла, не маю злота;

„Опричь любови що къ тобі маю.

„Я всимъ убога—того не таю“.

— Не треба жъ мени злота—я и самъ придбаю,

— А треба дивчины, що я кохаю (Чуб. V. 77).

его женою, матерью дѣтей его, слугою родителей его, а между близкими сосѣдями хозяйкою ¹²³).

Дѣвица увѣряетъ, что ихъ никто никогда не разлучить, кромѣ смерти ¹²⁴). Иногда, проникнутые мечтательностію, такъ свойственной вообще малорусской натурѣ, они собираются разомъ умирать, чтобы ихъ вмѣстѣ положили въ одной могилѣ и тамъ бы они вели между собою бесѣду ¹²⁵).

Влюбленные угощаютъ другъ друга лакомствами. Маруся выходитъ изъ своего дома къ возлюбленному съ орѣшками ¹²⁶). Молодецъ зимою подходитъ къ окну своей возлюбленной съ чашею меда въ рукѣ и жалуется, что она медлитъ выходить къ нему; ей тепло расхаживать по свѣтлицѣ, а ему снѣгъ забиваетъ глаза, чаша съ медомъ отъ мороза пристаётъ къ рукамъ ¹²⁷). Свиданія происходятъ обыкновенно ночью, чтобы люди ихъ не увидали и не стали разлучать ¹²⁸). Дѣвица проситъ козака не подвергать ее безславію и настаиваетъ, чтобы онъ поскорѣе ее сваталъ ¹²⁹).

¹²³) Будешъ ты мени жоною,
А моему батеньку слугою,
Моій матеньци другою,
Моимъ дѣткамъ маткою,
Близкимъ сусидамъ панею (Чуб. III. 177—178).

¹²⁴) Насъ не розлучить матуся твоя...
Хиба насъ розлучить сырая земля.
Насъ не розлучить ни пиць, ни громада,
Хиба розлучить сосновая хата (Чуб. V. 80).

¹²⁵) Якъ ты умрешъ а зъ вечора, то я умру рано,
Скажемо-ся поховати обидвое въ одну яму;
Скажемо-ся поховати вкупу головами,
Щобы буза розмовоньба на тимъ свити межъ нами! (Чуб. V. 78).

¹²⁶) И Маруся выходитъ и горішки выносить,
Чи горішки кусати, чи Марусю цілувати? (Чуб. V. 67).

¹²⁷) Добре тобі, дивчино, по свитлонцѣ ходити,
Мени тяжко, на морози стоючи,
Чашу зъ медомъ держучи.
Чаша зъ медомъ до рукъ прилипає,
Черныи очи снѣгъ замиає (Чуб. V. 18).

¹²⁸) „Не ходи въ день, не смѣши людей,
Приходь у ночи при ясній свѣчи,
Що бъ на насъ люде не говорили,
Що бъ насъ зъ тобою не розлучили“ (ibid.).

¹²⁹) Сватай мене, козаченьку, та не вводь мене въ славу (Чуб. V. 52).

Оригинальная черта въ малорусской народной жизни — жениханье, обычай, состоящій въ томъ, что молодые люди обоого пола ложатся вмѣстѣ, любезничаютъ и часто засыпаютъ во взаимныхъ объятіяхъ ¹³⁰⁾. Это обычай старый и не разъ приводилъ онъ въ удивленіе и возбуждалъ порицаніе тѣхъ, которые его наблюдали, не будучи самі малоруссами; но всего удивительнѣе казалось всегда то, что при такомъ близкомъ обхожденіи между собою двухъ половъ, рѣдко нарушалось цѣломудріе дѣвицъ. Малорусскія дѣвицы слишкомъ берегли свою честь, потому что за потерю чести жестоко преслѣдовало общественное мнѣніе, а по свадебному чину существовали такіе обряды, которые не допускали скрыть отъ другихъ прежде содѣянный грѣхъ, который наказывался унижительными насмѣшками и поруганіями, даже и тогда, когда бы самъ новобрачный призналъ, что грѣхъ содѣявъ съ нимъ. Такія жениханья происходятъ обыкновенно лѣтомъ на улицахъ, гдѣ послѣ общаго гулянья, пѣнія, музыки и плясокъ, молодежь расходится парочками, улегаются гдѣ попало, иногда подъ кустами, подъ мельницами или другими сельскими постройками, а иногда просто на дорогѣ ¹³¹⁾. Осенью и зимою вмѣсто улицъ отправляются вечерницы или досвѣтки, такія же сборища какъ и лѣтнія улицы, только проходящія въ хатѣ. Обыкновенно хозяйками такихъ хатъ бываютъ вдовы, преимущественно солдатки. Такая женщина пускаетъ къ себѣ въ хату молодежь: тамъ нерѣдко пьютъ вино и готовятъ ужинъ, состоящій чаще всего изъ яичницы, жареныхъ куръ и колбасъ, поютъ и пляшутъ подъ сельскую музыку. Хозяйка хаты носитъ всегда названіе: «досвѣтчана маты». На взаимное угощеніе участники дѣлаютъ складчину, а хозяйка получаетъ извѣстную долю по уговору въ свою пользу за хлопоты и труды. Послѣ гулянья молодцы и дѣвицы располагаются гдѣ

¹³⁰⁾ Дай менѣ, миленькій, повечеряти,
Повечерявши да ляжемо спати
Будемо, миленькій, правду казати.

¹³¹⁾ Стелить, стелить молода дивчина
Билу постиль въ дорози,
Твердо стелить, а м'ягко лежати,
Люблю въ нею розмовляти (Чуб. V. 110).

попало на землѣ и женихаются, лежа вмѣстѣ попарно¹³²⁾. Дѣвицы на такія сборища отправляются подѣ благовиднымъ предложеньемъ прясть и каждая беретъ съ собою прядево и гребень, но само собою разумѣется, работа идетъ плохо¹³³⁾. Каждая выглядываетъ своего милаго¹³⁴⁾; кто кого любитъ—стремится къ своему предмету¹³⁵⁾, обнимаются, цѣлуются и наконецъ укладываются¹³⁶⁾. Если какой нибудь молодецъ отвертывается отъ дѣвицы, то это знакъ, что не любитъ и презираетъ ее¹³⁷⁾. Вообще стараются чтобы всѣ были парами, третьему между двухъ быть неумѣстно¹³⁸⁾. Не только на улицахъ и досвѣткахъ происходитъ жениханье. Въ одной пѣснѣ дѣвица впускаетъ къ себѣ возлюбленнаго тайкомъ отъ родителей¹³⁹⁾. Въ другой козакъ добивается, чтобы дѣвица пустила его къ себѣ на ночь, а дѣвица сначала отговаривается, что боится утратить ласки матери¹⁴⁰⁾, потомъ соглашается съ условіемъ, чтобы

¹³²⁾ Ой стелить моя чорнявая билу постиль для мене.

Ой стеле вона двѣ подушки а третю перину (Чуб. V. 55).

¹³³⁾ Де ходивъ, то ходивъ, прійшовъ пидъ виконце:

Сидите, прядите, дивки волоконце.

А Оксана не пряде, на Ивася дметься,

Вона ёго вирно любить до его сміється! (Чуб. V. 109).

¹³⁴⁾ Яжъ думала чужій иде та стала ховаться,

Ажъ то мое серденько иде цѣловаться (Чуб. V. 56).

¹³⁵⁾ Сядь, Грлицю, коло мене, ще й нижечки пидгори,

Я жъ тебе поцилую, а ты мене обійми.

Обійми жъ ты мене, мое серденятко,

Поцилуй же мене, якъ мати дитятко (Чуб. V. 56).

¹³⁶⁾ Ой дѣвино, бѣдна сирото,

Не стели мени постели широко,

Постели мени постель вузеньку,

Та й пригорнися до мене близенько! (Чуб. V. 399).

¹³⁷⁾ Ой знати знати хто зъ кого кинься,

Далеко сидае, чортомъ дивиться.

¹³⁸⁾ Ой десь стоить парочка, любая розмова,

Ой якъ третій умишається, то й потеряється,

Якъ четвертый прибуде, то все гараздъ буде (Чуб. V. 105).

¹³⁹⁾ Ой прійди, прійди, впущу до кимнаты,

Та закажу всімъ въ хати, щобъ не знала мати.

Ой якъ впускала—тяженько вдыхала,

Ой якъ выпускала—то й плакати стала (Чуб. V. 44).

¹⁴⁰⁾ „Ой добры—вечоръ, дивчиненько, пусти мене на ничъ,

— Ой боюся, козаченьку, бо я сама плачу.

Ой я въ своѣй матусеньки певне ласку втрачу (Чуб. V. 130).

молодецъ не помялъ ея руты¹⁴¹⁾, т. е. не нарушилъ цѣломудрія. Въ строго-правственной семьѣ дѣвица приглашаетъ въ гости своего возлюбленнаго и предупреждаетъ, что можно говорить между собою только шопотомъ, чтобъ мать не услышала¹⁴²⁾. Такая мать не пускаетъ дочери на улицу и на до-свѣтки и дѣвица говоритъ своему милому, что только тогда они будутъ неразлучны, когда повѣнчаются¹⁴³⁾.

Но есть матери, гораздо снисходительнѣе относящіяся къ молодежи и ея увлеченіямъ. Дочь поручаетъ матери готовить ужинъ, а сама собирается спать, и говоритъ, что тотъ, кому она мила, самъ придетъ въ ея хату¹⁴⁴⁾. Другая мать сама научаетъ дочь, какъ привлечь къ себѣ и наставляетъ ее въ пріемахъ любовнаго дѣла¹⁴⁵⁾. Однако такимъ матерямъ бываетъ награда за такіе уроки, когда придется имъ сидѣть за печью и качать внуковъ¹⁴⁶⁾.

Такія матери воспитали легкомысленный взглядъ на жизнь

¹⁴¹⁾ Прощу тебе, козаченьку, не толочь ми руты (Голов. I. 84).

¹⁴²⁾ Прійдешь, козаче, сей вечирь до мене,
Зготувала стара мати вечерю для тебе,
Якъ прійдешь до мене, сядь собі на лавци,
Та будемъ розмовляти, щобъ не чула мати (Чуб. V. 137).

¹⁴³⁾ Ой рада бъ я вийти, такъ неволенька моя,
Не пускають гулять, що я молода;
Не пускають, не велять
Изъ тобою, серденько, стоять;
Ой поможи, Боже, намъ на рушнику стати,
Тоди не розлучить ни батько, ни мати (Чуб. V. 131).

¹⁴⁴⁾ Вари, мати, вечеряти, а я ляжу спати;
А хто мені любий-милий, най иде до хати (Чуб. V. 57).

¹⁴⁵⁾ „Що то, моя мати, за пташокъ лѣтає?“
— Дай же ему привадочку, нехай привыкає.
„Яку жъ ёму, моя мати, привадочку дати?“
— Сыпь пшеницы по колінця, водици по крыльця.
„Козакъ, мати, коло двора кругомъ объѣзжає,
„Та на мой воритечка коня навертає“.
— Давай, дочко, привадоньку, нехай привыкає.
„Яку жъ ему, моя мати, приваду давати?“
— Стели, дочко, білу постіль, лягай изъ нимъ спати.
— Одну ручку въ головочку, другою обняти,
— Пригорнутися до серденька дай поцилувати (Чуб. V. 68).

¹⁴⁶⁾ Отъ то тобѣ, моя мамцю, за твою науку,
Сиди собі у запичку, колыхай унуку (Чуб. V. 69).

у дѣвицъ: жениханье съ разными молодцами попеременно не представляется предосудительнымъ. Дѣвица приглашаетъ пѣлый кружокъ молодцовъ къ себѣ на ужинъ, обѣщая притомъ и перину съ подушками ¹⁴⁷). Оттого въ пѣсняхъ попадаются такія черты, гдѣ дѣвица не сердится на милого, зная, что онъ почуветь съ другою, лишь бы только опять къ ней обратился ¹⁴⁸), а также и парубокъ дозволяетъ своей возлюбленной полюбезничать съ другимъ молодцомъ, только просить не быть съ этимъ другимъ такъ откровенною, какъ съ нимъ ¹⁴⁹), а уходящій въ военную службу молодецъ предоставляетъ своей дѣвицѣ гулять по прежнему со всѣми, съ кѣмъ захочетъ, только не съ москалями, вѣроятно потому, что тѣ, не зная малороссійскихъ обычаевъ въ ихъ внутреннемъ смыслѣ, могутъ ихъ употребить во зло ¹⁵⁰). Впрочемъ, такія черты легкомысленнаго обращенія половъ въ народныхъ пѣсняхъ не часты; чаще представляется, что парубки съ дѣвицами женихаются, въ надеждѣ соединиться вѣчными узами супружества. Такъ молодецъ говоритъ, что онъ ночевалъ съ дѣвицею, которую хочетъ посватать ¹⁵¹), а дѣвица

¹⁴⁷) Якъ любила кавалеривъ, такъ любити буде...

Тамъ дивчина кавалеривъ на вечерю просить,
Просить вона на вечерю и рыбку лининку,
На пухову подушечку, биленьку перинку (Чуб. V. 50).

¹⁴⁸) Десь мій милый, чорнобривый зъ иншою ноче?

„Ночуй, ночуй, мій миленькій, да й не зазнавайся;
Ой якъ вийдешъ на улицу, до мене признайся“ (Чуб. V. 85).

¹⁴⁹) — Пригортайся, дивчинонько, къ другому такому,

— Та не кажи теи правды, що мени самому.

„Ой якъ мени, козаченьку, правды не казати,

„Ой якъ стане пригортати, то стане пытати“ (Чуб. V. 73).

¹⁵⁰) „А чи мени за мужъ ити, чи гуляти?

— Гуляй, молода дивчино, якъ гуляла,

Збирай челядоньку, якъ збирала,

Наймай музыченьки, якъ наймала,

Топчи черевички, якъ топтала.

Да не гуляй, молода дивчино, зъ москалями;

Москальчики—обманщики, вони обманять,

У новую комирочку запровадять;

Вони твою русую косу рострѣпають.

Вони твои били руки поламають,

Вони твою билую постіль помарають (Чуб. V. 304).

¹⁵¹) Де жъ ты, козакъ, сю ничъ ночувавъ, що й не роззувавъ?

— Ночувавъ я ничку, ночувавъ я й другую

— То все въ тии дивчиноньки, що сватати буду (Чуб. V. 67).

въ одной веснянкѣ, на вопросъ козака: будетъ ли она принимать его къ себѣ на ночь, отвѣчаетъ: какъ принимала съ осени, такъ будетъ и теперь, что указываетъ на постоянство связи и на ея продолжительность.

Обычная и часто повторяющаяся черта въ малорусскихъ любовныхъ пѣсняхъ—жалобы на враговъ, разными средствами затѣвающихъ разлучить любящихся. Первыми такими врагами бывають нерѣдко родители дѣвицы. Она жалуется своему возлюбленному, что мать грозитъ ее бить за то, что она полюбила молодца, и затѣмъ проситъ козака не ходить болѣе къ ней ¹⁵²). Козакъ проситъ свою Катрусю выйти на крыльцо и поговорить съ нимъ, а дѣвица отвѣчаетъ, что мать не пускаетъ ее къ нему ¹⁵³).

Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ появленіе враговъ у молодыхъ людей, между которыми возникаютъ любовныя отношенія. Начинають за ними присматривать родные и близкіе съ обѣихъ сторонъ, нѣтъ недостатка и въ совѣтникахъ, которые стараются вооружить противъ ихъ союза родителей. Поднимаются также толки и ссѣтны. Являются, кромѣ того, соперники и соперницы. Дѣвица жалуется, что за нею поглядываютъ и ей невозможно черезъ враговъ ходить на улицу ¹⁵⁴). Съ своей стороны жалуется молодець, что враги не допускають его проникнуть къ милой ¹⁵⁵). Дѣвица прячется съ своей любовью и отъ враговъ

¹⁵²) „Дивчиньонько моя мила,
За що жъ тебе мати била?“

— Ще не била, ще не била, хвалилася бити,
— Ой перестань, козаченьку, тай до мене ходити (Чуб. V. 136).

¹⁵³) — Катрусю, сердечко! Вийди на крылечко,
— Вийди на крылечко, промовь хоть словечко...
„Не вийду, Иваню, мене мати лає,
„Мене мати лає, гулять не пускає (Чуб. V. 135).

¹⁵⁴) Затопила, закурила сырими дровами,
Нельзя выйти на улицу да й за воротами.
А я тѣмъ сыри дрова та й повывидаю;
Вже вороги спать полягли, пойду погуляю.
Хоть полягли, не полягли, дакъ не будуть спати,
Вони будуть прислухаться—съ кимъ буду стояти,
Съ кимъ буду да стояти, да що говорити (Чуб. V. 262).

¹⁵⁵) Ой радъ бы я прійти, радъ бы я прійхати,
Кругомъ тебе стоять вороженьки, да нікуды обминати (Чуб. V. 291).

и отъ матери; зазававши молодца къ себѣ, раньше всѣхъ встаетъ, чтобы замести слѣды своего милаго и не дать врагамъ повода осуждать ихъ, а матери своей проклинять ее ¹⁵⁶). Недоброжелатели стараются между влюбленною парюю посѣять раздоръ: наговариваютъ дѣвицѣ, будто ея возлюбленный полюбилъ другую дѣвушку ¹⁵⁷), а молодецъ отъ людей слышитъ, будто съ его дѣвицею проводить ночи кто-то иной ¹⁵⁸). Молодецъ и дѣвица взаимно увѣряютъ другъ друга, что все это выдумали враги, и въ раздраженіи противъ враговъ дѣвица сравниваетъ ихъ съ лающими собаками ¹⁵⁹), которыя, однако, ничего ей не могутъ сдѣлать, когда она выйдетъ замужъ ¹⁶⁰). Приходится, однако, дѣвицѣ предупреждать молодца, когда ему угрожаютъ враги ¹⁶¹), а ему — ускользать отъ нихъ и прятаться въ траву ¹⁶²). На улицахъ поднимаются иногда между молодцами драки. Въ одной пѣснѣ парубокъ угрожаетъ, что кто прикоснется къ его дѣвицѣ, тому онъ изломаетъ руки и ноги ¹⁶³). Въ другой пѣснѣ двое молодцевъ ходили на вечерницы къ одной и той же дѣвушкѣ и разсудили, что лучше приказать сдѣлать гробъ и одному изъ нихъ достанется этотъ гробъ, а другому дѣвица молодая ¹⁶⁴). И дѣвицѣ бываетъ не безопасно отъ враговъ: въ одной пѣснѣ

¹⁵⁶) А я встану ранесенько слиду замитати,

Що бъ не знали вороженьки ще й ридная мати,

Якъ узнають вороженьки—будуть осуждати.

Якъ узнае ридна мати—буде проклинати (Чуб. V. 128).

¹⁵⁷) Ой я чую черезъ люди, що ты иншю кохаешъ (Чуб. V. 125).

¹⁵⁸) Тее я тя скажу, що видъ людей чую,

Що у тебе, дивчинонько, иншій ночуе (Чуб. V. 127).

¹⁵⁹) На що мени собаки тримати,

Есть въ мене сусидоньки, що вміють брехати (Чуб. V. 126).

¹⁶⁰) Брешить, брешить, вороженьки, най буде Богъ зъ вами!

Я молода, пійду за мижъ—товчить головами (ibid.).

¹⁶¹) Тикай, тикай, козаченьку, хотять тя злапати (Чуб. V. 127).

¹⁶²) Козакъ молоденькій та й того злякався,

Хильди, хильци по-пидъ-плотомъ, та й въ зильзя сховався (ibid.).

¹⁶³) — Нехай моей дивчиноньки ниhto не займае—

Бо хто ти займе, биду соби знайде:

Бо поломаю, руки, ноги, до дому не зайде (Чуб. V. 111—112).

¹⁶⁴) Ой якъ мы будемъ до одной ходити,

Наймемо соби тесника домовину зробити.

Ой одному буде домовина новал

А другому буде дивка молодая! (Максим. изд. 1827, стр. 114).

молодецъ зоветъ ее къ себѣ, а она отвѣчаетъ, что стоитъ врагъ и хочетъ убить ее ¹⁶⁵). Матери, которая дозволяетъ дочери половину ночи проводить на улицѣ ¹⁶⁶), дочь говоритъ, что на нее находить безславіе, какъ черная туча, но она перенесетъ эту невзгоду, зная, что какъ за тучею слѣдуетъ громъ и наконецъ дождь, такъ и дѣвица не выходитъ замужъ, чтобъ не испытать клеветы и сплетень отъ враговъ ¹⁶⁷). Ахъ враги, враги!—говоритъ дѣвица: сходитесь себѣ въ бесѣду, пейте, гуляйте, только не разлучайте тѣхъ, что уже сошлись въ пару, а напротивъ сводите въ пару тѣхъ, что еще не сошлись ¹⁶⁸). Иногда препятствіе къ соединенію любящихъ другъ друга исходитъ отъ родни молодца; такъ въ одной пѣснѣ молодецъ говоритъ своей дѣвицѣ, что онъ радъ бы жениться на ней, но мать его не велитъ ¹⁶⁹), а въ другой пѣснѣ говоритъ, что сестра его отговариваетъ ¹⁷⁰). Чаще всего, однако, мать дѣвицы бываетъ причиною разлуки, и въ одной пѣснѣ, обращаясь къ суровой матери, которая колотитъ ее за любовь къ молодцу, дѣвица проситъ лучше повести ее къ рѣкѣ и утопить ¹⁷¹). Или же гро-

¹⁶⁵) — Выйди, дивчино, поговоримо зъ тобою!

„Ой якъ я маю зъ тобою говорити:

„Стоить вориженько, хоче мене забити!“ (Чуб. V. 132).

¹⁶⁶) Піють пивни, піють други, а дочки не має,
Нехай наша дочка молода трохи погуляе (Чуб. V. 143).

¹⁶⁷) Пидь моими воротами чорна хмара стала;
А я тую чорну хмару рукавцемъ розмаю,
Перебула поговирь, перебуду неславу.
Ой не пійде дробень дощикъ безъ хмары, безъ грому,
Ой не пійде дівка за-мижъ та безъ поговору (Чуб. V. 144).

¹⁶⁸) Прошу, вороги, на беседу къ соби,
И пійте и їжте и бесідуйте,
Где двое стоять не розлучайте,
А хто безъ пары—пары шукайте (Чуб. V. 149).

¹⁶⁹) А радъ бы я тебе взяти,
Та не каже рідна мати (Чуб. V. 57).

¹⁷⁰) Не бери, брате, дівча—безъ доли зросла,
Безъ доли зросла, безъ счастья родилася,
Вона тобі, брате, дружиною не судилася (Чуб. V. 312).

¹⁷¹) Ой не бій, мати, и не лай мати, не роби каличеньки,
Зав'язи очі темної ночі, тай веди до риченьки.
А якъ приведешъ ты до риченьки, розв'язи кари очі,
Та нехай же я та й подивлюся, зъ свитомъ Божимъ попрошаюся
(Чуб. V. 146).

зять самоубійствомъ если ее стануть отдавать насильно замужъ ¹⁷²⁾. Преслѣдованіе влюбленныхъ доводитъ ихъ до мечтательнаго желанья смерти. Молодецъ, которому враги-сосѣди не дозволяютъ ходить къ своей милой, собирается умирать и просить свою дѣвицу посѣтить его могилу на берегу моря, но не махать рукою, когда его стануть класть въ гробъ, чтобъ не узнали враги, что они любили другъ друга и не кидать земли на гробъ его, потому что подъ землею тяжело ¹⁷³⁾.

Встрѣчается только въ одной пѣснѣ такая черта, что молодецъ, полюбивши дѣвицу, не рѣшается сватать ее потому что она бѣдна, а бѣдная дѣвица съ презрѣніемъ относится къ такому искателю ея любви ¹⁷⁴⁾. Но чаще въ пѣсняхъ молодецъ, сообразно усвоенному въ народѣ нравственному воззрѣнію, не думаетъ о приланомъ ¹⁷⁵⁾ и даже съ пренебреженіемъ относится къ богатымъ дѣвицамъ, обличая ихъ въ лѣни и склонности къ нарядамъ изъ желанія прельщать мужчинъ ¹⁷⁶⁾.

¹⁷²⁾ Ахъ волю сама собѣ смерть зробиш,
Якъ въ богатствѣ зъ нелюбомъ жити...

Не дала-сь, мати, его любити,
Не буде твоя дочка въ свѣтѣ жити (Чуб. V. 259).

¹⁷³⁾ ...Сусиди близкіи, вороги тяжкіи,
Не велять ходити, дивчины любити,
А я ѣи люблю и зъ любощивъ возьму
И въ скорости помру...
А моя могила край синѣго моря,
Прійди подивися, любая розмова,
Якъ будуть въ труну класти, не махай рукою:
Скажуть вороженьки що я живъ съ тобою!
Ой якъ будуть въ гробъ пускати не кидай землѣю,
Бо, ты сама добре знаешь, якъ тяжко підъ нею (Чуб. V. 147—148).

¹⁷⁴⁾ — Ой коли бъ ты, дивчинонько, трошки багатенька—
То взявъ бы тебе до себе до свого батенька!—
„Ой якъ бы жъ я, козаченьку, трошки багатенька,
„Наплювала бъ я на тебе й на твого батенька“ (Чуб. V. 115).

¹⁷⁵⁾ Ты думаешь, ти любляться, що багато грошей,
Я молодой я здоровый, ще къ тому й хорошій.
Буду вставать я раненько, буду заробляти,
Ты не будешь, дивчинонько, ни въ чымъ нужды знати (Метз. 65).

¹⁷⁶⁾ Засватавъ я вбогу дивку, нехай багачка плаче,
Бо багачка, вража дочка, не хоче робити;
Начипляе кораликивъ, що бъ ѣи любити.

Въ другой пѣснѣ молодецъ, встрѣтивши рыжую и некрасивую дѣвицу, которая хвалится тѣмъ, что она дочь богача и чванится вывѣшеннымъ на груди червонцемъ, смѣется надъ нею ¹⁷⁷).

Есть черты, что бѣдная дѣвушка не хочетъ выходить за богатаго изъ-за того, чтобъ онъ впослѣдствіи не пожалѣлъ и родители его не были недовольны такимъ союзомъ ихъ сына ¹⁷⁸). Въ другой пѣснѣ дѣвица бѣдная отвергаетъ руку богача и съ гордостію указываетъ, что вмѣсто всякихъ матеріальныхъ богатствъ дорожитъ своей дѣвической честью ¹⁷⁹).

ГЛАВА II.

Разлука. — Тоска дѣвушки безъ молодца. — Тоска молодца въ разлукѣ съ милою. — Смерть козака при участіи дѣвицы. — Бѣгство дѣвицы съ молодцемъ. — Дѣвица въ отсутствіи милаго выходитъ за другого. — Потеря дѣвической чести. — Отношенія соблазнителя къ дѣвицѣ. — Чары. — Отравы.

Разлука любящихъ другъ друга изображается въ пѣсняхъ чаще всего по поводу отъѣзда молодца въ чужую сторону. Это естественно въ тѣ времена, когда козацкая служба отвлекала здоровыхъ и молодыхъ людей къ походамъ и битвамъ. Вотъ молодецъ отправляется въ походъ. Ему не мило отрываться отъ

Начипле кораликивъ на билую шію,
Люби мене ты, Семене, або ты, Василю (Чуб. V. 113).

¹⁷⁷) Хоть я руда и погана
Такъ мій батько багачъ.
Чорты вбили бѣ твого батька
Зъ твоимъ багатствомъ,
Твої воли выдыхають
Ты погана зъ дукачемъ.

¹⁷⁸) Теперъ ты скажешъ: зиронька ясна!
А потимъ скажешъ: доленьва безсчастна.
Хочъ не ты скажешъ, скаже твоя мати:
Було бѣ тобі убогон не брати.

¹⁷⁹) Ой чи ты, багачу, зъ розуму аступаешъ,
Ой що ты мене за присивки пытаешъ?
Въ мене присивокъ—на городи барвинокъ,
Въ мене стижочокъ—на голови виночокъ. (Чуб. V. 124).

своей мирной домашней среды; его положеніе сравнивается съ сухимъ (безлистнымъ) дубомъ, которому велятъ развиваться въ морозное утро, но козакъ пересиливаетъ себя ¹⁾). Дѣвушка, которая прильнула къ нему, какъ снѣгъ въ мятель прилипаетъ къ дереву, провожаетъ его ²⁾). Она ведетъ ему и сѣдлаетъ коня, подаетъ ему стрѣлы и лукъ; даетъ ему въ воспоминаніе о себѣ бѣлый платокъ. Козакъ покроетъ имъ сѣдло, а когда платокъ запылится—это будетъ ему знакомъ, что дѣвица безъ него тоскуетъ ³⁾). Заботясь о своемъ миломъ, дѣвица заявляетъ страхъ, что, быть можетъ, въ чужой сторонѣ постигнетъ его недугъ и некому будетъ безъ нея ухаживать за нимъ ⁴⁾). Молодецъ обнимаетъ и цѣлуетъ въ послѣдній разъ свою возлюбленную, увѣряетъ, что не забудетъ ее, хотя бы ему пришлось умирать въ степи. Плохо довѣряя постоянству дѣвическаго сердца, козакъ высказываетъ опасеніе, что, быть можетъ, оставшись безъ него, она его забудетъ и достанется иному — богатому. Дѣвица, съ своей стороны, увѣряетъ возлюбленного, что будетъ ждать его возвращенія и никому иному не достанется.—Не одна изъ васъ,

¹⁾ Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде!

Убирайся, гождій хлопче, завтра походи буде!

Я морозу не боюся, вранцѣ розвивься,

Я походу не боюся, заразъ уберуся.

²⁾ Ой якъ тая метелиця до дерева липне,

Иванъ коня наповае, а Палажка хлиппе.

Иванъ коня наповае, а Палажка плаче,

Ой куды жъ ты одѣзжаешъ, сердце козаче! (Чуб. V. 288).

³⁾ Ой вывела коня, взяла, привязала,

И вынесла сиделечко, взяла, осидлала,

Вынесла лучокъ и стрилочокъ пучокъ:

Отсе жъ тобѣ, мій миленькій за для билыхъ ручокъ!

Вынесла хустинку, а якъ бѣлъ биленьку:

Отсе жъ тобі, мій миленькій, а про недиленьку!

Мени хустоньку въ рукахъ не носити,

За для славы козацької сидельце покрити.

А вже хустинонька тай запылилась —

Либонь моя чорнявая тай зажурилась.

Гляну на сидельце—втишу свое серце,

Гляну на хустину—згадаю дивчину! (Чуб. V. 289).

⁴⁾ Не дай, Боже, недуги на тебе:

Хто жъ ти буде постилоньку стлати...

Хто жъ съ тобою буде ничку розмовляти? (Голов. III. 153).

красавиць, любила искренно, а правды не сказала, возражаетъ онъ ей ⁵⁾). Иной предъ отъѣздомъ поддается искушенію переночевать послѣдній разъ съ своею милою, хотя и опасается потерять походъ. Дѣвица обѣщаетъ разбудить его рано (и исполняетъ обѣщаніе ⁶⁾). Козакъ уѣхалъ, догоняя своихъ товарищей, а дѣвицѣ остается гонять на воду гусей и плакать о разлукѣ съ милымъ ⁷⁾). Вырываясь изъ объятій своей милой, козакъ завѣщаетъ ей, ожидая его возврата, выбѣгать почаще на дорогу ⁸⁾). Помнить она послѣднія слова милаго, истаптываетъ черевички, выбѣгая на дорогу, выплакиваетъ глаза, выглядывая своего возлюбленнаго ⁹⁾). Она все тоскуетъ, думаетъ о немъ каждую минуту, называетъ себя сиротою безъ него ¹⁰⁾). Многое напоминаетъ ей прежнія утѣхи съ милымъ и усиливаетъ ея тоску ¹¹⁾). Иногда эта тоска разражается отчаяніемъ, доходящимъ до того,

- ⁵⁾ „Прощай, сердце-дивчинонько, ты моя не будешь,
Достанешся багатому, та й мене забудешь!“
— Не бійсь, серце-козаченьку, буду дивовати,
Не достанусь багатому, буду тебе ждати.—
„Не одна зъ васъ, чорявая, намъ свить завязала,
Не одна щиро любила, правды жъ не сказала (Чуб. V, 65).

- ⁶⁾ „Выржаюсь, моя мила, у велику дорогу!
— Переночуй, мій миленькій, хочъ цю нічку зо мною!
„Ой радъ бы жъ я, моя мила, и чотыри ночувати,
Та боюся, мое серце, щобъ походу не втерати.
— Ой не бійся, мій миленькій, бо я рано устаю.
А ще раніше тебе, молодого, ище раніше розбуджу.
Уставай же, мій миленькій, уже свить биленькій! (Чуб. V. 274).

- ⁷⁾ Тільки систы и поѣхати товаришівъ доганять,
А я пійду, молода, сирыхъ гусей наповать...
Гіля, гіля, та сирин гуси, та вже жъ вы наплавались,
Та вже жъ мои каренькіи очи та й наплакалися (ibid.).

- ⁸⁾ Ой перестань, дивчинонько, слизеньками умыватися.
Всѣ козаки въ походъ пішли, треба мени поспиншатися.
Якъ будешъ, дивчино, зъ походу сподиватися,
То выбѣжи въ чисте поле на дороженьку (Чуб. V, 304).

- ⁹⁾ Вытоптала черевички, на дорогу выбѣгаючи,
Выплакала чорни очи, тебе серце выглядаячи (ibid.).

- ¹⁰⁾ Ой ты поѣхавъ, мене покинувъ, сироту на чужини.
Плачу, рыдаю, ты вспоминаю въ кожнисеньку годину (Чуб. V. 264).

- ¹¹⁾ Нема мого миленького, нема моїй душки,
Ни съ кимъ лечи выкачати бѣленьки подушки.
Нема мого миленького, нема моїй квітки,
Стала бъ его визирати да не знаю звидки (Голов. II. 384).

что дѣвушка бредитъ самоубійствомъ ¹²⁾. Пѣсенный міръ представляетъ образчики скорой смерти дѣвицы отъ разлуки съ милымъ. Козакъ, отбѣзжая въ походъ, спрашиваетъ дѣвицу: будетъ ли она за нимъ печалиться? Она отвѣчаетъ, что забудетъ, какъ только онъ выѣдетъ за ворота ¹³⁾. Но не успѣлъ козакъ скрыться изъ вида, какъ дѣвица не могла ни спать, ни работать отъ тоски ¹⁴⁾. Она посылаетъ свою сестру заворотить своего милаго и сказать ему, что его дѣвица при смерти ¹⁵⁾. Когда козакъ, возвратившись, доѣзжалъ до двора, гдѣ жила его возлюбленная, онъ увидалъ, что ее несутъ хоронить ¹⁶⁾.

Оставаясь въ разлукѣ съ предметомъ своей любви, дѣвушка подвергается большимъ искушеніямъ. Ея родная мать хочетъ отдать ее за богатаго жениха. Дочь упорствуетъ. Напрасно мать пытается возстановить ее противъ избраннаго ея сердцемъ ¹⁷⁾, напрасно представляетъ ей, что съ этимъ человѣкомъ ей будетъ худо, и лучше ей полюбить богатаго—дѣвица говоритъ ей рѣшительно, что не будетъ такъ, какъ матери хочется, а станетъ такъ, какъ желаетъ сама дочь ¹⁸⁾. Не зная гдѣ ея милый, дѣвица посылаетъ галку принести ей отъ него вѣсть ¹⁹⁾. Галка не замедлила доставить ей слово милаго: не предавайся тоскѣ, ты, молодая, пойдешь замужъ, а я, молодой, женюсь на тебѣ ²⁰⁾. Дѣвица отъ такой вѣсти ободрилась, весело стала заниматься

¹²⁾ Лучче бѣ було не любитися, чимъ тепера розлучитися.
Хиба пійду утоплюся, хочъ обѣ камѣнь розибьюся. (Чуб. V. 359).

¹³⁾ Ой не буду, козаченьку, дале-би не буду,
Якъ выѣдешъ за нови ворота—я тебе забуду (Чуб. V. 366).

¹⁴⁾ Та не взяли дивчиноньки ни сонъ, ни робота (ibid.).

¹⁵⁾ Ой вернися, козаченьку, дивчина вмирає (ibid. 367).

¹⁶⁾ Не доѣхавъ козаченько до нової хаты:
Несуть ёго дивчиноньку до гробу ховати (ibid.).

¹⁷⁾ Буде тобі, доню, буде лихая година,
Що ты сѣго козаченька щиро полюбила! (Чуб. V. 491).

¹⁸⁾ Але съ власной твоей волѣ нічого не буде,
Бо моего миленького сердце не забуде (Голов. IV. 490).

¹⁹⁾ Якъ пошлю я чорну галку на Динь рыбы ѣсти.
Ой принеси, чорна галка, одъ милого вѣсти (Чуб. V. 490).

²⁰⁾ Полетѣла чорна галка та й не барилася,
Та принесла таку звистку, щобъ не журилася:
Не журися, дивчинонько, въ тугу не вдавайся,
Ты, молода, замижъ пійдешъ, а я ожениюся (ibid.).

домашними работами. Замѣтила это мать и спрашиваетъ: что это она улыбается? Дочь говоритъ ей аллегорически: «пей, матушка, ту воду, что я наносила: зови, матушка, того зятемъ, кого я полюбила!—Нѣтъ, отвѣчаетъ мать, не буду я пить этой воды, а начну разливать ее! Не приму немилаго себѣ зятя—стану разлучать его съ тобою! «Ахъ, матушка, проговорила дочь: не разливай воды, вѣдь ее тяжело носить. Не разлучай меня съ милымъ—тебѣ съ нимъ не жить ²¹⁾».—Ну, смотри же,—пугаетъ мать свою дочь:—дѣлай по своему, только уже не жалуйся потомъ на мать свою. «Не буду, матушка, на тебя жаловаться; какую-бы ни послалъ Богъ мнѣ судьбу—стану терпѣть ²²⁾»).

У иной дѣвицы рождается подозрѣніе: а что если въ то время, когда она за милымъ такъ плачетъ, онъ, быть можетъ, окруженъ толпою дѣвушекъ и измѣняетъ ей! Пусть же, если такъ, одолѣетъ его тоска такая, какою томится его возлюбленная, пусть измѣнитъ ему та, которая стала ему всѣхъ милѣе! Пусть узнаетъ на опытъ: каково томиться въ разлукѣ ²³⁾).

Между тѣмъ, козакъ въ чужой сторонѣ также тоскуетъ о своей милой дѣвицѣ. Онъ хочетъ написать къ ней письмо, при-

²¹⁾ Мела хату, мела сини, та й засміялася,
Вийшла мати води брати, та й догадалася.

„Чого дочко, чого дочко, та засміялася?“

— Ой пій, мати, тую воду, що я наносила,

Шануй, мати, того зятя, що я полюбила.

„Ой не буду води пити, буду розливати,

Нелюбого зятя маю, буду розлучати!“

— Не розливай, мати, води, бо тяжко носити,

Не розлучай мене зъ милымъ, тобѣ зъ нимъ не жити (Чуб. V. 491).

²²⁾ „Живи, доню, въ свою волю, такъ якъ полюбила.

Не жалкуй на свою матирь, що тебе згубила!“

— Ой не буду жалювати, моя ридна мати,

Яку мені дасть Богъ долю—буду горювати! (Чуб. V. 491).

²³⁾ Може я за нимъ дармо плачу...

Може винъ має дѣвчатоку громаду,

Може мене любить на яку зраду,

Най му той жалъ самый и туга тая,

Щобъ зрадила его котра наймилійша.

Тогдѣ винъ признає що то есть розлука

И жалъ правдивый, на серцю мука! (Чуб. V. 16).

лить его слезами и послать съ буйными вѣтрами ²⁴). Ему хотѣлось бы, чтобъ у него были крылья—полетѣлъ бы онъ со-
коломъ во дворъ своей милой, а та вышла бы изъ хаты и
произнесла слово сожалѣнія о томъ, что соколъ летаетъ одиноко,
безъ пары ²⁵).

Время идетъ, козакъ не возвращается. Дѣвица боится, что
сбылось то, что онъ предрекалъ о своемъ возвратѣ въ минуты
унынія ²⁶): онъ гдѣ-нибудь палъ въ чужой сторонѣ и его тѣло
расклевали птицы. Ей хотѣлось бы въ такомъ случаѣ самой
собрать его останки и похоронить ²⁷).

Въ малорусской поэзіи есть цѣлая группа пѣсенъ о кон-
чинѣ козака, гдѣ такимъ или инымъ способомъ показывается
присутствіе и участіе дѣвицы. Вотъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ
разсказывается, что молодецъ и дѣвица были долго въ разлукѣ
и какъ свидѣлись, то оба заболѣли ²⁸). Дѣвица лежала въ отцов-
ской коморѣ, а козакъ въ зеленой дубравѣ. За дѣвицею уха-
живали домашніе и давали ей ѣсть и пить, а козакъ просилъ
дать ему хоть бы холодной воды и дѣвица умоляла мать по-

- ²⁴) Чи письма писати,
До милой слати.
Напишу перами,
Та прильлю слезами
Та й пошлю витрами (Чуб. V. 329).

- ²⁵) Ой коли бъ же я мавъ орловыи крыла...
То бъ я полинувъ бы, сивъ бы у двори:
Чи не выйде моя мила и къ мені.
Ажъ мила виходить изъ чорными бровами,
Промовляе до мене изъ дрибными слезами:
Ой ты соколеньку прекрасный,
Якій же ты у свѣтѣ несчастный!
Що кожне древо на весни продвитае,
Що кожнаа пташка соби пару мае,
А ты, милий, въ свѣтѣ литаешъ,
Да й парочки собѣ не маєшъ (Чуб. V. 295—296).

- ²⁶) Спождѣвайся мене, серденятко мое, та й у ти поры въ гости,
Якъ поросте трава мурава та у горницѣ на помости (Чуб. V. 239).

- ²⁷) Сороки й вороны тило поклювали,
А жовтыи кости до кущамъ бросали,
Ой я жовтыи кости, кости позбираю,
У тихимъ Дунаю кости поховаю (Чуб. V. 297).

- ²⁸) Ой якъ ся узрили, обое поболіли (Чуб. V. 372).

слать ему пива ²⁹⁾. Умеръ козакъ, умерла и дѣвица, завѣщавши похоронить себя вмѣстѣ съ козакомъ въ одной могилѣ. По дѣвицѣ звонили колокола, надъ ея тѣломъ пѣли попы и дяки, а по козаку шумѣли лѣса, кричали вороны ³⁰⁾. (Для сравненія см. польскую Kolb. 5. 1. 148—150).

Есть пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ и о плачѣ по немъ дѣвицы: пѣсня эта очень распространена въ разныхъ варіантахъ не только у малоруссовъ, но и у другихъ словянскихъ народовъ, и у нѣмцевъ. По однимъ нашимъ варіантамъ, дѣвица ожидаетъ козака изъ похода и готовитъ для него ужинъ и постель ³¹⁾, зажигаетъ предъ образами свѣчи и молить Бога, чтобы козакъ благополучно переправился черезъ рѣку ³²⁾. По другимъ — дѣвица приглашаетъ къ себѣ молодца, по имени Василя, и даетъ зарокъ, что если онъ не пріѣдетъ къ ней, то утонетъ ³³⁾. Козакъ утонулъ ³⁴⁾. Дѣвица приглашаетъ рыболововъ вытянуть утопленника и оплакиваетъ его ³⁵⁾ (см. подобнаго содерж. польскія пѣсни Kolb. 5. 1. 133—143, *ibid.* 194—206). Не менѣе

²⁹⁾ Дѣвчина лежить у батенька въ комори,
Молодой козакъ при зеленій диброви,
Дивчиноньци та е що й їсти й пити,
Молодой козакъ зимной воды просить:
„Ой мати, мати, пожалуй свою дочку,
„Зашли козакови пива коновочку“ (*ibid.*).

³⁰⁾ А по дивчини дзвони задзвонили,
А надъ козакомъ дуги зашумили,
А надъ дивчиною попы, дяки спивають,
А надъ козаченькомъ вороны литають (Чуб. V. 373).

³¹⁾ Якъ прійдешъ изъ вечора—вечера готовенька,
Якъ прійдешъ опівночи — постілька биленька (Чуб. V. 269, ср. Голов. I. 104—105).

³²⁾ Ой засвѣчу на божничку восковую свичку,
Хай мой милый перебресе сю быстрю ричку.

³³⁾ Якъ не прійдешъ обидати, прійди одвидати,
Якъ не прійдешъ одвидати, то грихъ тобі буде,
Ой утонешъ на берези, що й воды не буде!

³⁴⁾ Втонувъ втонувъ козаченько, лешъ хусточка плавлє,
Ходить дивчя по бережку, били ручки ламле.

³⁵⁾ — Ой rybари рыбареньки, дамъ вамъ напитися,
— Ой вытягати Василенька хоть подивитися!
Якъ вытягли Василечка, вода зъ рота лється,
Ходить мила по бережку якъ горлиця бється! (Чуб. V. 309, 371, 424. Голов. I. 223).

распространена пѣсня о смерти и погребеніи казака, котораго дѣвица ожидала къ себѣ изъ похода въ гости. Во многихъ вариантахъ этотъ козакъ называется прилуцкимъ полковникомъ, въ иныхъ—просто козакомъ ³⁶⁾. Дѣвица чернявая-бѣлая ждала его и не дождалась, а потомъ получила вѣсть, что полковникъ захворалъ, находится при смерти и желаетъ ее видѣть ³⁷⁾. Затѣмъ—умеръ панъ полковникъ и не слышно болѣе его повелительной рѣчи ³⁸⁾. Козаки, собравшись въ раду ³⁹⁾, приговорили передать оставшагося послѣ полковника коня атаману, а вооруженіе—сотнику, чтобы похоронить полковника съ большимъ почетомъ ⁴⁰⁾. И вотъ везутъ тѣло умершаго, ведутъ коня, конь склоняетъ голову; за нимъ идетъ чернявая и отъ горести ломаетъ себѣ руки. На цѣломъ свѣтѣ не найти ей такого возлюбленнаго ⁴¹⁾.

Есть пѣсни, гдѣ представляется, что дѣвица уходитъ противъ воли родителей съ козакомъ, котораго любитъ. На пути козакъ задремалъ. Его подруга не даетъ ему спать, предостерегаетъ, что за ними отправлена погоня и если ихъ догонять, то ее возьмутъ, а его убьютъ ⁴²⁾. Такъ и случилось, какъ показывается окончаніе пѣсни ⁴³⁾. Въ пѣснѣ, которую, по нѣкото-

³⁶⁾ Ждала, ждала, дождала полковника въ гости,
Ждала—ждала не дождала, сама спать лягала (Чуб. V. 316).

³⁷⁾ Вранци рано уставала, листы получала:
Занедужавъ полюбовникъ, прилуцкій полковникъ,
Зъ недугу помирае, дивчины полковникъ бакае.

³⁸⁾ Умеръ, умеръ панъ полковникъ и гризная мова.

³⁹⁾ Собирались козаченьки всю раду радити.

⁴⁰⁾ Атаману коня дали, сотникови зброю,
Що бъ сховали полковника зъ большою хвальбою.

⁴¹⁾ Тило везуть, коня ведутъ, кнѣ голову клонить,
За нимъ иде чорнявая, били ручѣи ломить.
Нехай ломить, нехай ломить, та не зломить пальця,
Весь свѣтъ сходить та не найде такого коханця (Чуб. V. 316—317, ср. Голов. I. 94—95).

⁴²⁾ Сили спочивати, ставъ козакъ дримати.
„Не дримай, козаче, не дримай зо мною,
Самъ же ты знаешъ—погинь за тобою!
Мене, милый, возьмутъ, а тебе покинуть
А тебе покинуть—съ плічъ голову знимуть (Чуб. V. 278).

⁴³⁾ Ой милого коникъ, та не милый їде,
Милого й сидельце, та не милый-серце.

рымъ повторяющимся тамъ выраженіямъ, можно считать вариан-
томъ предшествовавшей, пара, такимъ образомъ убѣжавшая съ
намѣреніемъ обвѣнчаться, превратилась въ деревья ⁴⁴). Но мы
считаемъ не лишнимъ указать еще на одинъ вариантъ пѣсни
о побѣгѣ молодца съ дѣвицею, гдѣ молодецъ погибаетъ не отъ
погони, а отъ рукъ той самой дѣвицы, которая подговорила его
къ побѣгу вмѣстѣ съ собой, стоя у колодца и набирая воду ⁴⁵).
На дорогѣ, козакъ, именуемый въ пѣснѣ Маркомъ, задремалъ,
вдругъ дѣвица будить его и велитъ ему сражаться съ нею
саблею ⁴⁶). Она побѣдила Марка, взяла его коня ⁴⁷) и поѣхала
на немъ въ домъ матери Марка объявить ей, что сынъ ея
Марко женился и взялъ себѣ въ жены могилу ⁴⁸). Въ другихъ
пѣсняхъ о побѣгѣ дѣвицы вмѣстѣ съ козакомъ, представляются
лишенія, какимъ подвергается бѣгланка съ своимъ возлюблен-
нымъ. Гдѣ домъ его?—Въ чистомъ полѣ, близъ Дуная; обстав-
ленъ камышомъ, подпертъ лебедой ⁴⁹). На чемъ имъ вести путь?—
Много лошадей въ степи; коли поймаетъ, то поѣдемъ, а не
поймаетъ, пойдѣмъ пѣшкомъ ⁵⁰), отвѣчаетъ козакъ. Чѣмъ будемъ

Милого й дудочка, та не милый грае,
Милого писенька, не милый спивае (ibid.)

⁴⁴) Пойшовъ козакъ яромъ, дивка долиною,
Зацвивъ козакъ рожиною, дивка калиною (Чуб. V. 283).

(Для сравн. см. польск. Kolb. 5, 1. 4, 8).

⁴⁵) На дубовѣмъ мости тамъ Ганя стояла,
Тамъ Ганя стояла, воду набирала
Воду набирала, Марка намовляла:
Ой Марку жъ, мій Марку, щось маю казати,
Мандруй зо мною молодою! (Чуб. V. 425).

⁴⁶) Стали спочивати, ставъ дощикъ накрапати,
Ставъ дощикъ крапати, ставъ Марко дримати,
„Ой Марку жъ, мій Марку, не дримай зо мною,
Наготуй шабельку, та й воюй зо мною“ (ibid.).

⁴⁷) Марка звоювала, коня видобрала,
Коня видобрала, сѣла, поѣхала (ibid.).

⁴⁸) А вжежъ твій Марко въ поли оженився,
А взявъ соби панну-паняночку въ поли могилочку (Чуб V. 426).

⁴⁹) Въ чистимъ полю, край Дунаю
Очеретомъ обставляю,
Лободою пидпираю (Чуб. V. 482).

⁵⁰) Ой у степу коней много,
Якъ піймаемъ такъ поѣдемъ,
А не піймемъ—пѣшкомъ пійдемъ (ibid.).

одѣваться?—Сдѣлаемъ себѣ жуланы изъ лопуха ⁵¹⁾. На какой постели спать?—Подъ бокъ кулакъ, а подъ голову нагайку подложимъ ⁵²⁾. Разумѣется такія пѣсни о побѣгѣ дѣвицы съ козакомъ изображаютъ исключительные случаи. (Для сравн. польская пѣсня Kolb. 5, 1, 275).

Обыкновенно козакъ отправляется на свои подвиги одинъ, а его дѣвица возлюбленная остается дома. Иногда, стосковавшись по своей милой, пытается козакъ у своего начальника просить отпуска, но получаетъ отказъ. Его не увольняютъ прежде срока службы ⁵³⁾. Если, возвратившись домой, козакъ находитъ свою возлюбленную вѣрною себѣ, то, разумѣется, все кончается благополучно—свадьбою. Вѣрная подруга проплакала глаза, выглядывая своего милаго. Она будить слугъ, чтобъ свѣтили возвратившемуся. Онъ похудѣлъ въ дорогѣ оттого, что долго не видѣлъ своей Маруси ⁵⁴⁾. Кто теперь наградить меня за труды? спрашиваетъ козакъ. Я—отвѣчаетъ ему возлюбленная, —я награжу тебя тѣмъ, что сорекъ пять разъ тебя поцѣлую и отдамъ тебѣ все, что есть для меня милого и дорогого ⁵⁵⁾. Если же молодецъ ревниво бережетъ чувство любви къ себѣ и узнаетъ, что безъ него дѣвушка играла съ другими, то ей это не обой-

⁵¹⁾ Якъ пійдемо въ долину, да вирвемо лопушину
Да пошіємъ жупанину (ibid.)

⁵²⁾ Кулачище підъ бочище
Нагаище въ головище.

⁵³⁾ Ажъ тамъ козакъ по рыночку ходять,
У гетмана выслуги ся просить:
„Пусти мене, мій пане, до дому,
Затужила дивчина за мною!“
— Не такъ вона якъ ты по ней тужишъ,
— Не пушу тя, ажъ року дослужишъ (Голов. I. 109, 285).

⁵⁴⁾ Всѣ свои служеньки позбужовала:
„Встаньте, служеньки, свѣтите свѣченьки!
„Най ми ся свѣтитъ якъ въ день такъ въ ночи,
„Най ся подивлю милому въ очи:
„Чи змарнѣвъ мильй по свѣтѣ ходячи (Голов. I. 185).

⁵⁵⁾ — А хто жъ менѣ нагородить за мои труды?
„Я сама труды нагороджу:
Сорокъ пять разъ ты поцѣлую,
Що любого, що милого, то тѣ подарую (Голов. I. 280).

дется даромъ ⁵⁶). Случится, что молодець, возвратившись изъ далекаго похода, застанеть свою дорогую женою другого. Одна изъ такихъ оправдываетъ себя тѣмъ, что ей сказали, будто ея милый умеръ и теперь она у него просить прощенія, говоря, что, отдавши себя иному, она будетъ ему вѣрна ⁵⁷). Другая въ отсутствіи милаго своего вышла замужъ по принужденію за немиллаго ей человѣка ⁵⁸), плача и проклиная судьбу свою ⁵⁹). «Для чего жъ ты не писала ко мнѣ, когда тебя сватали?» ⁶⁰)— спрашиваетъ козакъ. — Я писала и пересылала, только мои письма не доходили: мои каріе очи исходили слезами. Меня мать отдала за того, за кого я не хотѣла! Теперь шумить надо мною нагайка ⁶¹). О милая моя! Душа моя!—воскликаетъ несчастный молодець.—Я умираю оттого, что не довелось мнѣ быть твоимъ мужемъ, а тебѣ моею женою ⁶²). Тоскуетъ молодець: все ему напоминаетъ прежнюю любовь. Вотъ родникъ, при которомъ они прежде сходились на свиданіе; какъ голубокъ тамъ въ водѣ купался, такъ онъ женихался съ своею милою ⁶³). Но его милую повели къ вѣнцу; у него сердце болить; не ему досталась дѣ-

⁵⁶) Хоть радій, не радій, то не буду брати;
Було бъ тоби зъ другими не жартувати (Чуб. V. 284).

⁵⁷) Людська обмовонька то съ ма обманула,
Що казали, що ты вмеръ, я той часъ забула.
Прощай, мій миленькій, що я учинила,
Що иншому вѣрне полюбил.

Коли ёму полюбила, мушу бути вирна,
Тильки для тебе, мій миленькій, инша (Чуб. V. 118).

⁵⁸) Ой тамъ въ темнимъ лѣсѣ церковця стояла,
Тамъ-то дѣвчинонька безъ неволю шлюбе брала.

⁵⁹) Ой шлюбе мій, шлюбе, примушений шлюбе,
Та ци гораздъ менѣ за тимъ нелюбомъ буде?..
Волѣла бы мѣ, мати, твердый камѣнь глотати,

Нѣжли изъ нелюбе до шлюбу ставати (Голов. I. 285).

⁶⁰) Ой якъ будешъ ты, дивчино моя, рушники давати,
Пиши листи на билий бумази, та давай до мене знати (Чуб. V. 128).

⁶¹) Вже жъ я писала й пересылала, мои листы не доходятъ,
Тильки жъ мои каренькіи очи слизеньками изиходять.

Отдала жъ мене мати за кого я не хтила
Шумить, гуде нагаечка коло мого тила (ibid.)

⁶²) Милая моя, серденько мое, я умираю за тобою,
Що не довелось мени быть чоловікомъ, тоби дружиною (ibid.).

⁶³) Чи се жъ тая криниченька, що голубъ купався,
Чи се жъ тая дѣвчинонька що я женихався?

вица ⁶⁴). Горе—восклидаетъ онъ:—горе моимъ ногамъ, которыми я ходилъ къ тебѣ, горе моимъ рукамъ, которыми обнималъ тебя, горе моимъ бровямъ, которыми я моргалъ на тебя, горе моимъ устамъ, которыя цѣловали тебя! Богъ бы тебя покаралъ за твой грѣхъ: я любилъ тебя и не взялъ женою себѣ ⁶⁵). Встрѣтятся они и вспомнить о прошломъ. Богъ тебѣ помогай, другъ не суженый! скажетъ она. Любились мы и матушка того не знала, а теперь вотъ разошлись, какъ черныя тучи! Помнишь ли, какъ я тебя въ вишневый садъ водила, какъ тамъ тебя ягодками угощала; помнишь ли, какъ я постель стлала, съ тобою спать ложилась, одну ручку подложивши подъ голову тебѣ, а другой обнимала тебя? Лучше жилось тогда дѣвницею, чѣмъ теперь замужнею ⁶⁶). Чѣмъ ближе къ нему живетъ его бывшая возлюбленная, тѣмъ тяжелѣе его сердцу ⁶⁷). Вотъ она проходитъ съ водою и посылаетъ ему привѣтъ ⁶⁸) и ему такъ становится досадно, что онъ готовъ броситься къ ней и побить у ней ведра ⁶⁹). Она проситъ не дѣлать этого и не наносить ей безславія ⁷⁰). Тяжелѣе еще ему сидѣть у окна и смотрѣть, какъ она идетъ

⁶⁴) Досталася дѣвчинонька людямъ—не мени.

⁶⁵) Шкода жъ моихъ бѣлыхъ нижокъ що мѣ до тя ходжавъ,
Шкода жъ моихъ бѣлыхъ ручокъ щомъ тя обіймавъ,
Шкода жъ моихъ черныхъ бровей що мѣ на тя моргавъ,
Шкода жъ моихъ красныхъ устокъ що мѣ тя цѣлувавъ,
А за тоту провинюньку Богъ бы тя скаравъ,
Що я тебе вѣрно любивъ, любивъ, та не взявъ (Голов. I. 294).

⁶⁶) Ой помагай Вигъ, ты, несуженый друже!

Да здорова, серденько, то жъ любилися дуже.

Любилися, кохалися, а матуся й не знала,

А тепера розійшлися якъ темненька хмара.

Яжъ тебе любила, въ вишневый садъ водила,

Ягодоньки ирвала, я жъ тебе годувала,

Билу постіль постилала, съ тобою спать лягала,

Одну ручку въ голивуеньку, а другою обіймала (Чуб. V. 227).

⁶⁷) Не жаль бы мени, коли бъ въ стороны,

А то черезъ двирь да й товаришъ мій! (Чуб. V. 167, 242)

⁶⁸) По воду йде—жалю завдае,

Изъ водою йде—добри-день дае (Чуб. V. 168).

⁶⁹) Чужа, не моя, товаришова!

Черезъ двирь не йди, жалю не робя;

Бо я зъ того жалю видерця побью (ibid.).

⁷⁰) Ой милый чужій! видерця не бій!

Мени молодой славы не робя (ibid.).

рука объ руку съ своимъ мужемъ, его соперникомъ. Такъ бы вотъ и выскочилъ онъ и сталъ допрашивать: зачѣмъ, любивши его, оставила ⁷¹⁾)?

Иной молодецъ въ такомъ положеніи думаетъ найти утѣшеніе въ горѣлкѣ, но не находитъ: у него около сердца словно какая-то змѣя бьется ⁷²⁾).

Иной молодецъ зная, что причиною разлуки мать дѣвицы, произноситъ надъ нею проклятіе передъ своею прежнею милой ⁷³⁾. Иной, раздраженный неудачею въ первой любви говорить, что пойдетъ въ чужой край; тамъ поищетъ себѣ другую, безродную, убогую, прежняя милая будетъ вспоминать о немъ добрымъ словомъ, а онъ всплакнетъ, когда о ней вспомнитъ ⁷⁴⁾. Иной же въ досадѣ зарекается когда-нибудь любить дѣвицъ и говорить, что не перестанетъ плакать о прежней возлюбленной ⁷⁵⁾. На-

⁷¹⁾ Жаль въ свѣтѣ одному!

Сижу край виконця—моя милая ходить,
Ворогъ ѣи зъ боку—за рученьку водить.
Ой пійду я приближуся,
На серденьку оживлюся,
Спытаю причины
Милои дивчины:
Дивчинонька мила,
Першъ мене любила,
Теперь залишила! (Чуб. V. 168).

⁷²⁾ Ой пойду я до корчомки—горѣлки напьюся,
Ой чого съ менѣ, братцѣ, горѣлка не пьється,
Бо на моѣмъ щось серденьку якъ гадина вьється.
А все тое менѣ наробила
Милая дѣвчина, що отдалась за багача сына!

⁷³⁾ Бодай твоя мати на свѣтѣ не жила,
Що насъ молоденькихъ съ тобою розлучила,
Бодай твоя мати въ цекли згориза,
Що насъ молоденькихъ на тое пидвела (Чуб. V. 231).

⁷⁴⁾ А я пійду въ чужій край, то тамъ буду жити,
Ты не будешъ, мила, знати, якъ я буду тужити.
Знайду собі другу милу, щобъ не мала роду,
Що бъ не було, якъ зъ тобою, жадного заводу.
Спогадаешъ мене, мила, мизными словами,
А я тебе спогадаю гиркими слѣзами. (Чуб. V. 255).

⁷⁵⁾ Ой хто хоче на свѣтѣ жити,
Най перестане дивчатъ любити,
Бо то есть сгуба цилого свѣта,
Пропали лита и життя трачу,

прасно мать его совѣтуетъ идти ему межъ челядь и развлечься отъ тоски ⁷⁶). Молодецъ собирается умирать, просить похоронить его прилично въ вишневомъ садикѣ и пусть вся родня пируетъ, творя поминки о немъ ⁷⁷).

Бывало и такъ, что въ отсутствіи молодца его возлюбленную дѣвицу отдавали за иного замужъ по волѣ пана и вообще высшей власти: такое событіе изображается въ пѣсняхъ въ символическомъ видѣ орла или сокола, разгоняющаго голубей изъ пары и предлагающаго голубкѣ семь другихъ голубей на выборъ, вмѣсто того, котораго она любила и утратила. Голубка не хочетъ никѣмъ замѣнить его и говоритъ, что будетъ вѣчно горевать о своемъ миломъ ⁷⁸), у нея такое горе, что отъ слезъ на твердыхъ камняхъ останутся знаки ⁷⁹).

Въ другой подобной пѣснѣ сизокрылый орелъ, убивши голубя, беретъ голубку не съ тѣмъ, чтобъ отдать ее по выбору другому голубкѣ, а удерживаетъ ее для себя, сыплетъ ей пшеницу, ставитъ воду, но она не прикасается ни къ чему ⁸⁰),

Якъ спוגадаю—гирко заплачу.

Плакавъ я, плакавъ, плакати буду,

Поки ты, мила, въ вѣкъ не забуду. (Чуб. V. 269).

(76) „Не плачь, возаче, не плачь не журися,
Выйдешъ за ворота, на челядь дивися“ (Чуб. V. 260).

77) — А вже жъ мени, мати, челядь не до того,
Ой продавай, мати, коня вороного,
Пошій менѣ, мати, льняную сорочку,
Сховай мене, мати, въ вишневимъ садочку.
Высыпъ мени, мати, високу могилу,
Посади въ головкахъ червону калину,
Збери, мати, всю свою родину,
То буде родина и пити и гуляти,
Мене молодого будуть споминати (Чуб. V. 260—261).

(78) ...Що ся не хоче вже знати зъ никимъ,
„Буду тужити поки вѣкъ вѣкомъ“ (Чуб. V. 238).

(79) Стану плакати ажъ мени горе,
Хочъ выпадають слѣзы на каминьяхъ,
Хочъ найтвердѣйшихъ—пороблять знаки (ibid).

80) Ой де узався сизокрыль орелъ,
Голуба убивъ, голубку влюбивъ,
Голубку влюбивъ, узавъ лидъ полу
Узавъ лидъ полу, принисъ до-дому;
Сыпле пшеници, ставитъ водици,
Голубка не пье, ѣстоньки не йде (Чуб. V. 246).

чувствуетъ что она въ неволѣ, орла не любитъ ⁸¹⁾ и ходить въ вишневый садъ плакать о своемъ миломъ голубкѣ ⁸²⁾. Здѣсь очевидно изображается аллегорически насиліе имѣющихъ власть надъ бѣдною дѣвицею.

Но причину разлуки любящихся паръ изображается также измѣна одного изъ нихъ. Вотъ молодецъ приходитъ къ своей милой и та напрямикъ заявляетъ ему, что надо перестать имъ любить другъ друга, мать его этого не хочетъ ⁸³⁾. О лучше бы тебѣ вонзить мнѣ въ сердце ножъ, чѣмъ говорить такія слова ⁸⁴⁾, восклицаетъ молодецъ. Этотъ молодецъ вынужденъ покинуть дѣвицу потому, что его мать произнесла такой приговоръ: ея материнскому чувству легче увидеть его въ солдатахъ, нежели мужемъ той, на которой онъ хочетъ жениться ⁸⁵⁾. Раздраженный сынъ произноситъ проклятiе суровости матери ⁸⁶⁾. Другой молодецъ заявляетъ своей милой, что онъ ее намѣренъ покинуть, оттого что ея родня наговариваетъ на него, будто онъ пьяница и гуляка ⁸⁷⁾. Третій, полюбивши новую дѣвицу, приходитъ къ прежней и говоритъ ей просто: тебѣ одна дорога, а мнѣ иная,

⁸¹⁾ „Ой я жъ и въ горѣ я жъ у неволи,
Сизокрылъ орелъ не до любви“ (Чуб. V. 247).

⁸²⁾ Да все въ вишневъ садъ плакати йде:
„Голубонько мій, коли бъ же ты живъ,
Я бъ твои крыла позолотила,
Я бъ твои диря пожемчужила (Чуб. V. 246).

⁸³⁾ Перестанемо жъ ся любити,
Самъ ты знаешъ намъ зъ тобою не жити (Чуб. V. 233).

⁸⁴⁾ Воляла жъ бы ты нижъ въ мене вгородити,
Нѣжъ маешъ мила ти слова говорити (ibid).

⁸⁵⁾ — Пйду я до неньки, буду ся пытати,
— Чи не позволить ненька тебе взяти.
„Волю жъ я ти, сину, въ салдати виддати,
Нижъ я тя маю зъ тою дивчиною зѣнчати (ibid. 234).

⁸⁶⁾ Водай же ти, мати, такъ легко бонати,
Якъ мени легко зъ дивчиною ся розстати (Чуб. V. 234).

⁸⁷⁾ — Скажу тобі, моя мила, скажу, що думаю:
— Що я тебе, моя мила, покидати маю.
„Скажи мени, мій миленькій, що то за причина,
„Чи ты мене самъ не хочешъ, чи твоя родина?“
— Ой я тебе и самъ люблю и ридъ не боронить —
— Тилько ридъ твій все говоритъ, що я пью, гуляю (Чуб. V. 220, 232).

прощай! ⁸⁸⁾ Иной же не объясняется вовсе, а, спознавшись съ другою, идетъ мимо двора прежней и дразнить ее тѣмъ, что не заходитъ къ ней, а проходить мимо, напѣвая пѣсенку и еще говорить ей, чтобъ она обсадила вишнями дворъ свой, дабы къ ней не заходилъ его голосъ ⁸⁹⁾.

Иной безъ всякой повидимому причины объявляетъ дѣвицѣ, что нашелъ себѣ получше ⁹⁰⁾. Въ одной пѣснѣ богатый овчаръ посылаетъ товарищей передать дѣвицѣ, чтобъ она его больше не любила, потому что онъ ей не пара, онъ богатъ, а она бѣдна ⁹¹⁾.

Дѣвица различно принимаетъ къ сердцу заявленіе молодца о прекращеніи любви къ ней, смотря по личному характеру. Иная предоставляетъ ему поступать, какъ хочетъ, только не судить ее промежду людей, потому что людской судъ ей всего страшнѣе ⁹²⁾. Другая—характера рѣшительнаго и разсудительнаго—говоритъ, что узнавши его невѣрность сама уже не любить его, будетъ любить кого нибудь другого, а о немъ забудетъ ⁹³⁾.

⁸⁸⁾ „Тоби дорога, а мени шлячокъ битый!“

— Якъ же я буду безъ тебе, сердце, жити?

„Мени дорога ривна, тоби поперечна,

„Бувай здорова, моя мила сердечна! (Чуб. V. 190).

⁸⁹⁾ „Ой не по правди, мій милий, живешъ,

„Мимо воротечки, та до иншої йдешъ

„А до мене стиха голосъ подаешъ“.

— Ой обсади, мила, вишеньками двіръ,

— Ой щобъ не зайшовъ до тебе голосъ мій (Ч. V. 80. 396—397, 411, 412).

⁹⁰⁾ „Ой де жъ ты, мій милий, довго забарився?“

— Ходивъ я по дугу, та найшовъ собі другу,

— Въ червонимъ намисти, вона мени по мысли,

— У поляхъ мережка, та до неї утолтана стежка,

— У байковій юбци, вона мени все на думци (Чуб. V. 403).

⁹¹⁾ Вы молодци, молодци... накажите дѣвочки,

Нехай мене не жде, нехай за мужъ иде.

Бо я вивчаръ нетяга, сивковая сермяга,

Симъ сотъ овецъ у лузи и четверникъ у плузи (Чуб. V. 124).

⁹²⁾ Якимъ схочешъ, такимъ будь,

Меже людьми я не судъ;

Смерть не такъ страшная,

Якъ осуда людська (Чуб. V. 397).

⁹³⁾ Дотимъ я тебе вирно кохала,

Докимъ нещирість твою дознала.

Теперь иншого буду кохати

О тоби завше запоминати (Чуб. V. 386).

Гордая показываетъ къ нему презрѣніе и невниманіе ⁹⁴). Вольно молодцу искать себѣ другой дѣвицы, но и дѣвица найдетъ себѣ лучшаго молодца, а онъ тогда поплачетъ объ ней ⁹⁵). Дѣвушка язвительнаго характера въ отвѣтъ молодцу, извѣщающему, что онъ полюбилъ другую и хочетъ на ней жениться, говорить: женись, желаю, чтобъ невѣрнаго Богъ покаралъ не огнемъ, не водою, а лихою подругою ⁹⁶). Иная однако, произнеся проклятіе, по свойственному добродушію тотчасъ опомнится, проситъ Бога не послушать ея проклятія ⁹⁷) и желаетъ измѣннику счастья съ его новою возлюбленною ⁹⁸). Она для себя хотѣла бы только такого зелья, которое бы помогло ей забыть невѣрнаго ⁹⁹), но теперь же сознается, что такое зелье окажется безсильнымъ и она забудетъ только тогда когда закроетъ глаза на вѣки ¹⁰⁰). Но вмѣстѣ съ тѣмъ она говоритъ, что если онъ и найдетъ другую съ бѣлыми достоинствами, то не найдетъ такой, которая любила бы его, какъ прежняя ¹⁰¹).

⁹⁴) Нехай ёго ти просять, що гребли розносять,
Нехай ёго ти благають, що въ болоти грають (Чуб. V. 210).

⁹⁵) Шукай, шукай парень дивки, а я собі молодця;
Що ты будешъ ити винчатися, а я буду одъ винця,
Покотяться дрибни слѣвы съ твоего бѣлого лица (Чуб. V. 188—189).

⁹⁶) Женися, женися, поможи тобі Боже!
За мою щирість покарай тебе Боже!
Не карай, Боже, ни огнемъ, ни водою,
Но карай, Боже, лихою дружиною! (Чуб. V. 394).

⁹⁷) Ой поѣхавъ, поѣхавъ, не звичався зо мною,
Бодай же му коникъ издохъ, самъ положивъ головою!
Ой не слухай, милый Боже, що я тоє говорила,
Бодай мого миленького Пречистая боронила! (Голов. III. 177).

⁹⁸) Будь здоровый и счастливый съ тою що ю маешь,
А еднакъ же ты надъ мене щирѣйшою не знайдешъ,
А я усе Бога прошу зъ вечера до ранку,
Що бы ты мавъ счастья всюда, мій милый коханку (Голов. I.
263, ср. Чуб. V. 177).

⁹⁹) Якъ не хочешъ, серце, дружиною бути
То дай мени таке зилья, що бъ тебе забути (Чуб. V. 177).

¹⁰⁰) Буду пити черезъ силу и капли не пущу,
Тоди тебе я забуду, якъ очи заплашу (ibid.)

¹⁰¹) Хочъ ты знайдешъ на личко бѣлішу,
То таки не знайдешъ надъ мене милішу...
Хопъ ты знайдешъ, щобъ добре робила,
То таки не знайдешъ, щобъ тебе любила (Чуб. V. 194—195. Метлин.
111—112. Максимов. изд. 1827. 120).

Тоска покинутой милымъ дѣвицы составляетъ содержаніе цѣлой группы пѣсенъ любовныхъ. Одинокая, постелеть она себѣ съ вечера постель, одинокая, вставши, садится у окна и видитъ, какъ ея милый гуляетъ съ иною; онъ ее цѣлуетъ-милуетъ, а еслибы она, прежняя, осмѣлилась выйти и подойти къ нему— онъ бы ее угостилъ проволоочною нагайкою, она же не была еще ни отъ кого битою ¹⁰²). Она раздражается злостью къ соперницѣ, даетъ ей эпитеты: мерзкая, постыдная ¹⁰³), мурая ¹⁰⁴), (т. е. смуглянка) шельма-разлучница ¹⁰⁵). Она готова дать этой мурой полотна на рубаху, лишь бы не видѣть ее съ своимъ милымъ ¹⁰⁶). Вотъ такъ и хочется эту разлучницу ударить въ щеку ¹⁰⁷), да нельзя ее бить когда она сидитъ съ ея милымъ ¹⁰⁸); въ запальчивости зарекается покинутая согнать ее со свѣта и опять сойтись съ милымъ ¹⁰⁹). Не рѣдко такая соперница бываетъ ея прежняя подруга, которой она повѣряла свои сердечныя тайны и которая, сошедшись съ ея милымъ, притворяется передъ нею, будто ея милый спрашивалъ о ней, своей возлюбленной ¹¹⁰). Ура-

¹⁰²) Постелю билу постиль, сама спати ляжу,
Та встану раненько, та вымю личенько,
Сяду соби край воконца та й до сходу сонця.
Та иде мій милый тихою водою,
Та за шчою милою.

Винь ти цѣлуе, винь ти любуе,
А на мене, молоду, нагайку готуе.
Нагайка-дротанка, тонкимъ дротомъ вита,
А я молодая ще й зъ роду не бита (Чуб. V. 393).

¹⁰³) Сидить стыдко зъ моимъ милымъ да ще й обнялася,
Ой на тобѣ стыдка-брыдка на станѣ полотенця,
Да не сиди зъ моимъ милымъ, не рѣжъ мого сердца (Мак. изд. 1827. 128).

¹⁰⁴) Сидить муря зъ моимъ милымъ та й обнялися (Чуб. V. 403).

¹⁰⁵) Стоить шельма-розлучница, зъ милымъ обнялася (Чуб. V. 185).

¹⁰⁶) Ой на тобѣ, розлучнице, да ще й на сорочку,
Не стой зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чернобровымъ въ вишневымъ садочку.

Ой на тобѣ, розлучнице, да ще на рукава,
Не стой зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чернобровымъ, погана, лукава!
(Макс. изд. 1827. 129, ср. Чуб. V. 404).

¹⁰⁷) Таки тую розлучницю по щоци урижу (Чуб. V. 185).

¹⁰⁸) Сидить муря зъ моимъ милымъ не можно ти бити (Чуб. V. 404).

¹⁰⁹) А я мурю зъ свита сжену, зъ милымъ оженюся (ibid).

¹¹⁰) А въ козака та дви дивоньки—одна другу перешытуе:
„Чи була ты, подруженька, чи була ты на улиці?”

зумѣвши коварство подруги, дѣвица раздражается проклятіемъ, выражая желаніе, чтобъ комары выѣли ей глаза за полуночныя бесѣды съ милымъ ¹¹¹).

Бѣшенная злоба обрушивается на измѣнника, когда она услышитъ, что онъ смѣется надъ нею. Не смѣхъ—говорить она—придетъ тебѣ, какъ будешь ты трястись семь лѣтъ, лежать въ постелѣ и просить у своей матери воды; тогда-то пожалѣешь, что посмѣялся надъ красной дѣвицей ¹¹²). Но не смотря на такіа проклятія, не смотря ни на то, что она хочетъ чтобъ тотъ, кто былъ причиною разлуки ея съ милымъ, не видалъ яснаго солнца ¹¹³), все таки она сама передъ собой сознается, что продолжаетъ его любить ¹¹⁴). Она считаетъ свою судьбу погибшею, вѣрно мать прокляла ее въ дѣтствѣ, вѣрно ее въ церковь не носили и не вымолили у Бога доброй доли ¹¹⁵). Напрасно мать увѣряетъ ее, что она и въ церковь носила ее маленькою и доли доброй у Бога ей просила ¹¹⁶), она съ ропотомъ обращается къ Богу, укоряетъ зачѣмъ онъ допускаетъ спознаваться съ тѣмъ, съ которымъ

„Чи бачила, подруженько, на улицѣ жениха мого?

— Ой бачила, не бачила, тильки трошки та постояла,

Винь важкоздыхавъ, та про тебе пытавъ: чомъ дивчина не выходила?

¹¹¹) Бодай тобі, подруженько, та виѣли комари очи,

Щобъ ты не стояла изъ моимъ миленькимъ изъ вечора до пивночи
(Чуб. V. 379).

¹¹²) Перечула черезъ люде—ледащо сміється.

— Ой хотъ смійся, хотъ не смійся, за смихъ тобі буде,

— Симъ годъ трясця труситеме, а смерти не буде:

— У постели лежатимешъ, смерти бажатимешъ,

— У своей ты матери воды прохатимешъ:

„Ой дай мени, моя мати, водици съ криници,

Насміявся розсукинъ сынъ зъ красной дѣвици (Чуб. V. 185).

¹¹³) Кто бувъ причиною розстання мого,

Щобъ мои слѣзы уцали на нѣго,

¹¹⁴) Щобъ винъ не бачивъ сонця ясного! (Чуб. V. 358).

¹¹⁵) Не збуду смутку а ни въ день, ни въ ночи,

Бо я тебе люблю и любити буду (ibid).

¹¹⁶) Пропала моя доля! Прокляла мене нянька,

Прокляла мене нянька якъ була я маленька.

Ой на Дунаю пелюшки полоскала:

„Бодай ты, доню, счастья-доли не мала!“

Чи ты мене мати въ цереву не носила,

Чи ты мени, моя мати, доли не впросила? (Чуб. V. 356).

¹¹⁶) И въ цереву тебе носила, Богу молилася (ibid).

не суждено сочетаться бракомъ ¹¹⁷), признаетъ себя самую несчастнѣйшею въ мірѣ и думаетъ утопиться ¹¹⁸), либо итти въ темный лѣсъ и отдаться лютымъ звѣрямъ на растерзаніе ¹¹⁹). Въ пѣсняхъ изображаются случаи, когда разлука происходитъ отъ невѣрности дѣвицы. Иная, на первое же объясненіе въ любви молодца ¹²⁰), сразу оболеть его холодною водою, объявивши, что не любитъ его и не можетъ своему сердцу приказать любить ¹²¹), а когда молодецъ, по обычной замашкѣ влюбленныхъ, начнетъ говорить, что онъ убьетъ себя съ горя ¹²²), то дѣвица напрямикъ объявляетъ ему, что она не будетъ его женою и онъ долженъ выбить себѣ изъ головы мысль объ этомъ ¹²³); иная же дѣвица, болѣе живого нрава, приправитъ еще свой отказъ шуточнымъ сообщеніемъ, что у ней безъ него найдется такихъ молодцевъ пять ¹²⁴), а онъ ей кажется нехорошимъ ¹²⁵). Но вотъ уже,

¹¹⁷) Ой, Боже, Боже, давъ ся познати,
Коли не судишъ намъ ся побрати,
Ой коли судишъ, чомъ же не злучишъ,
На що жъ насъ, Боже, даремно мучишъ! (Чуб. V. 356).

¹¹⁸) Вже жъ я бачу на симъ святи що все мени горе,
Прійдеться утопити въ глибоке море! (Чуб. V. 357).

¹¹⁹) А я пійду въ темный лисъ: нехай мене звірь изъйсть:
Ой ви звіри ви люгги! Не займаєте ви мене;
Розорвите мое тило и по маленькимъ частямъ,
Рознесите мои кости по рокитовимъ кущамъ,
Наберите крови моеї близько серденька мого,
Понесите душу мою а до милого мого (Чуб. V. 358).

¹²⁰) Панно моя, любя мила,
Позволь же ми ся кохати (Чуб. V. 303).

¹²¹) Рада бы я тя кохати,
Трудно серцю розказати (ibid).

¹²²) Ой дѣвицо, серденько! згубишъ мою душу,
Якъ ся зъ тобою не оженю, то умерти мушу (Гол. I 247, ср. Ч. V. 303).

¹²³) Не чорнѣй, не марнѣй, не яуди собою,
Не будешъ ты менѣ мужомъ, я тобѣ женою (Голов. I 247).

¹²⁴) Умри, умри, Богъ тя бери!
Есть у мене хлопцivъ штыри,
Есть у мене ще и пятый
Хоць и заразъ показати (Чуб. V. 303).

¹²⁵) Не ходи, не люби, не залпайся,
Не люблю, не пійду, не сподивайся,
Не ходи, не люби, не носи грошей;
Не люблю, не пійду, бо съ нехорошій (Чуб. V. 175).

когда между молодымъ и дѣвицею возникла сердечная взаимная связь, дѣвица вдругъ неожиданно измѣняется. Сталъ молодецъ замѣчать, что его возлюбленная подолгу стоитъ на улицѣ съ другими молодцами. Это рѣжетъ ему сердце ¹²⁶). Одинъ, не рѣшаясь объясниться съ дѣвицею прямо и уличать ее, передаетъ ей чрезъ своего товарища, чтобъ она не любила двухъ ¹²⁷); другой, подмѣтивши, что у дѣвицы явился новый милый, молча отъ ней хочетъ удалиться ¹²⁸) и когда дѣвица заворачиваетъ его къ себѣ ¹²⁹), говоритъ, что не зачѣмъ ему ворочаться, когда видѣлъ самъ, стоя у ней подъ окномъ, какъ она любезничала съ другимъ молодымъ ¹³⁰). Третій является къ дѣвицѣ и укоряетъ ее, что она полюбила другого, красивѣйшаго ¹³¹). Иная дѣвица не отпирается и ссылается на Бога, который владѣтъ чувствомъ — но и постоянныхъ въ любви разлучаетъ ¹³²). Другая же въ такомъ положеніи начинаетъ оправдываться тѣмъ, что родители ея не хотятъ, чтобъ она любила этого молодца, что такова ужъ видно судьба ¹³³), а молодецъ отвѣчаетъ, что незачѣмъ обвинять судьбу, лучше прямо сказать, что молодецъ не хорошъ, но и молодецъ найдетъ себѣ другую возлюбленную ¹³⁴). Одинъ молодецъ, которому отказала дѣвушка въ

¹²⁶) Не стій, мила, изъ иншими, не край мого сердца,
Бо ты стоишъ зъ иншимъ, та й думку думаешь,
Та безъ ножа, безъ таридки, мое сердце краешь (Чуб. V. 382).

¹²⁷) Ой, чи буде двоохъ приймати?
Буде ти Богъ карати;
Коли любишъ—люби гараздъ,

А не любишъ—кидай заразъ (Чуб. V. 383).

¹²⁸) Ой ще вчора изъ вечора зійшовъ місяць и зора,
Ой часъ мени, молодому, мандровати изъ двора (Чуб. V. 384).

¹²⁹) Ой вернися, любе закоханья (ibid.).

¹³⁰) Не вернуса, любе закоханья, бо нема до кого,
Ой бувъ я въ тебе пидъ виконцемъ, а ты мала иншого (ibid.).

¹³¹) Бо ты того любишъ, що красний изъ твари (Чуб. V. 253).

¹³²) Трудно занехати—я инчого маю;
Скажи мени, хлопче, що я винна съ того?
А вжежъ то Господь Богъ и а всимъ тимъ владає,
Иншій впрне кохається, винъ ихъ розлучає (ibid.).

¹³³) Я жъ тому невинна, лёсъ тому владає;
Заказує ридной отецъ и мати не дає (Чуб. V. 172).

¹³⁴) На що жъ, невдачнице, на лёсъ нарикати,
Лучше скажи: не хорошій—не могу кохати.

любви, желаетъ достать такого зелья, чтобы забыть ее ¹³⁵), а дѣвушка говоритъ ему, что есть такое зелье, перекажи-поле, двое придуть, поцѣлуютъ, а третій ее приголубить ¹³⁶). Бываютъ приемы отказа въ любви грубѣе: молодецъ стучится къ своей дѣвицѣ и жалуется, что его чуть не покусали злыя собаки. Дѣвица отвѣчаетъ: пусть тебя загрызутъ собаки; у меня сидятъ молодцы покрасивѣе тебя ¹³⁷).

Случается, что дѣвица, простившись съ отѣзжающимъ молодымъ, измѣняется къ нему въ чувствахъ во время его отсутствія. Козака извѣстили въ чужой сторонѣ, что его возлюбленная обручилась съ другимъ. Козакъ возвратился домой и тогда сталъ упрекать дѣвицу въ измѣнѣ, припоминая, какъ она принимала отъ него подарки ¹³⁸). Тогда дѣвица предлагаетъ ему обратно его подарки и заявляетъ, что она его никогда не любила ¹³⁹). Въ другой подобной пѣснѣ молодой человѣкъ, подаривши дѣвущкѣ жемчугу и коралловъ ¹⁴⁰), посылаетъ къ ней, по народному обычаю, сватовъ, а самъ становится подъ окномъ ея хаты, чтобы быть незримымъ для другихъ свидѣтелемъ того, что будетъ происходить ¹⁴¹). Первый же приемъ показался ему

Хоть я нехорошій, я на то не дбаю,

Будь здорова, моя мила, бо я иншу маю (ibid.).

(135) Вона менѣ одказала щобы въ ней не бути,

Дайте менѣ таке зилья, щобы ей забути! (Голов. III. 333).

(136) Есть у мене ише зилье—перекожи-поле,

Що два прійде—поцѣлуе, а третій пригорне (Чуб. V. 172).

(137) Пидійшовъ я пидъ синечки—грукнувъ,

„Ой одчини, дивчинонько, сини!

Були мене зли собаки зъили“.

— Нехай тебе зли собаки їдять,

Коло мене кращи тебе сидать (Чуб. V. 171).

(138) Взяли козаковѣ люде повѣдати

Вже дѣвчина заручена... Дѣвино, дѣвино, зѣла бы ты витра,

Я не сподѣвася, що ты така хитра;

Тодѣ мене ты кохала,

Коли съ мои дары брала (Голов. III. 330--331).

(139) Забирай си тїи дары, тїи дары,

А я въ дарахъ не ходила та й ходитъ не буду,

Тебе не любила и любить не буду (Голов. I. 303. III. 331).

(140) Ой що жъ то мени за таки дарунки,

Били перлы и корали билу шію гнули (Чуб. V. 156).

(141) Ой пошлю я до дивчины люде,

Ой самъ пійду пидъ виконце що то зъ того буде (ibid. 155).

зловѣщимъ: ворота на дворѣ заперты, двери сѣнныя на засовѣ, а въ хатѣ темно ¹⁴²⁾). У молодца подъ окномъ все тѣло трясется отъ страха, и видитъ: сидитъ баба за печью, а дѣвка на постели и кобенится; баба гонитъ сватовъ изъ хаты вонъ ¹⁴³⁾, а дѣвушка встаетъ съ своего мѣста, обувается и, увидя чрезъ окно молодца, кричитъ ему: прочь пошолъ ¹⁴⁴⁾. Молодецъ говорить, что она тогда не прогоняла, когда брала подарки, а дѣвушка требуетъ у матери ключей, чтобы достать подарки и швырнуть ему ихъ въ глаза ¹⁴⁵⁾.

Отвергнутый и осмѣянный дѣвицею молодецъ иногда также найдетъ способъ отнестись къ ней съ презрѣніемъ. Такъ молодецъ, получившій отъ матери дѣвицы холодный пріемъ ¹⁴⁶⁾, говорить, что дѣвица ему не нравится и онъ пойдетъ ко вдовѣ, у которой двѣ свѣтлицы, а у дѣвицы одна бѣдная хатенка и сама дѣвица убога ¹⁴⁷⁾. Хоть я и убога, да все-таки отецкая дочь, не для тебя, сякой-такой. выросла ¹⁴⁸⁾. Обмѣнявшись такими не-

¹⁴²⁾ Пришли люди до ворить, ворота заперти,
Зъ того боку, изъ подвирья остроколомъ пидперти,
Пришли люди до синей, сѣни засунени,
Пришли люди до хаты,—въ хати не видно ся (ibid.).

¹⁴³⁾ Сили люди на лавкахъ, ваяли говорити,
А взялося на мени все тѣло трусити,
Сидитъ баба на запичку та видповѣдае:
Идитъ собѣ, люде, зъ хаты, я дивки не маю (Чуб. V. 156).

¹⁴⁴⁾ Сидитъ дивка на постели та ся гоноруе...
Взула ся въ черевички та й по хати допче:
„Вара, вара зъ пидъ виконца, хлопче! (ibid.).

¹⁴⁵⁾ „Чому жъ мени, моя мила. тогди вара не сказала,
„Якъ видъ мене подарунки брала?“
— Дай же мени, моя мати, золотыи ключи:

— Най я ёму кину тыи дарунки въ очи! (ibid).

¹⁴⁶⁾ „Добры вечѣрь, удивонько, дай воды напиться,
„Пусти дочку на гулянки, хочу подивиться!“

— Стоить вода у синечкахъ, коли хочъ напійся,

— Сидитъ дочка въ виконечка, коли хочъ дивися (Чуб. V. 170).

¹⁴⁷⁾ Не вподобавъ козакъ дивки, пійде до вдовици,
А въ вдовици дви свѣтлицы, а третя кимната,
А въ дивчинны одна хата, да й та не прибрата.
Ой тимъ вона не прибрата, що стеля дубова...

Чомъ дивчинны не сватати? Що дивка убога? (Чуб. V. 169—170).

¹⁴⁸⁾ Хочъ убога, не убога та въ батька дитина,
Не для тебе, сякій сину, мати породила (Чуб. V. 170).

любезностями, оба разойдутся и тѣмъ дѣло кончится. Есть въ пѣсняхъ примѣры отчаянія молодца: испытавши пренебреженіе къ себѣ отъ любимой дѣвицы, которая выпроваживаетъ его отъ себя¹⁴⁹⁾, молодецъ собирается ѣхать къ Дунаю и броситься въ воду¹⁵⁰⁾. Но есть примѣры и свирѣпой расправы козака съ измѣнившіею ему дѣвицею. Пріѣзжаетъ козакъ къ дѣвицѣ и спрашиваетъ: для кого она устраивала и украшала свой дворъ. Получивши отвѣтъ, что не для него, а для другого, кого она любила¹⁵¹⁾, козакъ схватилъ ее за бока и утопилъ¹⁵²⁾. (Для сравн. см. польскія Кольб. 5, 1, 80 и др.).

Есть распространенная повсюду легендарная пѣсня о трое-зельѣ, баснословномъ какомъ-то растеніи, въ нѣкоторыхъ вариантахъ царь-зельѣ¹⁵³⁾; содержаніе ея таково: дѣвица Марусенька захворала и пожелала, чтобы козакъ досталъ ей трое-зелье, обѣщая ему за то свою руку¹⁵⁴⁾. Козакъ отправился за море, нашелъ тамъ трое-зелье и сталъ его выкапывать изъ земли. Вдругъ закуковала кукушка и подала ему вѣсть, что Марусенька измѣнила ему и празднуетъ свою свадьбу съ кѣмъ-то другимъ¹⁵⁵⁾. Козакъ немедленно возвратился и доѣзжая до двора встрѣтилъ свадебный поѣздъ своей Маруси. Онъ приказалъ играть музыкѣ, а самъ пошелъ танцевать съ Марусею. Онъ схватилъ ее за лѣвую руку, а въ правую взялъ саблю и отрубилъ ей голову,

¹⁴⁹⁾ Сидлай коня да ѣдь зъ двора,
Бо ты не мій, я не твоя! (Чуб. V. 169).

¹⁵⁰⁾ Я жъ доѣду до Дунаю,
Да стану я подумаю.
„Вы, ангели, возьмѣть душу,
„Ты, рыбонько, возьми тило,
„Ты, риченько, ты быстрая,
„Выкинь кости на сушю!“ (ibid.).

¹⁵¹⁾ За для того що вирно кохала (Чуб. V. 167).

¹⁵²⁾ Узявъ милый милу за билии боки,
Кинувъ милу у Дунай глыбокій (ibid.).

¹⁵³⁾ Метлинск., стр. 104—105.

¹⁵⁴⁾ Ой хто мени трой-зилья достане,
То той мени дружиною стане.

¹⁵⁵⁾ Стала зозуля кувати:
Ой не копай, козаче, трой-зилья
Бо сѣгодня въ Маруси весилья.

произнеся: вотъ тебѣ, Маруся, и трое-зелье; не начинай безъ меня своей свадьбы ¹⁵⁶).

Немалочисленный отдѣлъ между любовными пѣснями въ малорусской народной поэзіи составляютъ пѣсни о потерѣ дѣвической чести. И прежде бывали, и теперь есть молодцы съ эгоистическимъ легкомысліемъ относящіеся къ связямъ съ женщинами. Такой молодецъ въ малорусской пѣснѣ говоритъ о себѣ: хоть свѣтъ не малъ, а мнѣ въ немъ не нашлось четы; я не женился и только подговариваю чужихъ женъ ¹⁵⁷). За то ему и доставалось: много разъ его и псами травили, и подкарауливали, и еслибы только поймали, то вѣрно бы и убили ¹⁵⁸). У такого молодца разомъ двѣ возлюбленныхъ: одну онъ обнимаетъ и цѣлуетъ, а другая обливается слезами ¹⁵⁹).

Въ старыхъ козацкихъ пѣсняхъ соблазнъ дѣвицы козакомъ совершается нерѣдко подговоромъ къ побѣгу. Козакъ описываетъ чудеса въ томъ краю, куда хочетъ увлечь дѣвицу къ побѣгу вмѣстѣ съ собою ¹⁶⁰). Глухая дѣвочка послушала соблазнителя,

- ¹⁵⁶) Зостривъ винъ Марусино весилля,
Звелявъ винъ музыки заграти,
А самъ пійшовъ зъ нею танцювати,
Взявъ же ѣи у ливую руку,
А шабельку у правую руку.
Мы жъ думали хмара зашумѣла,
А жъ въ Марусѣ головка злетѣла,
Отсе тобі, Маруся, трой-зилья
Не зачивай безъ мене весилля (Метл. 105. Максим. изд. 1827. 224).
- ¹⁵⁷) Ци я несчастливый на сей свѣтъ родився?
Якій свѣтъ не малый, я ще не женився!
А я ходжу та й думаю, чужи жонки пидмовляю (Голов. III. 183).
- ¹⁵⁸) Не разъ стою, та й боюся,
Та якъ на рожнѣ трясуся,
Не разъ, не два, псами чвали,
Та ще сами застѣдали.
Якъ бы були ймили
Були бы мя вбили! (Голов. III. 184).
- ¹⁵⁹) Горе жъ тому козаченьку, що дви дивчини кохае.
Ще якъ одна та чорнявая, а другая та билавая.
А винъ съ тою чорнявою цилується, обнимається,
А тая биленька, що серцю миленька, слизоньками обливается
(Чуб. V. 196).
- ¹⁶⁰) Мандруй, мандруй, дивча, зъ нами,
Въ насъ криници рубленни,

а не вѣщей кукушки, которая тогда же предостерегала ее и говорила, что она весь свѣтъ облетала, а того, что козакъ рассказываетъ не видала¹⁶¹⁾. Прошли двѣ горы и вступили въ третью; наступаетъ ночь. Козакъ приказалъ дѣвицѣ стлаться. Тутъ увидала дѣвица, что худо. Меня мать не отдавала, чтобы я тебѣ стлала постель! сказала она¹⁶²⁾. Но ужъ было поздно. Своя воля погубила ее. Видитъ она: ходять въ долину дѣвушки и рвутъ фіялки на вѣнки для себя на воскресенье. А она, бѣдная, уже не нужна для дѣвическаго общества и недостойна носить вѣнка¹⁶³⁾. Тогда дѣвица написала къ родителю письмо, въ которомъ выразила, что не нужно ей готовить вѣнка: уже она свой вѣнокъ потеряла, по своей глупости, подъ зеленымъ яворомъ съ молодымъ козакомъ¹⁶⁴⁾. Послѣдній пріемъ писанія письма къ родителямъ о своемъ паденіи очень любимъ въ народной поэзіи и встрѣчается часто. Между прочимъ такъ: Дѣвица, потерявшая свое дѣвство, ходитъ надъ моремъ и сѣетъ долю. Она поплыветъ по морю и доплыветъ до куста, гдѣ сорветъ листокъ и на немъ напишетъ письмо къ родителямъ, извѣ-

Въ насъ рики медяныи,
Въ насъ вербы грушки родять,
Въ насъ дивки въ злати ходять (Чуб. V. 335).

¹⁶¹⁾ Подлетила зозуленька:

„Не слухай дивчинонько,
Бо я весь свѣтъ проликала,
Золотыхъ горивъ не видала“ и пр. (ibid. 336).

¹⁶²⁾ Мене мати не давала

Що бъ я тобі постіль стлала (ibid. 335 для сравн. см. польскую Kolb. 5. 1. 28 и др.).

¹⁶³⁾ Ой тамъ ходять дивочки,

Та збирають фіялочки,
На неділю на вѣночки.
Я до дивокъ не потрібна,
Я до вѣнка не способна (ibid.).

¹⁶⁴⁾ Най ся батько не турбує,

Най вѣночка не готує:
Ой вронила я вѣночокъ,
Чрезъ свій дурный розумочокъ:
Въ чистимъ поли, безъ неволи,
Пидъ яворомъ зелененькимъ,
Съ козаченькомъ молоденькимъ (Чуб. V. 335).

стивши ихъ о потерѣ вѣнка своего ¹⁶⁵). Море здѣсь символъ безысходнаго горя, гибели, какъ вездѣ въ народной поэзіи. Въ другой пѣснѣ козакъ уговорилъ дѣвицу бѣжать съ нимъ и она терпѣть всякія лишенія. Это выражается въ такой формѣ: она спрашиваетъ, чтѣ они будутъ постигать, когда придется спать ¹⁶⁶), чѣмъ покрываться ¹⁶⁷), чѣмъ, вставши отъ сна, умоются ¹⁶⁸), чѣмъ утрутся ¹⁶⁹). На все получаютъ отвѣты, показывающіе ожиданіе недостатковъ и лишеній, а въдобавокъ еще и суроваго обращенія съ нею. Дѣвушку, которую сманилъ съ собою запорожець, онъ потомъ водилъ босикомъ по морозу и тамъ съ нею любезничалъ ¹⁷⁰). Другую, сманившій ее козакъ привязываетъ къ соснѣ и зажигаетъ дерево ¹⁷¹) (въ польской народн. поэзіи

¹⁶⁵) Ходить дивка по надъ моремъ,
Сѣе долю изъ приполю.
— Пливи, доле, за водою.
Допливемо до кущика,
Та й вырвемо по листочку,
Да спышемо по письмечку,
Пошлемо до отця, неньки,
Нехай много не турбують
И виночка не готують (Чуб. V. 345).

¹⁶⁶) „Що будемо постилати?“
— Ой у тебѣ запашина,
— А у мене сирячина.

¹⁶⁷) „Чимъ будемо укрываться?“
— Якъ наступить чорна хмара,
— То вона насъ покрывае.

¹⁶⁸) „Ой чимъ будемо умываться?“
— Я вымюся росоньками,
— Ты вымешься слизоньками.

¹⁶⁹) „Чимъ будемо утираться?“
— Ой я утрюсь китайкою,
— Тебе утру нагайкою! (Чуб. V. 191, 337).

¹⁷⁰) Запорожець, моя мамцю, запорожець,
Вывивъ мене, моя мамцю, на морозецъ,
Ставь винъ мене пригортати,
Стали мои били нижби примерзати (Чуб. V. 339).

¹⁷¹) Поѣдемъ до лису, нарубаемъ хмызу,
Запалимо сосну зъ верху до низу,
А сосонка горить, а дивчина говорить:
„Хто въ лиси ночуе, нехай голосъ чуе,
Сосна догорае, дивчина вмирае (Чуб. V. 324, см. *ibid.* 394).

есть пѣсни, гдѣ молодецъ, соблазнивши къ побѣгу дѣвицу, убиваетъ ее. Kolb. 5. 1. 28—72).

Обольщеніе дѣвицы обыкновенно происходитъ на вечерницахъ. Оттуда козакъ уводитъ ее въ густой лѣсъ, подъ зеленый яворъ, символически изображающійся въ пѣсняхъ свидѣтелемъ горя¹⁷²⁾. Употребляется какъ средство увлеченія и вино: козакъ напоилъ дѣвушку медомъ и виномъ и увелъ подъ бѣлую березу, гдѣ она лишилась невинности¹⁷³⁾. Бѣдная, опомнившись отъ своего обольщенія, хотѣла бы имѣть крылья: полетѣла бы она къ родителямъ, черезъ лѣса, ломала бы древесныя вѣтки, залила бы слезами луга, прилетѣла бы къ родному двору, упала бы она на калину, а съ калины перелетѣла бы на порогъ родительской хаты; воспоминанія о ласкахъ отца, о любви матери исторгаютъ у ней потоки слѣзъ: горькая доля досталась ей въ удѣлъ¹⁷⁴⁾. Какъ все измѣнилось: вчера еще была она, какъ луговая бабина, какъ огородная роза—а теперь поблѣднѣла она словно глина, стала похожа на руту, брошенную въ воду¹⁷⁵⁾. Какъ такая несчастная открывается матери въ своемъ паденіи—

¹⁷²⁾ Ой зрадивъ козакъ молоде дѣвча
На славныхъ вечерницахъ:
Та завивъ ти въ густый лѣсокъ
Пидъ явиръ зелененькій (Чуб. V. 337).

¹⁷³⁾ Гей поставлю я квартирочку меду,
Таки тебе зъ розуменьку звезду,
Гей я поставлю квартирочку, другую,
Таки тебе звезду молодую...
Ще й дѣвчина меду не допила,
Пидъ березу головку склонила (Чуб. V. 347).

¹⁷⁴⁾ Ой колибъ я мала орловы крыла, соловейковы очи,
Я бъ полетѣла до свого батька теменькои ночи.
Лѣсомъ лѣтила—гилъля ламала,
Лугомъ лѣтила—луги топила дрибными слѣзами!
Якъ прилетѣла до свого батенька, та й сила на калину,
А съ калины та й сила на порози...
Якъ погадаю батькову ширность, обливають мене слѣзы.
Я въ батька росла, въ матинки ся кохала,
Таки жъ бо я лихій доленьци зостала (Чуб. V. 338).

¹⁷⁵⁾ Вчора була якъ у лузи калина,
А сѣгоднѣ стала якъ бѣлая глина.
Вчора була якъ рожевка въ городи,
А тепера стала якъ рутонька въ води (Чуб. V. 346, 353—354).

объ этомъ существуетъ цѣлая пѣсня, повсюду распространенная. Мать вдова сердится на свою дочь и допрашиваетъ ее, гдѣ она дѣла свой дѣвическій вѣнокъ. Не смѣя открыться, она говоритъ, что уронила его въ воду, когда бѣлила полотно. Но когда мать сказала, что если такъ, то придется собирать громаду людей, чтобъ доставать упавшій въ воду вѣнокъ, дѣвица открывается: Ъхаль, говоритъ она, черезъ рощу молодой козакъ, снялъ съ меня рутяной вѣнокъ и пустилъ его по водѣ, а дѣвица осталась съ бѣдою ¹⁷⁶). О, лучше было бы—говоритъ дѣвица матери въ отчаяніи: лучше было бы меня похоронить маленькою: теперь бы уже мать забыла, что у ней была когда-то давно дочь ¹⁷⁷). Мы знаемъ одну только пѣсню (впрочемъ распространенную во многихъ вариантахъ), гдѣ соблазнитель сознается въ своей ошибкѣ и желаетъ загладить ее. Козакъ, находясь на службѣ въ Польшѣ, получаетъ письмо и проситъ пана отпустить его домой, сознаваясь что оставилъ дѣвушку беременною ¹⁷⁸). Панъ его совѣтуетъ отказаться и сложить вину на кого-нибудь другого ¹⁷⁹). Козакъ не соглашается и утверждаетъ, что виною не

¹⁷⁶) Удивонька дочку свою била:

„Де ты, доню, вѣничикъ загубила?“

— За ричкою полотно бѣлила,

— Тамъ я, мамцю, винчикъ загубила!

„Суди, Боже, недилѣ диждати,

„Будемъ, доню, громаду збирати!“

— Шкода, мамцю, людей турбовати;

— Волю, мамцю, всю правду сказати:

— По пидъ гаємъ, гаємъ зелененькимъ,

— Ъхавъ козакъ гожіи, молоденькій;

— Изнявъ зъ мене винецъ рутяненъкій!

— Покотивъ винчикъ по надъ водою: (и др. вар. за водою)

— Оставайся, дивчино, и зъ бидою! (Чуб. V. 413).

¹⁷⁷) Ой було жъ мене, ма^м,

Малою поховати,

Подъ тією калиною,

Якъ була дитиною!

Ти бъ була бъ и забула

Що въ тебе дочка була (Чуб. V. 119).

¹⁷⁸) Пусти жъ мене, пане, съ Польщи на Волине,

Пише дивча листы що вже мае сына (Чуб. V. 343).

¹⁷⁹) Можна, листы взявши та перечитавши, назадъ одослати,

А тую причину на иншого скласти (Чуб. V. 344).

кто-нибудь другой, а онъ самъ ¹⁸⁰⁾). Козакъ ѣдетъ къ дѣвицѣ, находитъ ее больною, ласкаетъ, цѣлуетъ и увѣряетъ, что какъ только она оправится, такъ тотчасъ соединится съ нею бракомъ ¹⁸¹⁾.

Но такой козакъ въ пѣсняхъ одинъ только и составляетъ исключеніе. Другой еще все-таки, самъ будучи богатъ ¹⁸²⁾, хотеть вознаградить дѣвушку деньгами ¹⁸³⁾. Но чаще разгульный молодецъ смѣется надъ жертвою собственнаго легкомыслія ¹⁸⁴⁾, надъ ея безчестіемъ ¹⁸⁵⁾, надъ ея слезами ¹⁸⁶⁾, да еще хвастаетъ своимъ подвигомъ, надѣясь еще обмануть десять такихъ дѣвицъ ¹⁸⁷⁾. Нѣтъ удержу вдовиному сыну—поется въ одной пѣснѣ: свель съума чужое дитя, самъ садится подъ яворомъ, играетъ на скрипкѣ и приговариваетъ: прощай, прощай, моя пріятная бесѣда! Ужъ я не твой, а ты не моя! ¹⁸⁸⁾ Есть пѣсня, гдѣ по-

¹⁸⁰⁾ „Не могу я, пане, на инчихъ казати,
„Бо моя причина, буде Богъ карати!“ (Чуб. *ibid.*)

¹⁸¹⁾ Козакъ пріѣзжае—родина витае,
Козакъ у свителку—дивчина хорѣ.
Козакъ за рученьку—сердешне жалѣе:
„Не журись, дивчино, Господь Богъ зъ тобою!
„Якъ ты выдужаешь, визьму шлюбъ зъ тобою!“ (Чуб. V. 345)

¹⁸²⁾ „Молодой козаче, не зражай дивчины!
„Бо тая дивчина бидна сиротина!“
— А я за ту зраду сто червонныхъ кладу (Чуб. V. 353).

¹⁸³⁾ Ой высыпавъ на стилъ карбованцивъ двисти:
Отсе жъ тобі, мила, дорога спидница (Чуб. V. 346).

¹⁸⁴⁾ Будь здорова, моя черноброва:
Я парубокъ, а ты бидна вдова.
А теперъ же ты ни жинка ни дивка,
А теперъ же ты людська поговирка (Чуб. V. 337).

¹⁸⁵⁾ Прощай, шельмо, вже я не боюся,—
Покаюся, та ще й ожениюся;
Ожениюся, возьму собі дивку,
А на тебе, шельмо, надинуть намитку (Чуб. V. 343).

¹⁸⁶⁾ Плакала, рыдала, слезы утирала,
Рукою косою, биндою голубою, правою рукою (Чуб. V. 277).

¹⁸⁷⁾ Любивъ я тя, зрадивъ я тя, я й самъ то знаю,
Хоть я тебе одну здражу, то я десять маю (Чуб. V. 395. Гол. I. 253).

¹⁸⁸⁾ Нема вину вдовиному сыну,
Що звивъ зъ ума чужую дитину,
Сидить собі на скрипочку грае:
— Будь здорова, любая розмова,
Вже я не твій, ты не моя! (Чуб. V. 275—411).

добный гуляка, встрѣчая въ слезахъ свою прежнюю любовницу, имъ обольщенную, приглашаетъ ее въ насмѣшку къ себѣ на свадьбу пировать ¹⁸⁹⁾).

Послѣдствіемъ потери дѣвической чести естественно бываетъ появленіе незаконнорожденныхъ дѣтей. Тутъ положеніе дѣвицы становится крайне унизительнымъ и невыносимымъ, особенно когда на нее наложатъ намѣтку — уборъ замужней женщины, покроютъ ей голову, такъ какъ, по народному міровоззрѣнію, дѣвушкѣ, потерявшей честь, уже не дозвоительно ходить съ открытыми волосами и съ лентами въ косахъ. Она съ этихъ поръ называется покрывкою и достигнуть такого положенія считается, а въ старь, еще болѣе чѣмъ теперь, считалось большимъ срамомъ. Пока дѣвушка не родила ребенка, ей возможно утаивать отъ свѣта свое паденіе, но тогда уже скрываться нельзя: надобно показаться покрывкою, чего всѣ дѣвушки очень боятся. Но молодца-соблазнителя не слишкомъ огорчала судьба его любовницы съ ея порожденіемъ. Дѣвица, качая дитя, плачетъ, а козакъ смѣется надъ нею, сѣдлая коня, чтобы улепетнуть подальше отъ ея упрековъ и ропота ¹⁹⁰⁾. Она требуетъ, чтобы онъ взялъ ребенка, иначе грозить кинуть его подъ коня ¹⁹¹⁾. Если козакъ ей прежде давалъ подарки, то припомнить ихъ въ такую минуту ¹⁹²⁾. Есть пѣсня, гдѣ дѣвушка приноситъ козаку

¹⁸⁹⁾ За густыми лозоньками,
Плаче дивка слизоньками.
Не плачь, мила, не журися;
Ще я молодъ, не женився:
Ой якъ буду женитися,
Прийди, сердце, дивитися (Чуб. V. 187).

¹⁹⁰⁾ Тамъ у лузи при долини
Колыхала дивчина дві дитини,
Колыхала и плакала:
„Чого я, моцный Боже, дождала!“
А винъ стоить, ничого не мовить,
Осидлавши коня, смишки стронить (Чуб. V. 354).

или:

Плаче дивчина, дитину гойдаючи,
Сміється козакъ, коника сидлаючи (Чуб. V. 342).

¹⁹¹⁾ Ой на тоби, козаче, дитину,
Бо далебо пудъ коника пудкину! (ibid.)

¹⁹²⁾ Умила дивчина подарочки брати,
Умій дитину колыхати (ibid.)

его дитя и угрожаетъ закинуть въ крапиву, а сама она пойдетъ на Украину, гдѣ ее не знаютъ и гдѣ будутъ признавать ее за непорочную дѣвицу ¹⁹³⁾).

Въ другой пѣснѣ, очень распространенной повсюду въ различныхъ вариантахъ, козакъ предлагаетъ такой дѣвушкѣ одно за другимъ—овець, коровъ, кадь масла, кадь сыра и т. п. съ тѣмъ, чтобы она кормила ребенка и не показывала бы на него, а на кого-нибудь иного — хоть бы на стараго дѣда. Дѣвушка не соглашается и козакъ долженъ былъ все таки, приплатившись ей, взять на свое попеченіе ребенка, хотя жалуется, что ему за то набьютъ палками спину ¹⁹⁴⁾). По послѣднимъ чертамъ можно догадываться, что этотъ козакъ запорожець, такъ какъ у запорожцевъ за незаконное сожитіе съ дѣвушкой наказывали палками.

Въ одномъ вариантѣ этой пѣсни является еще третье лицо — мать козака, которая загоняетъ его съ сѣнокоса, гдѣ онъ впался съ дѣвушкою, называемою въ этомъ вариантѣ Марійкою. Мать остерегаетъ его, что эта Марійка (только что передъ тѣмъ приносившая къ нему на сѣнокосъ ребенка) заберетъ у него все его достояніе. Козакъ отвѣчаетъ, что если и такъ станется— пусть пропадетъ его достояніе, а онъ ни за что не обвиняется съ Марійкою ¹⁹⁵⁾).

Въ другой пѣснѣ подобнаго содержанія покинутая дѣвушка

¹⁹³⁾ Дивчина зъ ольшины виходить,
И на ручкахъ дитину выносить.
„Ой на тоби, козаче, дитину,
„Якъ не возьмешъ, на межи покину,
„Я дитину въ крошву укину,
„Сама пійду у свить на Вкраину,
„Та не будуть мене люди знати,
„Будуть мене дивчиною звати“ (Чуб. V. 347).

¹⁹⁴⁾ Ой тамъ козакъ дрибны листы пише,
И ногою дитину колише:
Люли, люли, муй сынку,
Дадуть мени сто палокъ на спинку (Чуб. V. 346—347).

¹⁹⁵⁾ „Ой сыну Василю, иди жъ ты до дому,
„Забере Марійка всю твою худобу!“
— Нехай забирае, худобу добуду,
А таки вѣнчатись зъ Марією не буду!

съ ребенкомъ сидитъ на постелѣ въ коморѣ, клянетъ свое легко-мысліе ¹⁹⁶), и увидя чрезъ окно своего соблазнителья, который гарцуетъ на конѣ, обращается къ нему съ упрекомъ за его къ ней невниманіе. Ей посылается насмѣшливый отвѣтъ ¹⁹⁷). Дѣвушка разражается отчаяннымъ возгласомъ: теперь мнѣ хоть изъ моста въ воду, а уже не войти членомъ въ свою семью ¹⁹⁸). Но козакъ на это не посмотреть: много ночей провелъ онъ безъ сна, соблазняя молоденькую дѣвицу; теперь поѣдетъ онъ куда-то прочь, а дѣвушка пусть трубитъ себѣ въ кулакъ ¹⁹⁹). Останется она живымъ укоромъ для матерей, чтобъ не пускали своихъ дочекъ по ночамъ и научали бы ихъ не любить козаковъ и не вѣрить ихъ словамъ, подобнымъ пѣнѣ на морѣ ²⁰⁰), а своимъ сверстницамъ дѣвицамъ послужить она своимъ наставительнымъ примѣромъ ²⁰¹). Есть пѣсня, гдѣ соблазняетъ дѣвушку

¹⁹⁶) Що бѣ я була матусеньки слухала,
Була бы я дивонькою гуляла.
Не слухаламъ ни матинки, ни отця,
Послухала козаченька—подлеца (Чуб. V. 347).
Въ коморонци кроватонька тисова,
На кроватоньди периночка пухова,
На периночци дивчинонька молода,
Билой ручкой дитя мале взяла (ibid. 348).

¹⁹⁷) Ой гляну я въ новую квартиру,
Десь мій милый на конику выиграє,
До мене а ни окомъ не вигляне.
„Що жъ ты, милый, думаєшь-гадаєшь,
„Що до мойї квартирочки и не поглядаеть?“
— Ой я тебе думаю-гадаю,
— Що до тебе окомъ не вгляну! (Чуб. V. 348).

¹⁹⁸) „Теперь мени хоць зъ мосту та въ воду,
А вже жъ мени не признаться до роду“ (ibid.).

¹⁹⁹) Не спавъ ничку, не спавъ другую,
Извинивши зъ розума дивчину молодую.
А теперъ осидляю коня вороного,
Та й поїду изъ двора нового.

Теперь, дивчино, затруби собі въ кулакъ,
Що звивъ зъ розуму молоденькій козакъ (Чуб. V. 408).

²⁰⁰) Ой сусиды панѣ-маточки, навчайте свои дочки,
Що бѣ по ночамъ не ходили, козаченькивъ не любили..
И вироньки не доймали и правдоньки не казали..
У козака вира, якъ на мори пѣна (Чуб. V. 352).

²⁰¹) Вы, дѣвчата, мои голубочки, не дѣйтайте козакамъ вѣры,
Я молода вѣры дѣймала, теперь же я на вѣки пропала (Чуб. V. 353).

ляхъ съ своими товарищами земляками. Они увезли ее изъ родительскаго дома въ Кіевъ, но мать, спохватившись, что дочери нѣтъ, послала въ погоню сыновей, которые догнали сестру въ Полтавѣ и требовали, чтобъ она отдала имъ на расправу своего ляха и ѣхала бы съ ними къ матери ²⁰²⁾). Дѣвушка умоляла ихъ пощадить ляха, но они не послушали ее, изрубили ляха и забрали все богатство, какое было съ нимъ ²⁰³⁾ *).

По всему надобно считать вариантомъ этой пѣсни и подобную галицкую пѣсню, гдѣ описывается, какъ сманили дѣвицу не ляхи, а прямо молодцы, называемые даже козаками. Мать посылаетъ въ погоню сыновей, которые умертвили соблазнителья сестры своей медленнымъ изрубленіемъ, съ приговорами: вотъ тебѣ за подговоръ! Вотъ тебѣ за сестру нашу! Вотъ тебѣ конецъ ²⁰⁴⁾).

Стыдъ, какъ послѣдствіе потери дѣвической чести, приводитъ иногда къ трагическимъ событіямъ дѣтоубійства. Въ пѣсняхъ встрѣчаются эти черты, хотя не въ большомъ количествѣ. Есть повсюду распространенная пѣсня о ковалевой дочери Катеринѣ, пѣсня тѣмъ замѣтная, что одно и то же собственное имя вездѣ

²⁰²⁾ Що ты, сестро, наробила,
Нашу матірѣ спечалила.
Вона тебе проклинає,
Сама зъ туги помирає.
Ой ведѣла тобѣ мати
Недовѣрка покидати.
Мы тебе къ собѣ приймаємъ,
А ляхка твого зрубаємъ (Максим. изд. 1827. 123).

²⁰³⁾ Що хочете вы робите
Тильки ляхка не рубите.
Братѣя Гали не слухали,
Срѣбло злато все побрали
И лишенька порубали (ibid).

*) Подобнаго содержанія польскія пѣсни Kolb. 5. 1. 241—252.

²⁰⁴⁾ Скоро вни го забачили,
Ручку ножку му одтяли,
Якъ го втяли коло пальця:
„На жъ ти, Ясю, намовляйця!
Якъ го втяли коло пасу:
„На жъ ти, Ясю, сестру нашу;
Якъ го втяли коло шіи:
„Нашъ ти, Ясё, южъ не жіє!“ (Голов. I. 86—87).

удерживается, тогда какъ большею частью собственныя имена въ пѣсняхъ видоизмѣняются. Дочь коваля Катерина родила сына, тайно утопила его въ колодезь и обращается къ буйному вѣтру, чтобъ онъ нанесъ тучу, изъ тучи полился бы дождь и залилъ всѣ тропинки, чтобы люди не ходили къ колодезю и не будили ея сына. Ея преступленіе было извѣстно отцу, такъ какъ въ пѣснѣ говорится вначалѣ, что коваль (кузнецъ) не работаетъ отъ тоски²⁰⁵). Въ другой пѣснѣ единственная дочь вдовы (вдовы единица) родила дитя. Виножникъ этого козака даетъ ей корову и червонцы съ тѣмъ, чтобъ она кормила ребенка²⁰⁶). Но когда козакъ пошелъ въ корчму пить—единица вдовина понесла топить дитя свое²⁰⁷). Есть у насъ еще одна пѣсня объ Оленочкѣ, которую въ Харьковѣ ведутъ въ тюрьму²⁰⁸) за дѣтоубійство и

²⁰⁵) Ой ты ковалю коваленьку
 Чомъ ты не куешъ рано-пораненьку?
 Ой да никто того горя не знае,
 Що коваленька журба обнимае.
 Ой ковалева дочка Катерина
 Вона собі сына породила,
 Въ глибокимъ колодези потопила,
 Да за ворота право выходила.
 Зъ буйнымъ вѣтромъ говорила:
 Да повій вѣтре буйненькій,
 Да нажени хмарку чорнесеньку,
 Да спусти дощикъ дрибнесенькій,
 Да замый стежки й дорожки,
 Щобъ туды люде не ходили,
 Зъ колодезя воды не носили,
 Що бъ мого сына не будили (въ др. вар. не ворушили),
 Що бъ мого сердца не сушили (изъ моего рукописн. сб. ср. Чуб. V. 363. Макс. изд. 1827. 73).

²⁰⁶) Ой гуляла единица рикъ якъ годину,
 Выгуляла единица маленьку дитину,
 Сидить козакъ въ концѣ стола, дрибны листы пише,
 А вдовина единица дитину колише.
 Ой дамъ тобі, единице, корову рябую
 Годуй, годуй, единице, дитину малую.
 Ой дамъ тобі, единице, червонця на страву,
 Годуй, годуй, единице, козацькую славу (Чуб. V. 363).

²⁰⁷) Иде козакъ до корчмы пити,

А вдовина единица дитину топити (ibid.).

²⁰⁸) У городѣ, у Харьковѣ задзвонили дзвоны,
 Що бъ усѣ люди, усѣ паны до церкви шли
 А всѣ люди, усѣ паны до церкви идуть

она провожающей ея матери даетъ совѣтъ не пускать на вечерницы другихъ своихъ дочерей ²⁰⁹).

Въ малорусской любовной поэзіи не маловажную роль играютъ чары. Народное вѣрованіе приписываетъ тайную силу, сообщающую чародѣйствомъ зельямъ и другимъ предметамъ и дѣйствующую на человѣческій организмъ, большею частью зловредно. Отрава всегда однозначительна съ чарами. Женщина, занимающаяся собираніемъ травъ и знающая ихъ волшебное свойство, называется чаровницею. Иногда такая чаровница старуха, иногда же молодая дѣвушка, употребляющая свое знаніе таинственныхъ силъ надъ тѣмъ, съ которымъ находится въ любовныхъ отношеніяхъ. Въ пѣсняхъ, преимущественно съ чарами является дѣвица, иногда съ цѣлю приворожить молодца, но чаще съ цѣлю отомстить за измѣну, и въ послѣднемъ случаѣ чары выражаются отравою. Самый невинный способъ чарованія—прикрытіе слѣда милого человѣка: это дѣлается съ цѣлю, чтобъ его не полюбили другія особы женскаго пола, а онъ бы всецѣло принадлежалъ той, которую полюбилъ прежде ²¹⁰). Въ другой пѣснѣ берутъ песокъ изъ подъ ногъ молодца и производятъ надъ нимъ чародѣйственные приемы, чтобы привязать молодца къ дѣвушкѣ ²¹¹). Въ одной пѣснѣ разсказывается, что козакъ, бывший въ чужой сторонѣ, возвращается къ семьѣ своей ²¹²), но случайно встрѣчается съ дѣвицею, которая полюбила его и причаровала ²¹³) съ тѣмъ, чтобы онъ уже не ѣздилъ къ своей семьѣ,

Молодую Оленочку до турми ведутъ.

За нею йде стара мати, все плаче й рыдае...

Есть у тебе, стара мати, да ще дочекъ п'ять:

Не пускай ихъ на вечерницѣ—нехай дома сплять.

Бо на вечерницяхъ хатка маленька, а всѣ долѣ сплять,

Били кажною дивчиноньки женихѣвъ по п'ять (Ср. Чуб. V. 891.

подобн. Голов. I, 54. III. 26. 226. Для ср. подобныя польскія Kolb. 5. 1. 151—169).

²¹⁰) Пійду я въ лисочокъ, вырву я листочокъ,

Я покрию свого миленького слидочокъ,

Що бъ вигеръ не звівъ, пташки не склювали,

Що бъ мого милого ишли не соріали (Чуб. V. 46, 212, 282).

²¹¹) Брала песокъ съ пидъ моихъ нижокъ, мене чарувати (Чуб. V. 263).

²¹²) Есть у мене жинка и маленьки дити (Чуб. V. 272).

²¹³) Молода дивчина козака любила

Любила, любила, та й причарувала (Чуб. V. 271).

а остался бы навсегда съ нею. Скрывая отъ него свой умыселъ и видя, что онъ торопится къ любимой семьѣ, она снаряжаетъ его къ отъѣзду изъ ея жилища и подаетъ ему поужинать на-скоро хлѣба и рыбы ²¹⁴). Тутъ-то и были подданы козаку чары. Онъ хотѣлъ бы къ своей женѣ и дѣткамъ на крыльяхъ летѣть ²¹⁵), а она ему говоритъ: далеко къ нимъ на крыльяхъ летѣть; оставайся-ко со мною ночевать ²¹⁶). Козакъ не устоялъ противъ искушенія, и потомъ дѣвушка говоритъ ему, что теперь уже не летать ему къ семьѣ своей, а придется здѣсь коротать свой вѣкъ, и здѣсь найти козацкую смерть ²¹⁷). Но въ пѣсняхъ, главная сила очарованія приписывается женской красотѣ, такъ что собственно чародѣйственныя снадобья только какъ бы помогаютъ этой естественной силѣ. Въ той же пѣснѣ козакъ говоритъ, что онъ полетѣлъ бы къ семьѣ своей, да дѣвица приггла ему душу—не огнемъ, не водою, а своею красою ²¹⁸). Такъ и въ другой пѣснѣ, гдѣ дѣвушка очаровываетъ молодца выбираніемъ слѣда изъ подъ ногъ его, онъ говоритъ ей: ну, очаровывай, коли такъ пришлось, когда я полюбилъ твое бѣлое лицо и черныя брови ²¹⁹). Ту же мысль встрѣчаемъ въ одной очень распространенной пѣснѣ. Дѣвица, покинутая молодцомъ, нашла въ лѣсу чародѣйственный корень, выкопала и стала варить, но еще не

²¹⁴) Та вынесла рыбку ще й хлѣба скибку:

Отсе тобі, серденько, вечера на швидку (ibid.).

²¹⁵) Ой радъ бы я, серденько, на крылахъ летити (Чуб. V. 272).

²¹⁶) Далеко, далеко крылами летати,

Зоставайся, серденько, зо мною почувати (ibid.).

²¹⁷) Вже тобѣ, серденько, до ихъ не лѣтати,

Вже тобѣ, серденько, тутъ вѣкъ коротати,

Кучерявымъ чубомъ степь устѣлати,

Своимъ бѣлымъ тѣломъ воронѣ годувати,

Жовтою костью мосты вимошати,

Червоною кров'ю моря доповняти (Чуб. V. 273).

²¹⁸) Полетѣвъ бы да не мушу,

Припала дѣвчина душу,

Ой чи огнемъ, чи водою, чи своєю хорошою вродою?

Нѣ огнемъ, нѣ водою, а своєю хорошою вродою (Чуб. V. 273).

²¹⁹) Чаруй, чаруй, молода дивчино, коли довелось,

Коли твое та биле личко зъ моимъ поиялося,

Коли жъ твои та чорни брови

Прийшлись до любви (Чуб. V. 263).

успѣлъ вскипѣть этотъ корень, какъ уже прилетѣлъ козакъ. Зачѣмъ же прилетѣлъ, когда не захотѣлъ любить? спрашиваетъ дѣвица. Какъ же мнѣ не летать, когда умѣешь чаровать? сказалъ молодецъ. О, есть у меня чары — бѣлое лицо и черныя брови! отвѣчала дѣвица ²²⁰).

Употребляются чары не только для того, чтобы приворотить молодца къ дѣвицѣ, но также и съ цѣлью отворотить отъ ней. Такъ въ одной пѣснѣ козакъ, встрѣчая дѣвицу съ водою въ ведрахъ, проситъ напиться, а она ему отвѣчаетъ, что мать не велѣла давать этой воды; какъ принесетъ она ее домой — примутся чародѣйствовать, а какъ онъ придетъ къ нимъ вечеромъ, такъ ему опутають чарами руки, ноги и глаза, чтобъ онъ не ходилъ къ другой дѣвицѣ, и не любилъ другихъ ²²¹). Въ другой пѣснѣ, которая, кажется, измѣненный по содержанію вариантъ предыдущей, несущая воду дѣвица отвѣчаетъ козаку, что она опутаётъ его чарами для того, чтобъ онъ къ ней не ходилъ болѣе и молодецъ укоряетъ ее, что прежде ласкали его, а теперь не хотятъ уже его видѣть, потому что появились другіе молодцы ²²²).

²²⁰) А ще коринь не скипнѣвъ,
А вже козакъ прилетѣвъ.
„Ой чогожъ ты прилетѣвъ,
Коли любить не схотѣвъ?“
— Якъ же менѣ не литати
Коли вмієшъ чарувати?—
„Ой е въ мене чароньки:
„Биле личко, бровоньки!“

(Запис. въ Харьк. губ. ср. Голов. I, 225—226. Чуб V. 414. Макс. изд. 1827. 227. Голов. III. 29. 189).

²²¹) Тамъ дивчина воду несла, коромысло гнѣться.
„Дай, дивчино, воды пити, бо серденько бѣється.“
— Не казала мени мати сеи воды дати,
Якъ прійдешъ у вечери, будемъ чарувати:
Очаруємъ руки, ноги и черныи очи,
Що бъ не ходивъ до иншої темненької ночі.
Бодай тебе, козаченько ворота прибили,
Що бы тебе після мене наши не любили... (Чуб. V. 421).

²²²) — Ой дай мила, ой дай мила зъ видра воды пити,
— Ой чи яжъ перестану за тобою тужити!—
„Не дамъ, не дамъ зъ ведра воды, не казала мати
„Прійди, прійди самъ зъ вечира, буду чарувати.

Опутанный чарами молодець подвергается тоскѣ. Онъ просить свою мать положить ему за пазуху руку, не станетъ ли ему оттого лучше на сердцѣ. Мать отвѣчаетъ: не поможетъ тебѣ и рука моя, что тебѣ надѣлала злодѣйка дѣвица ²²³). Мать узнаетъ, что дѣвица чаровала надъ пескомъ, взятымъ изъ подъ его ногъ и поила его водой изъ зеленого брода ²²⁴). Сама дѣвица сознается, что творила чары и что ей извѣстно такое зелье, что когда онъ напьется, то сразу полюбитъ ²²⁵). Существомъ, занимающимся чародѣйствомъ, считается цыганка, и въ народномъ воззрѣніи и въ пѣсняхъ. Молодець просить у ней такого средства, чтобы дѣвица вступила съ нимъ въ супружество и цыганка стрижетъ коню гриву, для того, чтобы дѣвицу полюбила вся семья (вѣроятно молодца ²²⁶). Въ другой пѣснѣ, очень похожей по складу на первую, дѣвица прибѣгаетъ къ цыганкѣ съ просьбою причаровать къ ней молодца ²²⁷). По одному варианту цыганка, отрѣ-

„Обчарую руки ноги, обчарую очи

„Щобъ до мене не ходили темненькои ночи.“

— Перше-съ мене голубила сама-съ ми говорила,

— Тенерь хочешъ що бы-съ мене бильше не видила,

— Якъ узали бильше людей къ тоби прибувати,

— А ты мене, молодого, взяла чарувати (Голов. I. 286—287).

²²³) „Ой ты, стара нене, та сядь коло мене,

„Заклади ручину та й за пазушину,

„Чи не полегчае моему серденьку?“

— Вже тоби не поможе и моя ручина,

— Бо щось учинила та превража дивчина (Чуб. V. 420).

²²⁴) „А то тоби, мій сыночку, дивчина наробила,

„Брала писокъ зъ пидъ билихъ ногъ та вычарувала,

„Брала воду зъ зеленого броду, тебе наповала!“ (Чуб. V. 423).

²²⁵) „Чи ты мени зилья дала у горильци спити,

„Що я тебе такъ узався вирненько любити?“

— Ой яжъ тоби, мій миленькій, зилья не давала,

— Сидокъ брала, къ серцю клала, що вирно кохала.

— Есть у мене таке зилья, била перелазу

— Якъ дамъ тоби напиться, полюбишъ одъ разу (Чуб. V. 418)

²²⁶) „Цыганочко-вороженько вчини мою волю

„Чи не стане дивчинонька дошлюбю зо мною“.

Цыганочка-вороженька волю учинила

Сивому кониченьку гриву устригла,

Бодай тебе, дивчинонько, вся семья любила! (Чуб. *ibid.*).

²²⁷) Цыганочко-вороженько вчини мою волю

Очаруй ты козаченька, що бъ винъ живъ зо мною... (*ibid.* 418—419).

завши у коня часть гривы обкуривала дѣвицу²²⁸), и это произвело такое дѣйствіе, что козакъ сталъ убиваться за этой дѣвицей²²⁹); по другому варианту, цыганка, отрѣзавши часть русой косы дѣвицы, напоила ее съ коварною цѣлью, чтобъ ее не любила ни челядь на улицѣ, ни родная мать, которая не пускала бы ее на улицу²³⁰).

Вечерницы изображаются опаснымъ мѣстомъ, гдѣ чаровницы наносятъ вредъ молодцамъ своими чарами²³¹). Есть очень распространенная пѣсня о Грицѣ, котораго дѣвица зазвала къ себѣ на вечерницы²³²). Въ пѣснѣ описывается цѣлая недѣля, когда совершается преступленіе. Въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ готовится отравѣ²³³), въ среду Грицъ отравленъ²³⁴), въ четвергъ онъ умеръ²³⁵), а въ пятницу его схоронили²³⁶). Въ субботу мать чаровницы допрашиваетъ ее, за что она свела со свѣта Гриця и получаетъ отвѣтъ, за то, что Грицъ любилъ двухъ дѣвицъ²³⁷), а не одну ее. Въ другой пѣснѣ ядовитое зелье, которымъ отравляетъ дѣвица молодца, называется «коханъ-зѣлля»

²²⁸) Убирвала да съ коня гривы, дивчину курила (Чуб. V. 419).

²²⁹) Молоденькій козаченько якъ рыбонька бѣтється
Молодая дивчинонька зъ козаченька сміється (ibid.).

²³⁰) Уризала русои косы, їи напоила
Що бъ ѣи молодои челядь не любила;

Не таѣ челядь, якъ ридная мати,
Не пускае на улицу межъ челядь гуляти (Чуб. V. 420).

²³¹) Не йди, сынку, на вечерниці,
Де дивчата чаривниці,
Держать чары на полици (Чуб. V. 421).

²³²) „Ой ты, Грицю, дорогій кришталю,
„Чи ты не знаешь, де я мишкаю?
„Моя хатина близько криници
„Прійди до мене на вечерниці!“ (Чуб. V. 431).

²³³) Въ неділю рано зилья копала,
Въ понеділокъ рано зилья пополоסקала,
Въ вівторокъ рано—зилья варила (ibid. 429).

²³⁴) Въ середу рано Гриця отруила (ibid.).

²³⁵) Прійшовъ четвергъ—вже Гриць померъ (ibid.).

²³⁶) Прійшла п'ятниця—поховали Гриця (ibid.).

²³⁷) Въ субботу рано мати дочку біла:
На що ты, суко, Гриця отруила?
Охъ мати, мати, жалъ ваги не мае,
Нехай Грицуне насъ двоохъ не кохае (Чуб. V. 429—430).

т.-е. любовное зелье²³⁸). Дѣвица подаетъ молодцу отраву то въ стаканѣ съ медомъ²³⁹), то въ пирогѣ²⁴⁰), то въ перепелкѣ, сжаренной въ маслѣ²⁴¹); въ пятой пѣснѣ, носящей печать вліянія великорусскаго пошиба, отравленнаго молодца хоронять, за гробомъ его съ плачемъ идутъ родители, а злодѣйка стоитъ у своихъ воротъ и насмѣхается²⁴²). Въ одной галицкой пѣснѣ, отравленный дѣвицею молодецъ, чувствуя скорую смерть, проситъ мать не преслѣдовать отравительницу, чтобы она его не проклинала, потому что ему тогда будетъ трудно умирать²⁴³). Отрава не всегда влечетъ послѣ себя скорую смерть. Мать съ дочерью грозятъ молодцу, что его постигнетъ такая бѣда, что онъ будетъ сохнуть-увядать, семь лѣтъ лежать въ постелѣ и желать смерти, а смерти ему долго не будетъ²⁴⁴). Подобно тому въ одной пѣснѣ молодецъ, любившій разомъ трехъ дѣвицъ, былъ одною изъ нихъ отравленъ, и хотя не умеръ сразу, но не могъ отъ

²³⁸) Дала дивчинонька казакови коханъ-зилья спити,
Що бь ёму молодому на свити не жити (Чуб. V. 429).

²³⁹) Соби меду наварю та й у гости позову,
Козаченька молодого на ослинци посажу,
Стаканъ меду пиднесу, зло-кориньямъ отрую (Чуб. V. 435).

²⁴⁰) Прійшовъ Василь до дивчины, тай сивъ на порозѣ,
Вона ему дала чары въ пшеницнымъ пирози:
Въ однимъ рази у пирози шавлія и рута,
Въ другимъ рази у пирози проклята отрута
Гадиночка люта (Чуб. V. 434. 436).

²⁴¹) Ой пиславъ я до дивчины Насти,
Дала вона мени перепилку въ масли.
Ой изивъ же я но крыльце и реберце,
Пидперло мене пидъ груди, пидъ серце (Чуб. V. 435. Голов. III. 163).

²⁴²) Зъ вечора удалый молодчикъ все пивъ и гулявъ,
А къ пивночи удалый молодчикъ Богу душу отдавъ.
А у неділю въ обидню годину везуть хоронить,
За нимъ иде отецъ,—ненька розбивається,
Стоить шельма на новыхъ воротахъ—насмихається (Чуб. V. 432).

²⁴³) Якъ мѣ дала склянку вина, треба умирати,
Не позывай, моя мати, богацькую дочку,
Богацькая дѣвинонька буде проклинати,
Буде мѣ молодому тяжко умирати (Голов. III. 161).

²⁴⁴) Изосохнешь, изовьянешь якъ рожева квітка,
У постели лежатимешъ смерти бажатимешъ,
У своєй матусеньки воды прохатимешъ.
Сьмъ лѣтъ трысця труситеме, а смерти не буде (Чуб. V. 422.
Метл. 86).

безсилъ ни пахать, ни косить ²⁴⁵), ни молотить ²⁴⁶) и помышлялъ только о смерти ²⁴⁷). Это то, что въ народномъ вѣрованіи называется «даваньня». Малороссіяне вѣрятъ, что чародѣйки находятъ средства нагнать на человѣка тоску, упадокъ силъ и не причиняя сразу смерти, медленно уничтожать его тѣлесный организмъ. (о чарахъ великор. ср. Шейна I. 327—329).

Обыкновенно въ пѣсняхъ представляется, что дѣвица отравляетъ молодца изъ мщенія за невѣрность, но есть пѣсня, гдѣ по наущенію молодца, дѣвица отравляетъ своего брата. Это пѣсня о Сербинѣ. Дѣвушка говоритъ молодцу, чтобъ онъ ее сваталъ, а молодецъ Сербинъ отвѣчаетъ, что боится ея брата, и если бы она отравила своего брата, тогда онъ бы ее сваталъ ²⁴⁸). Дѣвица говоритъ, что умершіе ея родители не научили ее чародѣйствовать ²⁴⁹). Тогда Сербинъ научаетъ ее, какъ достать змѣинаго яда. ²⁵⁰) Въ другомъ вариантѣ вмѣсто Сербина искушителемъ является армянинъ ²⁵¹), а въ иныхъ—просто козакъ ²⁵²).

²⁴⁵) Не здужаю, брате, на воли гукати
Не здужаю, брате, косы волочити (Чуб. V. 364).

²⁴⁶) Не здужаю, брате, ципа поднимати (ibid.).

²⁴⁷) На що жъ мени, мати, людей старыхъ ськати,
Треба жъ мени, мати, заступа, лопаты,
Дубовои хаты, глыбокои ямы (ibid. 365).

²⁴⁸) Ой Сербине, Сербиночку!

Возьми мене дивчиночку!

Взявъ бы я тебе небого,

Якъ счаруешь брата свого (Ср. Голов. I. 206. II. 583).

²⁴⁹) А вмеръ батько, вмерла мати,
Не навчила чарувати (Чуб. V. 433).

²⁵⁰) Ой у лисъ на ялини

Ой тамъ висить три гадины,

На гадину сонде лече,

А зъ гадины ропа течѣ.

Пидставъ, дивча, коновочку

Пидъ гадючу головочку (Чуб. V. 432).

²⁵¹) Тамъ вармяне пасли кони

Пасли жъ вони попасали

Дивчиночку пидмовляли:

„Мандруй, мандруй дивча зъ нами,

Зъ молодыми вармянами:

— Ой рада бъ я мандрувати,

— Коли буде мій братъ знати.

„Счаруй, дивча, брата свого,

„Иди за мене молодого!“ (Чуб. V. 433).

²⁵²) Ой козаче, козаченьку

Сватай мене молоденьку (ibid.).

Дѣвушка къ прїѣзду возвращающагося брата наварила пива, подкинула туда яда и поднесла брату, какъ только онъ подѣхалъ къ ея порогу ²⁵³). Во многихъ вариантахъ фабула оканчивается тѣмъ, что искуситель не женился на преступницѣ, опасаясь, чтобъ она съ нимъ не сдѣлала того же, что съ братомъ ²⁵⁴). Она вышла за нищаго и носила за нимъ мѣшокъ съ выпрошенными кусками хлѣба, претерпѣвая подчасъ отъ него побои ²⁵⁵). Въ вариантѣ галицкомъ выхода въ замужество за нищаго—нѣтъ. (Подобнаго содержанія польская пѣсня у Кольберга. 5. 1. 134).

Хотя обыкновенно отравительницами въ пѣсняхъ являются дѣвушки, но видно, что чародѣйская наука изъ поколѣній въ поколѣнія переходитъ отъ старыхъ къ молодымъ и дѣвицы научаются чародѣйственнымъ тайнамъ отъ женщинъ-вдовъ. Въ одной пѣснѣ молодецъ, не влюбивши дѣвушки и предпочитая ей вдовицу, говорить, что у вдовицы стоятъ на полкѣ приготовленныя чародѣйственныя снадобья ²⁵⁶). Въ другой пѣснѣ говорится о трехъ бабахъ чаровницахъ: изъ нихъ одна околдовывала коровъ (занятіе вѣдмъ, по народнымъ вѣрованіямъ, пор-

-
- ²⁵³) Братъ прїѣхавъ зъ дароньками,
Сестра къ брату зъ чароньками,
„Ой на, брате, сего пива,
„Що я вчора наробила“.
Якъ братъ пива да й напився,
По конику покотився.
— Що се, сестро, да й за пиво
— Коло серця заварило! (Чуб. V. 432).

- ²⁵⁴) „Ой Сербине, Сербиночку,
„Бери мене дивчиночку,
„Вже ся не бій брата мого,
„Строила мѣ го рожего“.
— Не возьму тя, дивчинонько,
— Строила съ ты брата свого,
— Брата свого рожего,
— Строишь й мене молодого (Голов. I. 207. Голов. II. 583).

- ²⁵⁵) Пишла дѣвка за жебрана,
Жебранъ ходить хлиба просить,
А дивчина торбы носитъ.
Жебранъ хлиба що выпросить, то все въ торбу,
А дивчину та все въ морду (Чуб. V. 433).
²⁵⁶) А въ вдовици дви свитлицы гарни вечерини,
Стоять чары завязаны въ горшку на полици (Чуб. V. 423).

титъ чужихъ коровъ), другая занимается тѣмъ, что разстраи-
ваетъ домашнее житье-бытье, а третья—разлучаетъ дѣвицъ съ
ихъ милыми ²⁵⁷). Въ одной пѣснѣ указывается на вѣрованіе,
что есть возможность чародѣйственнымъ способомъ устроить на
пути преграду между желающими видаться. Дѣвица говоритъ
своему милому, что ей нѣтъ возможности ни придти къ нему,
ни поговорить съ нимъ, потому что тропинка опутана чарами ²⁵⁸).
Молодецъ говоритъ, что когда онъ поѣдетъ на своемъ конѣ,
тогда чары потеряютъ свою силу: вороной конь черезъ нихъ
перескочитъ ²⁵⁹).

ГЛАВА III.

Сватѣба.

Сватовство.—Сговоръ или заручины.—Суббота.—Гильце.—Коровай.—Дѣвичь-
вечеръ.—Расилетаніе косы.—Вѣчаніе.—Пріѣздъ жениха за невѣстою.—Игра
въ войну.—Братъ невѣсты.—Подарки.—Ужинъ у невѣсты.—Отѣздъ ново-
брачныхъ изъ дома невѣсты.—Комора.—Перева.

Сватѣба—эпоха полного расцвѣта молодости, эпоха высшаго
торжества въ скромной жизни поселянина, рѣдко выдвигающейся
за предѣлы однообразнаго домашняго быта. Сватѣба — время
самое веселое, на всю остальную жизнь незабвенное, оно въ
малорусской рѣчи даже носить нарицательное имя веселья (ве-
силья). Нѣкоторые привыкли думать, что вообще въ мужиц-

²⁵⁷) Ой пійду я на воду—тамъ коло броду,
Тамъ три бабы чаривниці набирають воду,
Една бабонька чаривниченька що коровы чаруе,
Друга бабонька чаривниченька що мишканьячкю псуе;
Третя бабонька чаривниченька що зъ чорными очима
Ой тая мене зъ моимъ миленькимъ та и розлучила (Голов. I. 271).

²⁵⁸) Ой горами, мій милий, горами
Перецьята стежка чарами,
А ни прійти, а ни перейти,
Ни съ тобою говорити (Чуб. V. 193).

²⁵⁹) Тогда будешъ, мила, говорити,
Якъ я буду коникомъ ѣздити.
Тогда горы розійдуться
Тогда чары розильються (ibid.).

комъ быту нѣтъ обоюднаго выбора въ бракъ и господствуетъ авторитетъ старшихъ и насиліе. Ошибаются, если полагаютъ, что такое существуетъ во всей жизни малорусской. Принудительные браки по волѣ старшихъ, такъ часто совершаемые у великоруссовъ, у малоруссовъ бываютъ рѣже. Супружества začínаются чаще всего по взаимному желанію жениха и невѣсты и это въполнѣ естественно тамъ, гдѣ существуютъ улицы, вечерницы и досвѣтки; все это на тотъ конецъ и сложилось, чтобы молодежь обоихъ половъ знакомилась и сближалась между собою. Обыкновенно молодецъ женится на такой дѣвушкѣ, которую зналъ уже давно на улицахъ и вечерницахъ, а часто на такой, съ которою цѣлый годъ передъ тѣмъ или долѣ женихался и даже ложился спать вмѣстѣ. Если такія расходятся и не оканчиваютъ бракомъ своей любви, то по исключительнымъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ.

Когда молодецъ приметъ твердое намѣреніе вступить въ супружескій союзъ, онъ объявляетъ объ этомъ родителямъ. Какъ смотрятъ старые люди въ этомъ случаѣ на бракъ—показываетъ пѣсня: сынъ спрашиваетъ матери: какую дѣвушку ему сватать. Мать даетъ совѣтъ не сватать такой, которая выставляется съ своими нарядами, а сватать такую, которая умѣетъ дѣло дѣлать, а объ этомъ спрашивать людей ¹⁾. Сынъ говоритъ, что такая именно у него есть въ виду и проситъ родительскаго благословенія ²⁾. Родители жениха переговариваютъ съ родителями невѣсты, согласятся, условятся, выпьютъ на радостяхъ горѣлки и тутъ вся суть дѣла. Устраивается свадьба. Это — народная полуязыческая литургія со множествомъ крупныхъ и мелкихъ символическихъ пріемовъ, сопровождаемыхъ исключительно къ нимъ принадлежащими припѣвками и пѣснями. Весь этотъ об-

¹⁾ „Чи ту, мамо, сватать, що головка гладка?“

— Сватай, сынку, й людей пытай, чи метена хатка.—

„Чи ту, мамо, сватать, що намістечко висить?“

— Сватай, сынку, й людей пытай, чи дижу замисыть!—

„Чи ту, мамо, сватать, що дрибненько ходыть?“

— Сватай, сынку, й людей пытай, чи дилечко робить!

(Чуб. IV, 52—53).

²⁾ „Робить вона дило, да все хорошенько:

„Благослови жь ты, нась, Боже, и ты, матусенька!“ (ibid.).

ходъ, всѣ приемы, обряды, символическіе вещественные предметы, пѣсни, припѣвки, аллегорическія рѣчи, движенія — все это сохраняется въ народѣ, какъ дань уваженія къ старинѣ, доходящаго во многомъ до суевѣрія. На всемъ лежитъ отпечатокъ сѣдой, можно сказать, доисторической старины. Но на этой первичной почвѣ видны наслоенія послѣдовавшихъ эпохъ народной исторіи. Вообще свадебный малорусскій ритуалъ остается неизмѣнно одинакимъ въ своихъ главныхъ чертахъ на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскимъ племенемъ, но въ подробностяхъ видоизмѣняется, не утрачивая нигдѣ своего основнаго смысла. Вся сватъба или свадебное дѣйство раздѣляется на три главныя части: сговоръ или заручины, дѣвичь-вечеръ и брачное торжество, происходящее въ день вѣнчанія. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь подраздѣляется, а въ заключеніи, уже послѣ совершенія брачнаго торжества, происходитъ эпилогъ, такъ-называемая перезва.

Сговоръ состоитъ вначалѣ изъ посѣщенія жениха съ толпою своей родни и съ избранными сватами, играющими роль какъ бы посредниковъ. Получивши первое согласіе, черезъ день или на другой день происходятъ заручины или рукодаини. Сваты, по обряду, проводятъ рѣчь о князѣ, который отправившись на охоту, гонялся за куницею или лисицею. Звѣрь забѣжалъ въ этотъ дворъ и они затѣмъ зашли сюда, чтобы достать его. Князь-женихъ въ это время стоитъ въ сѣняхъ за дверьми. Здѣсь очевидно слѣдъ звѣроловнаго быта. Въ другихъ мѣстностяхъ сваты представляютъ видъ, что отъ нихъ ушла телушка и они хотятъ добыть ее къ своему бычку. Здѣсь является уже признакъ другаго быта, который проходилъ народъ — быта пастушескаго. Хозяева говорятъ гостямъ, что они вѣрно худые люди, разбойники, и надобно ихъ перевязать. Это и дѣлается: всѣхъ гостей перевязываютъ платками и (рушниками) полотенцами. Тогда гости предлагаютъ окупъ. Здѣсь также слѣды того давняго времени, когда захожаго иноземца, какъ чужаго человека старались при возможности обобрать, посягали на его свободу и заставляли откупаться отъ неволи. Въ первое посѣщеніе жениха со сватами, невѣста обыкновенно прячется за

печь или убѣгаетъ въ сѣни, гдѣ стоитъ женихъ, а потомъ, возвратившись вмѣстѣ съ нимъ въ хату или сошедши съ печи, даетъ согласіе. Во второе посѣщеніе въ значеніи окупа отъ жениха предлагается водка и кромѣ того подарки невѣстѣ (сапоги, рубаха и разныя лакомства). Родители невѣсты ставятъ на столъ закуску. Жениха и невѣсту заставляютъ кланяться родителямъ невѣсты, а тѣ ихъ благословляютъ хлѣбомъ, соединеннымъ изъ двухъ слѣпленныхъ хлѣбовъ и пучкомъ ржи изъ сноповъ, заранѣе приготовленныхъ и разставленныхъ по четыремъ угламъ хаты (Чуб. IV. 67). Тогда заранѣе приглашенные составлять свадебный поѣздъ невѣсты начинаютъ запѣвать свадебныя пѣсни, принадлежащія по обряду именно къ этой части свадебнаго ритуала. Жениха и невѣсту сажаютъ на почетное мѣсто (на покутѣ) въ углу подъ образами, около нихъ садятся гости—обокъ жениха сваха и его родители, близь невѣсты, которую сажаютъ на лѣвую сторону отъ жениха — ея дружки, т. е. дѣвицы, составляющія свадебный персоналъ невѣсты *).

Изъ множества пѣсенъ, принадлежащихъ этой части обряда, мы укажемъ на болѣе характеристическія. Такъ въ одной пѣснѣ поется, что невѣста изъ нѣсколькихъ претендентовъ избрала одного, жениха своего. Трое старостъ приходило ее сватать; однимъ она просто отказала, другихъ угощала, третьимъ руку подала и подарила по полотенцу, а жениху (имя-рекъ) платочекъ ³⁾. Въ другой—женихъ сравнивается съ соколомъ, кото-

*) Въ дѣльномъ и ученомъ изслѣдованіи харьковскаго университета профессора Н. О. Сумцова, стр. 9—35 о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, очень удовлетворительно изложены историческіе фазисы прежнихъ эпохъ народной жизни, какъ они выражаются до сихъ поръ въ удѣлѣвшихъ приемахъ свадебнаго ритуала, начиная съ первобытнаго грубаго умыканья и кончая болѣе культурными формами сдѣлокъ и договоровъ, подъ формою купли и продажи невѣсты. Это, по нашему убѣжденію, самое лучшее, до чего доработалась наша наука по вопросу объ историческомъ значеніи свадебнаго ритуала.

³⁾ Ой прислалося до дивки Маруськи трое старостивъ разомъ:
Первыи прійшли—у присинечки ввійшли.
Други прійшли—въ синечки ввійшли.
Третіи прійшли—въ свитилоньку ввійшли.
Що въ присинечкахъ—тихъ частовала,

рый ищетъ себѣ черную галку: такъ и молодецъ прибылъ изъ чужой стороны, сѣлъ за столомъ и поглядываетъ на дѣвицъ: всѣ веселы, одна невѣста печальна и плачетъ ⁴⁾).

Ей жаль своего дѣвчества, не знаетъ она будутъ ли ея руки такъ бѣлы, какъ были онѣ у родного батюшки ⁵⁾. Она садилъ у себя садъ-виноградъ, забыла затворить ворота. Наѣдетъ молодецъ съ боярами, вытопчетъ виноградъ. Не жалѣй, говорятъ ей, винограднаго цвѣта, жалѣй о молодыхъ лѣтахъ: виноградные цвѣты обновятся, а молодые лѣта твои не вернутся ⁶⁾).

Особенно отличаются глубиною чувства и живостію поэтическихъ образовъ пѣсни, которыя въ этотъ періодъ свадебной пѣсы поются сиротѣ-невѣстѣ. Отвори, Боже, ворота—поется—

Що въ синечкахъ—тимъ одказала;
Що у свитилоньки—тимъ ручку давала,
Ще й по рушничку, молодому (имя-рекъ) хусточку (Чуб. IV. 68).

Или:

Первыи сваты—пидь сѣньми киньми.
А други сваты въ синечки ввійшли,
А третій сваты въ свитилочку ввійшли.
Пидь синьми-киньми—хусточку дала,
А що въ синечкахъ—перстнечокъ дала,
А що въ свитилоньцѣ—сама молода (ibid. 69).

- ⁴⁾ Налынувъ соколъ изъ чужихъ сторонъ—
Ой поглядае по всѣхъ галонькахъ...
Его галонька найчорнійшая.
Наѣхавъ Ивашко изъ чужихъ селъ,
Ой сивъ соби въ тестя за столомъ,
И поглядае по всѣхъ дивонькахъ:
Ой вси дивоньки веселеньки,
Его Маруся смутненька сидыть (ibid. 70).
⁵⁾ Одвидала-бъ чужу сторону.
Не такъ сторону, не такъ чужу—якъ чужого батенька.
Чи винъ добрый, чи добровирный
Якъ мій ридный? (ibid. 71).

или:

- Била моя рученька да у батенька
Чи буде билиша у свекорка (ibid. 70).
⁶⁾ Забула воротечки зачинити...
Якъ приіде Иванъ съ болами,
То вытопче садъ-виноградъ кониками.
— Ой не жалуй, моя доню, виноградovýchъ квітѣ,
Тилько жалуй, моя доню, молодыхъ лѣтъ,
Виновыи квити обновляться,
Лѣта твои молодии не вернуться (ibid. 70—71).

идеть сирота на посадъ. Ноетъ ея сердце, будто ножемъ его рѣжутъ: нѣтъ у ней родного батюшки. Господь встрѣчаетъ ее со счастливою долею, даруетъ ей добрую семью ⁷⁾. Сирота хотѣла бы послать соловья и кукушку за родными, но соловей не возвращается съ неба и отецъ не приходитъ изъ рая, а родныхъ нѣтъ изъ Украины ⁸⁾. Здѣсь, какъ намъ кажется, отпечатались тѣ времена, когда происходили народныя переселенія на слободы, и много было оставшихся въ малороссійскомъ краѣ, лишившихся своихъ родныхъ, выселившихся съ родины.

Дѣвичъ-вечеръ — второй актъ свадебнаго дѣйства. Въ народной жизни онъ обыкновенно бываетъ въ субботу, наканунѣ вѣнчанія, которое почти всегда назначается на воскресенье. Есть двѣ вещественныя символическія принадлежности этого субботняго дня: гильце или вильце и коровай. Гильце — это вѣтвь, обыкновенно сосновая, разубранная цвѣтами, лентами, цвѣтными бумажками, колосьями, ягодами и пр.; лѣтомъ или весною употребляютъ на гильце вѣтвь калиновую, вишневую, яблонную, черемушную, иногда въ полномъ цвѣту ⁹⁾. Но такъ какъ большею частію браки совершаются зимою, то употребленіе сосновой вѣтви на гильце представляется уже какъ бы неизмѣннымъ правиломъ, о чемъ намекается въ пѣсняхъ ¹⁰⁾. Вѣтвь эту втыкаютъ въ хлѣбъ и ставятъ въ такомъ видѣ на

⁷⁾ Одчиний, Боже, ворота:

Иде на посадъ сирота.

Нне серденько, якъ ножемъ крає,

Що батенька не має.

Стричає їи Господь самъ

Изъ долею счастливою,

Изъ доброю родиною (Чуб. IV. 67).

⁸⁾ Пошлю зозуленьку на Вкраиноньку

По свою родиноньку;

А соловейка вище неба,

Бо мені батенька треба.

Ні соловья зъ саду, ні батенька зъ раю,

Ні родини зъ України (ibid.).

⁹⁾ Чуб. т. IV, стр. 98 и дал.

¹⁰⁾ До бору, старосты, до бору.

Рубайте сосну здорову,

Рубайте сосенку-деревце—

Молодій Марусі на гильце (Чуб. IV. 101).

концѣ стола, противоположномъ тому, который подходитъ къ образному углу, а сверху вѣтвь эту подвязываютъ снурочкомъ, заѣлпленнымъ за гвоздь, воткнутый въ потолокъ. Эта вѣтвь, украшаемая и вставляемая на столѣ съ приличными обрядами и пѣснями, имѣетъ символическое значеніе брачнаго вѣнка, а потому-то говорится: не *ставитъ* гильце, а *вѣтъ* гильце, и притомъ самое гильце въ нѣкоторыхъ вариантахъ одной и той же пѣсни замѣняется словомъ барвинковый вѣночекъ ¹¹⁾. Въ другихъ пѣсняхъ оно неоднократно называется прямо вѣнкомъ ¹²⁾. Оно дѣлается въ честь какъ новобрачной, которая называется княгиней, такъ и въ честь новобрачнаго, именуемаго на обрядномъ языкѣ княземъ ¹³⁾. Собственно нормально символическое дерево для гильца, какъ видно изъ пѣсенъ, есть калина ¹⁴⁾, которая всегда и повсюду въ пѣсенномъ мірѣ есть символъ выходящей въ замужество женщины. Хотя обыкновенно гильце зимою дѣлается изъ ели ¹⁵⁾ или сосны, но какъ бы въ память того, что настоящимъ деревомъ для этого предмета должна быть калина ¹⁶⁾, все деревцо сосновое или еловое сверху до низу унижается калиновыми ягодами ¹⁷⁾ вмѣстѣ съ символическими травами бар-

¹¹⁾ Благослови, Боже, и отецъ и мати,
Своему дитяти гилечко (барвинковый вѣночекъ) звѣти (ibid. 99, 100).

¹²⁾ Благослови, Боже,
Пречиста Госпоже,
Сей виночокъ звѣти!..
Ой мы вильце вили,

Да мы меду не пили (Чуб. IV. 100, также 101).

¹³⁾ Зѣ чого мы будемъ князеви вѣнецъ плести?

Ой е въ городи хрещатый барвинокъ,

Зѣ того мы будемъ князеви вѣнецъ плести (Основа. 1862. Апр. Ст. VIII, стр. 4).

¹⁴⁾ Якъ Марусѣ гильце вили,
То вси лужечки выходили,
Чорвону калину выламали,

Такъ мы Маруси гильце звили (Метл. 135).

¹⁵⁾ Коли бъ я знала, коли бъ я вѣдала, що елечко буде (Метл. 134).

¹⁶⁾ То бъ я послала свого батенька да въ лугъ по калину (Метл. 134).

¹⁷⁾ Гильце деревце зѣ ялины

Изъ червонои калины,

Изъ хрещатого барвинку,

Изъ пахнущого васильку;

Гильце деревце—ялина,

Видъ верху до споду калина (Чуб. IV. 104).

винкомъ и василькомъ. Барвинокъ, какъ символъ любви, противопоставляется рутѣ и мятѣ, символамъ дѣвственности: не-вѣста изображается подходящею къ окну хаты въ то время, когда въ этой хатѣ вьютъ ея гильце и она говоритъ дружкамъ: миѣ вейте изъ барвинка, а себѣ изъ руты и мяты¹⁸⁾. Въ пѣс-няхъ убранство гильца — колосья¹⁹⁾, вишня²⁰⁾, перья изъ птицъ²¹⁾.

По окончаніи приготовления гильца, невѣста испрашиваетъ у родителей благословенія идти съ дружками по селу и зазы-вать гостей на свадьбу²²⁾. По выраженію пѣсни, матушка, родившая ее, оградила ее мѣсяцемъ, опоясала солнцемъ и сна-рядила въ село²³⁾. Во время хожденія по селу дружки, сопро-вождающія невѣсту, безпрестанно поютъ принадлежащія къ этому обряду пѣсни. Подступая къ воротамъ то того, то дру-гого двора, онѣ въ пѣсняхъ приглашаютъ обметать дворы, за-стилатъ столы и встрѣчать радушно невѣсту и дружекъ²⁴⁾.

¹⁸⁾ Коло свитлоньки, коло новой,
Тамъ Маруся объѣзжае,
Въ оконечко заглядае.
Тамъ дивочки гилечко вьютъ.
Війте, дивочки, соби й мени,
Соби звійте зъ руты, зъ мъяты,
Мени звійте зъ барвиночку (Чуб. IV. 104).

¹⁹⁾ Пивъ стога вивса высмыкали,
Закиль свое гильлячко вбрали (ibid. 103).

²⁰⁾ Да вси жъ мы сады выходили,
Да вси жъ мы вишеньки выгледили,
Одну вишеньку злюбили,
Да й той вершокъ зломили (ibid. 103--104).

²¹⁾ Летѣвъ горностаи по-надъ ставъ,
Пускавъ пирячко на весь ставъ;
Збирайте пирячко до ширца
Молодому до гильца (Чуб. IV. 102).

²²⁾ Благослови, Боже, и отецъ, и мати,
Своему дитати на село выхожати (Чуб. IV. 133).

²³⁾ Мѣсяцемъ обгородила,
Сонячкомъ пидперезала,
На село выражала (ibid.).

²⁴⁾ Обмитаите дворы,
Застилайте столы,
Идутъ къ вамъ дружечки! (ibid. 134).

Невѣста ведетъ съ собою дружекъ, какъ утка утятъ ²⁵). Въ одной изъ пѣсень, какія поются во время этого хожденія по селу, изображается, что невѣста утопала, звала къ себѣ на помощь, но къ ней не подоспѣли ни родители, ни братья, ни сестры, а подоспѣлъ и спасъ ее молодецъ, за котораго она выходитъ замужъ ²⁶). Но высказывается также сожалѣнiе вступающей въ бракъ о минувшихъ дняхъ дѣвчества: не примутъ ее въ свой кругъ веселыя дѣвицы въ вѣнкахъ и лентахъ ²⁷), напрасно будутъ цвѣсти въ ея садѣ розы, барвинокъ, василекъ; ей уже не вить изъ нихъ себѣ вѣнка и не мять въ рукахъ пахучаго василька ²⁸). Жалко ей и отцовскаго двора; обошла она всѣ дворы, а какъ вернулась и подошла къ родительскому, то стало ей грустно ²⁹).

- ²⁵) Утинька йде,
Утенята за собою веде;
Да не утка се йде—
То Марьечка йде, соби дружечокъ веде! (Чуб. IV. 135).

(²⁶) А батенько
А матѣнка
Е човничокъ и веселечко:
„Потопай, мое сердечко!“

А Ивась та на бережечку,
Е човничокъ и веселечко:
Не потопай, мое сердечко! (Чуб. IV. 138).

²⁷) Якъ же мени дай не плакати,
Що дивочки гуляють,
Стричечками мають,
А мене не приймають (Чуб. IV. 137).

²⁸) Вже роженъка процвітає,
Хрещатый барвиночекъ
Встилає садочокъ,
А запашный василёчокъ
Зъ тыномъ ривняється.
— Вже жъ мени зъ теи роженъки
— Виночка не носитьъ,
— И запашного василёчка
— Въ рученьки не вѣдять! (Чуб. IV. 140).

²⁹) Молода Маруса вси дворы обходила,
Но нигде слѣзы не вронила,
А якъ прийшла на батькивъ двіръ,
То стала, подумала, жалибно заплакала:
„Ой дворе мій, дворе, яке тобі горе;
„Не такъ дворянькови, якъ своєму батенькови (Чуб. IV. 140—141).

Во время хожденія невѣсты по селу, которое иногда продолжается весь день до вечера, происходитъ въ ея домѣ, какъ и у жениха, приготовленіе короваевъ. Это старинный обрядъ — готовить и печь свадебный хлѣбъ, называемый коровой. Обычай этотъ былъ, какъ кажется, въ древности повсемѣстенъ у славянскихъ народовъ. По крайней мѣрѣ въ оставшихся описаніяхъ свадебъ московскихъ государей и близкихъ къ нимъ лицъ всегда упоминаются короваи. Одинъ коровой жениха, другой — невѣсты ³⁰⁾. Эти короваи носились вмѣстѣ со свѣчами во всѣхъ церемоніяхъ, приносились въ храмъ во время вѣнчанія, а потомъ неслись въ сѣнникъ, приготовленный для брачнаго ложа. На свадьбѣ великаго князя Василія Ивановича коровой убирался двадцатью семью пѣнязми, а при свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича короваи покрыты были: жениховъ — золотнымъ турскимъ бархатомъ, а царицынь — золотнымъ атласомъ; на покрывахъ было нашито 27 пѣнязей позолоченныхъ ³¹⁾. Также точно и въ описаніи свадьбы вообще великоруссовъ XVII вѣка, сохранившемся у Котошихина, мы видимъ, что коровой пли свадебный хлѣбъ составлялъ неотъемлемую вещественную принадлежность свадебнаго ритуала ³²⁾.

У малорусскаго народа коровой считается важнымъ и необходимымъ, хотя время приготовленія его различно: иногда ранѣе въ пятницу, иногда же утромъ въ воскресенье, но чаще всего въ субботу, въ то время какъ невѣста ходитъ съ друзьями по селу.

Коровай готовятъ (бгаютъ по народному выраженію, что буквально значить заламываютъ) непременно замужнія женщины, которыхъ мать невѣсты для этой цѣли приглашаетъ ³³⁾,

³⁰⁾ Др. Росс. Вивлюенка. Изд. Новикова, 1790. Ч. XIII, стр. 5, 6, 9, 23, 39, 48, 63, 76, 82, 113, 125, 151, 165, 167, 183, 190.

³¹⁾ Ibid. 183.

³²⁾ О Россіи въ царств. Алекс. Мих. Спб. 1840, гл. I, статья 11, стр. 7, гл. XIII, статья 5, стр. 121.

³³⁾ Марусина мати по сусидоньци ходить

Сусидъ своихъ просить:

Да сусидоньки мои, прибудте къ мени,

Да до моеи хаты, до мого дитяти,

Короваю бгати (Чуб. IV. 215).

и отецъ жениха представляется дѣлающимъ для своего сына то же ³⁴). Они просятъ коровайницъ приготовить коровой ясный какъ мѣсяцъ ³⁵). Коровайницы, явившись къ дѣлу, прежде всего желаютъ выпить горѣлки ³⁶). Коровай долженъ быть приготовленъ изъ такой пшеницы, которая уже семь лѣтъ стояла въ стогѣ ³⁷), а по другому варианту изъ пшеницы, взятой изъ семи стоговъ ³⁸) и на водѣ непременно ³⁹) родниковой—по одному варианту изъ трехъ ⁴⁰), по другому изъ семи родниковъ ⁴¹), и разубранъ калиною ⁴²). Въ другой пѣснѣ, кромѣ пшеничной муки и родниковой воды, къ бороваю считаются нужными масло изъ молодыхъ коровъ, яйца изъ молодыхъ куръ и прозрачная соль ⁴³). Тѣсто коровая должно такъ подойти вверхъ, чтобъ быть выше того, какъ высоко стояла пшеница, изъ которой дѣлался коровай, когда находилась на нивѣ въ снопахъ и на гумнѣ въ стогѣ ⁴⁴). Мать невѣсты должна подать коровайницамъ родни-

³⁴) Ивашковъ татко по юлоньци ходить,

По юлоньци ходить, сусидъ своихъ просить,

Не къ соби, къ дитяти, короваю бгати (Чуб. IV. 216).

³⁵) Та злинить коровой красный, якъ мѣсяцъ ясный! (ibid.).

³⁶) На Бога жъ вы глянѣте, та намъ горилки дайте (ibid.).

³⁷) Що въ нашемъ короваю семилитня пшеница (Чуб. IV. 222).

³⁸) Зъ семи стогивъ пшеница (ibid. 228).

³⁹) Якъ мы коровой мисили—

Зъ дунаю воду носили...

А дунай же къ намъ промовлявъ:

Да не берить водици зъ дунаю,

Да наберить водици зъ криници (Чуб. IV. 224—225).

⁴⁰) Изъ трехъ криницъ водиця (Чуб. IV. 222).

⁴¹) Зъ семи криницъ водиця (ibid. 228).

⁴²) Мовила, говорила червона калина:

Не подѣба моя у лузи стояти,

Але подѣба моя у короваѣ сѣяти (ibid. 217, также 228).

или:

Пийдемо до рѣчки калины ламати,

Коровай убирати (Чуб. V. 229).

⁴³) Ой короваю, короваю,

Мени до тебе кошту треба:

Корець муки пшеничнои,

Цеберъ воды криничнои,

Хваску масла лровыхъ коровъ,

Копу яецъ молодыхъ курей,

Гарнець соли ледовои... (Чуб. IV. 224).

⁴⁴) Густая буйная (пшеница) на нивѣ,

Частыи снопочки на жнѣви,

ковой воды, чтобъ онѣ помыли себѣ руки предъ починомъ работы ⁴⁵⁾. Приступаютъ къ работѣ съ пѣснями, въ которыхъ призывается содѣйствіе Бога и святыхъ его ⁴⁶⁾. Кромѣ калиновыхъ вѣтвей съ ягодами, которыя вмѣстѣ представляются цвѣтущими надъ тою коморою, гдѣ приготавливаютъ коровой ⁴⁷⁾, убранство коровай составляютъ вишни, виноградъ ⁴⁸⁾, птичьи перышки ⁴⁹⁾ и червонцы ⁵⁰⁾, которые дѣйствительно клались въ царскихъ короваяхъ, а у малоруссовъ остаются только въ пѣсняхъ, на дѣлѣ замѣняясь копѣйками. Коровайницы разрисовываютъ коровай узорами съ изображеніями звѣздочекъ и птичекъ ⁵¹⁾. Онѣ хотятъ заказать кузнецу особую кочергу для выгребанія золы изъ печи и особую лопату для посадки въ печь своего коровай ⁵²⁾ да еще мечъ, которымъ бы можно было про-

Да высоки стоги на гумни,
Вышій нашъ коровай на столи (Чуб. IV. 218).

- ⁴⁵⁾ Марусина мати нехай прійде,
Нехай принесе зъ криници водици;
Нехай помыють коровайнички ручки (Чуб. IV. 220).

- ⁴⁶⁾ Помози Боже, Пречиста Мати,
Въ тымъ дому на тисовымъ столу коровай бгати (Чуб. IV. 218).

или:

Самъ Богъ коровай мисыть,
Пречистая свитыть,
Анголи воду носять,
Господа Бога просять (ibid. 222, также 223).

- ⁴⁷⁾ Зацвила калина не литомъ—зимою, надъ тею коморою
Де коровай вбирають, хорошенько спивають (Чуб. IV. 234).

- ⁴⁸⁾ Свиты, мисяченьку, ясною зорою
Де коровай убирають; вишни якъ черешни,
Винныи ягодоньки, райськіи пташоньки,
Де коровай убирають, хорошенько спивають (Чуб. IV. 230).

- ⁴⁹⁾ Легѣвъ горностай черезъ садъ,
Пустивъ шпрячко на весь садъ:
Ходѣмъ, сестрици, зберемъ
Да хорошенько коровай уберемъ (Чуб. IV. 234).

- ⁵⁰⁾ Мы жъ були коровайнички,
Мы вмили коровай пекти
Около овильцями
Въ серединѣ червинцями (Чуб. IV. 231).

- ⁵¹⁾ Въ насъ хорошинськи (изъ села Хорошанки) жиночки
Хороше коровай гафтуютъ:
До коло зороньками,
Райськими пташечками (Чуб. IV. 230).

- ⁵²⁾ Ходимъ до коваля,
Щобъ намъ сковавъ кочергу,